

ISSN (print): 2587-5434
ISSN (online): 2587-5523

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists

Scientific Journal

WEST – EAST

Vol 5 № 1 (March, 2020)

Publishing House “**UNIVERSAL**”

Tbilisi 2021

INTERNATIONAL, REVIEWED AND REFERRED
SCIENTIFIC JOURNAL “ WEST-EAST ”
PUBLISHED BY THE DECISION OF MEMBERS OF THE BOARD AND SCIENTIFIC COUNCIL
OF
INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL ORGANIZATION OF PHILOLOGISTS
“ WEST-EAST ”
ISPOP

DOI: <https://doi.org/10.33739/WEST-EAST>

ROAD ISSN (print) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5434>

ROAD ISSN (online) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5523>

Scientific Journal “WEST-EAST” is a peer-reviewed International Scientific Journal that publishes research in the field of Linguistics, Media Culture, Language Teaching Methods and Pedagogy. International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists "West-East" ISPOP and the journal “WEST-EAST” assist in uniting philologists, educators, teachers and young specialists in Georgia and around the world. In Scientific Journal “WEST-EAST” there is a peer-reviewed international scientific journal that publishes researches in the field of linguistics, media culture, language teaching methods and pedagogy. International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP and the journal “WEST-EAST” assist in uniting philologists, educators, teachers and young specialists in Georgia and around the world, for the purpose of becoming part of an International Family of Researchers in the above-mentioned fields.

The International Scientific Council and Editorial Board of the journal include leading specialists in these fields from different countries. The geography of the authors of publications on the journal's topics is diverse.

All articles undergo double-blind review by our editorial board, as well as reviewers (according to areas) of a particular issue.

Original works that have not been published before are welcome.

Zoia Adamia – Editor-in-Chief, PhD, prof, Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Director of the Institute of Russian Language and Literature (Georgia), Deputy Director of the International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP), ORCID iD: 0000-0001-6841-622X

SCIENTIFIC-EDITORIAL COUNCIL

Valerij Mokienko – Chairman of the Scientific–Editorial Council, Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c.em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the Honour President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists.

Harry Walter – Professor, Dr.Dr.h.c., the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists, University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies (Germany)

Imre Pacsai – Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor, Nyíregyháza High School (Hungary)

EDITORIAL BOARD

Olga Lomakina – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University of Russia (Russia)

Simona Korycankova – Associate Professor, PhDr. Mgr., Ph.D. Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University, Brno (Czech Republic)

Maria Mocarz -Kleindienst – PhD, Associate Professor, Lublin Catholic University of John Paul II, Lublin, (Poland)

Elena Tareva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia)

Maria Konyushkevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Journalism of YankaKupala State University of Grodno, Grodno (Republic of Belarus)

Anna Onkovych – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kyiv Medical University (Ukraine)

Eugene Ivanov – PhD of Philological Sciences, Associate Professor (Republic of Belarus)

Victoria Diasamidze – PhD, Associate Professor, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

Antonia Pencheva – PhD, Associate Professor, University of National and World Economy (Bulgaria)

Natalia Venzhynovych – Doctor of Philology, Professor, Uzhgorod National University (Ukraine)

Anna Petrikova – PhD, Associate Professor, Faculty of Philosophy of Presov University (Slovakia)

Olena Polovynko – Doctor of Philosophy: Philological Sciences, Associate Professor, University of Strasbourg (France)

Tatiana Fedulenkova –Doctor of Philological Sciences, Professor, Vladimir State University named after the Stoletov Brothers (Russia)

Nino Sanaia – PhD, Associate Professor, Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences, Institute of Foreign Languages (Georgia)

Natalia Roitberg – PhD, the lecturer of Foreign Language at the University of Haifa (Israel)

Leila Diasamidze – PhD, Assistant Professor, Language Center, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ, РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ И РЕФЕРИРУЕМЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ WEST-EAST ”
ВЫХОДИТ ПО ОБЩЕМУ РЕШЕНИЮ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ
И НАУЧНОГО СОВЕТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОЛОГОВ
«ЗАПАД-ВОСТОК» - ISPOP

DOI: <https://doi.org/10.33739/WEST-EAST>

ROAD ISSN (print) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5434>

ROAD ISSN (online) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5523>

Научный журнал “WEST-EAST” – рецензируемый международный научный журнал, публикующий исследования в области лингвистики, медиа культуры, методики преподавания языков и педагогики. Международная научно-педагогическая организация филологов «Запад-Восток» ISPOP и журнал “WEST-EAST” содействуют в объединении филологов, педагогов, преподавателей и молодых специалистов Грузии и всего мира, с целью стать частью международной семьи исследователей в данных областях.

В международный научный совет и редакционную коллегию журнала входят ведущие специалисты по указанным направлениям из разных стран. География авторов публикаций по тематике журнала разнообразна.

Все статьи проходят двойное слепое рецензирование нашей редколлекцией, а также рецензентами (по данным областям) конкретного выпуска.

Приветствуются оригинальные, ранее не публиковавшиеся работы.

Адамия Зоя – главный редактор журнала “ WEST-EAST ”, доктор филологии, профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, директор Института русского языка и литературы (Грузия), заместитель директора Международной научно-педагогической организации филологов «Запад - Восток» - ISPOP. ORCID iD: 0000-0001-6841-622X

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мокиенко В. М. – председатель научно-редакционного совета журнала “ WEST-EAST ”, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, почётный профессор Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта, Оломоуцкого университета, почетный председатель фразеологической комиссии международного комитета славистов (Россия, Германия, Чехия)

Вальтер Харри – доктор филологических наук, профессор, Институт славистики Грайфсвальдского университета им. Эрнеста Морица Арндта, председатель фразеологической комиссии международного комитета славистов, член президиума МАПРЯЛ (Германия)

Пачай Имре – реабилитированный доктор филологических наук, профессор, Ньиредьхазская Высшая школа (Венгрия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ломакина О. В. – доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия)

Корычанкова Симона – доктор филологических наук, ассоциированный профессор, университет им. Масарика (Чехия)

Тарева Е. Г. – доктор педагогических наук, профессор, директор института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (Россия)

Онкович А. В. – доктор педагогических наук, профессор, Киевский медицинский университет (Украина)

Иванов Е. Е. – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова Могилёв (Беларусь)

Диасамидзе В. Г. - доктор филологии, ассоциированный профессор, Батумский государственный университет им. Шота Руставели (Грузия)

Пенчева Антония – доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Университет национальной и мировой экономики (Болгария)

Венжинович Наталия – доктор филологических наук, профессор, Ужгородский национальный университет (Украина)

Конюшкевич М. И. – доктор филологических наук, профессор, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь)

Петрикова Анна – доктор филологии, ассоциированный профессор, Прешовский университет (Словакия)

Половинко Елена – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Страсбургский университет (Франция)

Моцаж-Клейндиенст Мария – доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Люблинский католический университет Иоанна Павла II (Польша)

Федуленкова Т. Н. – доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Россия)

Саная Нино – доктор филологии, ассоциированный профессор, Цхум-Абхазская Академия наук, Институт иностранных языков (Грузия)

Ройтберг Наталья – доктор филологии, Хайфский университет (Израиль)

Диасамидзе Лейла – доктор филологии, Языковой центр, Батумский государственный университет им. Шота Руставели (Грузия)

SCIENTIFIC JOURNAL “ WEST-EAST ”

The journal is published **twice a year (March and October)**

Reception of materials (**deadline**) until **January 15 and August 15**

The publication of the electronic version of the journal on the site is expected **until March 15 and October 15**

Mailing of the printed version of the journal will take place **until March 25 and October 25**

DOI: <https://doi.org/10.33739/WEST-EAST>

ROAD ISSN (print) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5434>

ROAD ISSN (online) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5523>

The journal has: Index - Crossref, ROAD ISSN, National Parliamentary Library of Georgia (Digital library "Iveriel"), e-library, RSCI-SCIENCE INDEX, Google, OCLC WorldCat, etc.

Each article of the journal is assigned a digital object identifier (**DOI**) for improved search and identification:

- Peer reviewed and referred journal
- Year of foundation: November, 2018
- ISSN (print) – 2587-5434
- ISSN (online) – 2587-5523

- Release form: printed and electronic
- Language of texts: English, Russian,
- Language metadata: English, Russian.

Thematic orientation:

1. Linguistics
2. Media culture
3. Pedagogics. Theory and Methodology of Language Teaching

Address for correspondence and submission:

134a, Tsothe Dadiani str, Tbilisi 0180, Georgia.

Tel.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Anti-plagiat program

For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's

<http://ispop.ge>

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

©“WEST-EAST”, 2021

Publishing House “UNIVERSAL”, 2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ “ WEST-EAST ”

Журнал издается **2 два раза в год (в марте и в октябре)**
Прием материалов (дедлайн) – до **15 января и 15 августа**
Публикация электронной версии журнала на сайте – до **15 марта / 15 октября**
Почтовая отправка печатной версии журнала – до **25 марта / 25 октября**

DOI: <https://doi.org/10.33739/WEST-EAST>

ROAD ISSN (print) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5434>

ROAD ISSN (online) <https://portal.issn.org/resource/ISSN/2587-5523>

Индексация: Crossref, ROAD-ISSN, Национальная парламентская библиотека Грузии (электронная библиотека "Iveriel"), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google, WorldCat и др.

Каждой статье журнала присваивается идентификатор цифрового объекта (**DOI**) для лучшего поиска и идентификации статьи

- Рецензируемый и реферируемый журнал
- Год основания: ноябрь 2018
- ISSN (печатный) – 2587-5434
- ISSN (электронный) – 2587-5523

- Форма выпуска: печатная и электронная
- Язык статей: английский, русский
- Метаданные статей: английский, русский

Научные статьи проверяются на плагиат

Направления журнала:

1. Лингвистика
2. Медиакультура
3. Педагогика. Теория и методика преподавания языков

Адрес для корреспонденции:

Грузия, г.Тбилиси 0180, ул. Цотне Дадиани, 134а

Тел.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

Полная информация о журнале и правила оформления статей размещена на сайте

<http://ispop.ge>

<http://ispop.ge/jour.php>

<http://ispop.ge/archive.php>

©West-East, 2021

Издательство «УНИВЕРСАЛ», 2021

CONTENTS

LINGUISTICS

LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE NUMBER NINE – Zoia Adamia, Manana Shelia & Maia Marghania	11
AUTONOMOUS APHORISMS (APHORISM IN THE NON-APHORISTIC TEXT) – Eugene Ivanov & Elena Teslenko	26
COMMON MOTIFS IN RUSSIAN AND HUNGARIAN FAIRY-TALES – Imre Pacsai	37
AFFIXES PRODUCING “LOCAL-SPATIAL” WORD-BUILDING MEANINGS IN THE GERMAN LANGUAGE – Irina Kruashvili	52
METHODOLOGY FOR DETERMINING NATIONAL, INTERNATIONAL AND UNIVERSAL IN BELARUIAN PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY – Yuliya Petrushevskaya	61
DRAGOMAN – TRANSLATOR AT THE CROSSROADS WEST AND EAST (TURKEY) – Victoria Diasamidze	73

MEDIA CULTURE

GEORGIAN CINEMA IN POLISH MEDIA DISCOURSE – Maria Mocarz-Kleindienst	82
SECTORAL LINGUOCOUNTRY STUDIES (on the example of medical linguo-Ukrainian studies) – Anna Onkovych	91

PEDAGOGICS

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

MEMORY TYPES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING – Rusudan Gogokhia	102
USING LEARNING PORTAL IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING – Leila Diasamidze	108
LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF TEXTS ABOUT THE ARCHITECTURE OF ANCIENT EGYPT – Olena Mospan	113

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРЫ ДЕВЯТЬ – Зоя Адамия, Манана Шелия, Майя Маргания	11
АВТОНОМНЫЕ АФОРИЗМЫ (АФОРИЗМ В НЕАФОРИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ) – Евгений Евгеньевич Иванов, Елена Павловна Тесленко	26
ОБЩИЕ МОТИВЫ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК – Имре Пачаи	37
„ЛОКАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ“ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ – Ирина Круашвили	52
МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО В ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА – Юлия Анатольевна Петрушевская	61
ДРАГОМАН - ПЕРЕВОДЧИК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА (ТУРЦИЯ) – Виктория Григорьевна Диасамидзе	73

МЕДИАКУЛЬТУРА

ГРУЗИНСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В ПОЛЬСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ – Мария Моцаж-Клейндиенст	82
ОТРАСЛЕВОЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ (на примере медицинского лингвоукраиноведения) – Анна Владимировна Онкович	91

ПЕДАГОГИКА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА – Русудан Гогохия	102
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБУЧАЮЩЕГО ПОРТАЛА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА – Лейла Диасамидзе	108
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА – Елена Павловна Мосьпан	113

LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-11-25>

LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE NUMBER NINE

Zoia Adamia

Doctor of Philology, Professor

Institute of Russian Language and Literature

Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences

(Tbilisi, Georgia)

email: a.zoia777@gmail.com

Manana Shelia

Doctor of Education, Associate Professor

Sokhumi State University

(Tbilisi, Georgia)

e-mail: manan-7@mail.ru

Maia Marghania

Doctor of Philology, Associate Professor

Sokhumi State University

(Tbilisi, Georgia)

e-mail: maiko_margania@mail.ru

Abstract. The paper deals with the study of language and culture – symbolic meanings of numbers via cognitive and linguocultural approaches. By means of these approaches we can find valuable information about mentality of the people with their life, history and culture drawing our attention to intercultural communications contributing to the development of cognitive interests.

Linguocultural studies provide a chance for learners to reflect their own language and culture, through the experience with foreign language and culture. The special attention is focused on the linguistic materials related to the linguocultural features of number nine in the Georgian, English and Russian languages and considerable linguistic and extra-linguistic parallels are made between the languages.

Comparative studies and analysis of genetically unrelated languages are significant and actual researching their distinctions and similarities.

The linguocultural analysis of languages studying phraseological units expresses cultural and valuable priorities of various peoples. In phraseological fund of any language there is a certain quantity of phraseological units with different concepts. They connect with actually linguistic reality, open new possibilities of research of major linguistic aspects of a language.

Linguocultural and comparative study of British, Georgian and Russian numerals with national codes let language learners respect peoples and feel proud of their history, traditions and culture.

Keywords: language, culture, symbol, linguo-cultural, number nine, the Bible, linguistic, phraseological units

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРЫ ДЕВЯТЬ

Зоя Адамия
Доктор филологии, профессор
Институт русского языка и литературы
Цхум-Абхазская Академия наук
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Манана Шелия
Доктор педагогики, ассоциированный профессор
Сухумский государственный университет
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: manan-7@mail.ru

Майя Маргания
Доктор филологии, ассоциированный профессор
Сухумский государственный университет
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: maiko_margania@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению языка и культуры - символических значений чисел с помощью когнитивных и лингвокультурных подходов. С помощью этих подходов мы можем найти ценную информацию о менталитете людей с их жизнью, историей и культурой, повышая наше внимание к межкультурным коммуникациям, которые способствуют развитию когнитивных интересов.

Лингвокультурные исследования дают возможность учащимся через опыт общения с иностранным языком и культурой отразить свой собственный язык и культуру. Особое внимание уделяется лингвистическим материалам, связанным с лингвокультурными особенностями цифры 9 в грузинском, английском и русском языках, и проводит значительные лингвистические и экстралингвистические параллели между указанными языками.

Сравнительное изучение и анализ генетически несвязанных языков, фактически, в современной лингвистике исследуют их различия и сходства.

Лингвокультурный анализ языка учитывает изучение фразеологических единиц, в которых выражены культурные и ценностные приоритеты этноса. В фразеологическом фонде любого языка имеется определенное количество фразеологических единиц с различными понятиями. Различные понятия как единицы, связанные с собственно лингвистической реальностью, открывают новые возможности исследования важнейших лингвистических аспектов языка.

Лингвокультурное и сравнительное изучение британских, грузинских и русских цифр с национальными кодами позволяет изучающим язык с уважением относиться к народу и гордиться его историей, традициями и культурой.

Ключевые слова: язык, культура, символ, лингвокультура, число девять, Библия, лингвистические, фразеологические единицы

INTRODUCTION. The language as a cultural phenomenon, its evolution is closely related to culture and the relationship between them is studied in linguoculturology as a part of cognitive linguistics. V. N. Maslova states "Language is a product of culture, an important part of it and the condition of existence as a factor in the formation of cultural codes." (Маслова 2001, 7).

The study of vocabulary in the national-cultural aspect allows the penetration of other linguistic and cultural communities into the world and the correct use of linguistic means taking into account the national-cultural specifics. F. Humboldt recognized the direct connection between language, thought, and the culture of peoples. He points out: "Language is closely intertwined with the spiritual development of mankind and accompanies it at all stages of local progress and regression, and reflects itself at all stages of culture" (Humboldt 1985, 48).

The cultural background, with its specificity, contains important information about the country, reflects the worldview of peoples represented in mythology, fairy tales, proverbs, sayings and folklore.

Linguocultural aspect of interrelation of language and culture

The linguocultural approach particularly focuses on the aspect of intercultural components. Culture is one of the fundamental concepts of social-humanitarian cognition.

Comparing languages, we can see differences in various fields of linguistics, language history, culture, traditions, conventions, habits, etc. Linguocultural analysis of linguistic units allows us to reveal the mental characteristics of the society and national-cultural specifics.

According to Maslova: "Every national linguocultural society is defined by a set of cultural connotations. Therefore, cultural connotations are not only information about the distinguishing characteristics of certain people, but also a high appreciation of linguistics" (Maslova 1997, 208).

The nations of the world are distinguished by their own history, culture, traditions and habits. "Cultural connotations can be an indicator of belonging to any cultural and ethnic group, people" (Benveniste 1974).

The linguocultural aspect of English, Georgian and Russian national-cultural components, vocabulary, phraseological units reflects folklore, religious concepts, history, culture and traditions of the peoples and it is very important to understand the language better.

Comparative linguoculturology is aimed at studying the peculiarities of national culture through other languages, particularly to understand and assimilate national-cultural information. E. Sapir states "Comparison is an ancient form of intellectual activity" (Sapir 1921, 155).

PURPOSE, TASKS OF THE PAPER

The purpose of the paper is to study and analyze the perception symbolics of **the number nine** on linguocultural aspect and their usage in biblical expressions, proverbs, sayings and idioms based on the Georgian, English and Russian language materials.

Key objectives to be achieved:

- Characterization of various linguocultural approaches to the problem of the number nine;
- Determining the symbolic meanings of the number nine in various cultures;
- Defining the number nine meanings in folklore, poems and spells;
- Comprehensive analysis of the number nine semantics in phraseological units – Biblical expressions, proverbs, sayings and idioms;

METHODS AND TECHNIQUES OF THE STUDY. The methodological basis of the paper is determined by the object of the study itself. The symbolic imagination of the number nine takes a rather large place in phraseologies.

During the research we mainly used semantic, linguocultural, cognitive and comparative analysis methods, identifying similarities and differences in symbolic meanings conveyed by numbers in the three cultures.

When studying digital phraseology, it is expedient to consider the symbolism of numbers and determine how much the Georgian, English and Russian peoples' national perception of symbolic concepts coincides in their speech.

PRESENTATION OF THE BASIC MATERIAL - Universal notion of numbers

Numbers, their properties and role were highly valued all over the world. They originate in astrology. In ancient times, some numbers were associated with ideas about surrounding objects, such as the Moon, the Sun.

As it is known numerology is the ancient field about numbers. According to the founder of numerological theories, the Greek mathematician and mystic Pythagoras and his followers, numbers are divided into two groups: light and dark numbers, good and evil numbers, numbers that bring happiness and misfortune, they think numbers govern human destiny. astroblogi.com/ნუმეროლოგია/

The life of any person and culture is encoded in numbers. According to numerological analysis, each of us has a destiny and abilities associated specifically with our own date of birth.

Throughout the ages numerical symbols have been formed in the course of long cultural and social factors. Therefore, the symbolism of numbers is the object of cultural studies and requires thorough investigation from cultural and ethnographic, linguocultural and semantic aspects.

All languages are symbolic systems that make use of symbols to convey meanings. Numbers can acquire a symbolic character thanks to complex historical-cultural associations.

As is well known, the symbolism of numbers is reflected differently in world cultures. Humans have been observing planets and stars since time immemorial and at the same time performing mathematical calculations (Losev 1988, 232—233).

The Babylonians in Mesopotamia started one of the oldest numbering systems, about 5,000 years ago. The Babylonians had a very advanced number system even for today's standards. They divided the day into twenty-four hours, each hour into sixty minutes, and each minute to sixty seconds.

Arabic numerals appeared in India probably in the 5th century. At the same time, the number "zero" was formalized and explained. Traditional Arabic numerals are a variant of Indian numerals used in the Arabic script.

The Chinese established one of the oldest systems of numerals that were based on sticks laid on tables to represent calculations.

The Roman numerical system is still used today. The Roman numerals are used to represent numerical chapters of books or for the main divisions of outlines.

In ancient times marked the ancient alphabet with numbers. Alphabet letters along with quantitative characteristics are based on the foundation of the numerical representation of the major divine values of the universe. The Iberian theosophical mathematics should be studied in the Georgian language and alphabet.

Greek numerals are a system of representing numbers using letters of the Greek alphabet. The Greek alphabet was adopted from the Phoenicians about the year 700 B.C. When the Phoenicians

invented the alphabet, it contained about 600 symbols. The Greeks borrowed some of the symbols and made up some of their own. But the Greeks were the first people to have separate symbols or letters to represent vowel sounds. The word "alphabet" comes from the first two letters, or numbers of the Greek alphabet -- "alpha" and "beta." “Both the Hebrews and the Greeks used their alphabet as their written numeral system, with the result that words acquired numerical values” (Ferber 2007, 142)

The number association as a form of special culture of language belongs to a cultural association. The digital culture is widely presented in the countries of the world and its peculiarity has the features in Russian Georgian and British cultures. Magic numbers were reflected in oral folk art, including proverbs and sayings.

Symbolism of the number nine among different religions and cultures

In numerology, nine is considered a main number. Nine is a number of heaven, eternity, spirituality. It is a symbol of wisdom, harmony, courage, strength and good leadership.

It should be noted that the number "nine" played a major role in the numerical symbols of various religious traditions and cultures.

There are 9 planets in the solar system: Mercury, Venus, Earth, Mars, Jupiter, Saturn, Uranus, Neptune and Pluto. Every day is protected by its planet. The number nine is an image of the three worlds (earth, heaven and hell).

The nine-pointed star may symbolize nine great religions of the world: Bahá’i, Buddhism, Christianity, Hinduism, Islam, Jainism, Judaism, Shinto and Shikhism.

The human body is made up of nine major organs: brain, heart, lungs, stomach, intestines, liver, kidneys, bladder and skin. [www. astromeridian. ru/magic/numerologija 3700.html](http://www.astromeridian.ru/magic/numerologija_3700.html)

Nine worthy people of ancient times and the Middle Ages are distinguished in world history - The Nine Worthies, which are traditionally divided into three triads: pagans: Hector, Alexander the Great, Julius Caesar; In the Old Testament of the Jews: Jesus Navin Joshua, David - David, Judas Maccabeus; Knight Christian heroes: King Arthur, Charlemagne, Godfrey of Bouillon. A beautiful 19 meter high fountain from the 14th century has sculptures of the Nine Worthies. It is located in Nuremberg, Germany.

In Christianity the number nine is sacred and best known as cosmic number of angels. Various works of Cristian theology have devised hierarchies of angelic beings. Nine is a symbol of the Virgin Mary.

In Orthodox Christianity for Russians and Georgians, nine is an unfortunate number because in their minds nine is connected with religion and death (the soul leaves the body on the ninth day after death).

In Catholicism a novena is the act of saying prayers for nine consecutive days. The prayers of novena are of urgency and for a special and specific cause. The name “novena” comes from the Latin word “novenus”, meaning “nine each”.

The Roman numeral IX Templars denoted Jesus (I) King (X). **The Templars were** Christians during the medieval era, in other words they were members of the Poor Knights of Christ and of the Temple of Solomon, a religious military order of knighthood. Their mission was to protect Christian travelers and pilgrims visiting sites in the Holy Land.

For the Hebrews nine is a symbol of truth. The **Hanukkah menorah**, also **chanukiah** or **hanukkiah** is a nine-branched candelabrum lit during the eight-day holiday of Hanukkah. Eight of the nine branches hold lights (candles or oil lamps) that symbolize the eight

nights of the holiday; the ninth branch holds a candle, called the *shamash* ("helper" or "servant"), used to light the other eight. The word **Hanukkah means** "dedication" in Hebrew. The light represented the way God illuminates life, reveals hidden things and knows the intentions of the heart. **The power was not in the candles; it is in God.**

There are mentioned nine angels' choirs, and in the church art angels are usually divided into three spheres, the first sphere angels: Seraphim, Cherubim, Throne; angels of the second sphere: Dominations or Lordships, Virtues or Strongholds, Powers or Authorities, third sphere angels: Principalities or Rulers, Archangels, Angels.

The Ennead were the nine great Osirian gods: Atum, Shu, Tefnut, Geb, Nut, Osiris, Isis, Set and nophthys. The term is also used to describe the great council of the gods as well as a collective term for all the gods. The Ennead (a word derived from Greek, meaning the nine) is a grouping of nine deities, most often used in the context of Egyptian mythology.

The **nine Muses** of Greek mythology have appeared in many different modern fictional works. The list of Muses consists of: Calliope, the Muse of epic poetry; Clio, the Muse of history; Erato, the Muse of love poetry; Euterpe, the Muse of music; Melpomene, the Muse of tragedy; Polyhymnia, the Muse of hymns; Terpsichore, the Muse of dance; Thalia, the Muse of comedy; Urania/Ourania, the Muse of astronomy. In Atlantis, according to the description of Plato, there were 9 kingdoms. Deucalion, the Greek Noah, sails during 9 days on the vessel which he has built on the command of the gods. For Hesiod, the Earth was separated from the Heaven by a distance of nine days and nine nights, and from the hell also by nine days and nights.

Nine is a significant number in Norse Mythology. Odin hung himself on an ash tree for nine days and nights to learn and secure *rúnar* 'runes, secret knowledge'. Odin's ring Draupnir releases eight golden drops every ninth night, forming rings of equal worth for a total of nine rings. The giant Baugi had nine thralls who killed each other in their desire to possess Odin's magical sharpening stone.

Every ninth year, people from all over Sweden assembled at the Temple at Uppsala. There was feasting for nine days and sacrifices of both men and male animals according to Adam of Bremen. There are nine surviving deities of Ragnarök, including Baldr and Hödr, Magni and Modi, Vidar and Váli, Hoenir, the daughter of Sól and a ninth "powerful, mighty one, he who rules over everything (Lindow 2001).

The Russian philosopher, philologist A. Losev noted the following events related to the number nine in ancient symbolism: 9 muses (its end in the 10th year), the Trojan War lasted 9 years, Odysseus traveled for 9 years, Phoenix spent 9 days in captivity at his parents' house, Poseidon spent 9 years with the sea goddess, nine trouble in the Achaeans by order of Apollo nine days of flooding in the Achaean camp. The children of Niobe are not burying for nine days, the dispute of the gods over the body of Hector is going on for nine days. For 9 days they mourned Hector and so on. Thus, Homer often uses 9 digits (Losev 1988, 232—233).

The Ninth Wave is a painting by a famous Russian marine painter Ivan Aivazovsky. It is his best-known work. It depicts a sea after a night storm and people facing death attempting to save their lives by clinging to debris from a wrecked ship. Ancient Greek sailors called the third wave fatal, ancient Roman sailors the tenth, but the ninth caused real horror among most representatives of other states. They say that in his life the painter Ivan Aivazovsky suffered some of what he saw himself. In 1844, he was destined to survive a severe storm in the Bay of Biscay, after which the ship on which the painter was staying was considered sunken, and a regrettable message appeared in the press that a famous young artist had also died during the storm. Thanks to this episode, and not a photo, Aivazovsky creates the picture "9 Shaft," which has become a world picturesque masterpiece.

Indian numerologists believe that nine is a special number. In Hinduism nine is the number of Brahma, the Creator. In India it is believed that there are 9 stones to protect a person. Important Buddhist rituals usually involve nine monks.

The number “nine” was significant primarily in the ancient Egyptian cosmology where the gods were grouped in the so-called "Pesedjet" - the oldest of the pantheons. The priests in the city of On (Heliopolis) placed god Atum at the top of this ‘pantheon of nine’. Nine was the name of the sacred mountain of the Sun, for the ancient Egyptians. The term “Nine Bows” was used in ancient Egypt that represented the enemies of Egypt. Hieroglyphic signs of the Nine Bows are found on the base of thrones, under the feet of statues of kings and also on the sandals of Tutankhamen.

In Chinese numerology since ancient times, emperors have associated themselves with the number 9 and tried to use it everywhere in life. Also, the nine is found in the Temple of Heaven. The floor of the main altar consists of rings, and in the first ring there are 9 tiles, in the second 18, in the third 27, and so on. The emperors of China wore a ceremonial dress depicting nine dragons. The Chinese empire was called the "nine continents," which meant "the whole world."

For the Mongols this is a sacred number. Sacrifice ceremonies are held on the ninth day of May and nine mares are gathered and blessed.

The number nine isn't quite so lucky in Japan. When number nine is pronounced, it sounds like the word for “pain”. (Turner 2020).

The phraseological units identifying the Georgian, British and Russian national consciousness

Although we are dealing with radically different cultures and languages, there are obvious similarities in terms of the phraseological units that convey the physical and mental state of a person. Since cultural-linguistic transfer is less likely in the case of English-Georgian-Russian this proves that there are universal human values that all private cultures describe from their prism and often coincide completely with different cultures.

The analysis of language and culture without phraseological data would be incomplete, because it reflects the linguistic and cultural characteristics of the speakers of this language. (Gowie 1998, 57).

The linguocultural research of the number nine and its peculiarities, symbolism, various associations, and semantic meanings are reflected in phraseological expressions.

The phraseology particularly clearly reflects the national and religious specifics of various peoples, national identity, their life-style, customs and traditions.

For centuries, people have created and maintained wise proverbs and sayings that have been passed down from generation to generation, reflecting life's culture, working conditions, and relationships with the world.

T. N. Fedulenkova calls phraseological units stable phrases with fully or partially reinterpreted meanings (Fedulenkova 2000, 146):

Proverbs and sayings are a widely used genre of folklore that vividly capture the generalized wisdom created on the basis of historical experience.

The roots of the Georgian, British and Russian people are deeply embedded in the soil of their native countries. Georgian, British and Russian proverbs represent the thinking, mentality of the people living in the appropriate territories have been formed over many centuries.

Mythology of the British Isles deals with the stories, legends and folk-tales related to number nine. In pre-Christian times in Great Britain there were stories about nine women. The “**Nine Maidens**” folklore tradition in Scotland may be possible remnant of these earlier times. According

to Scottish researcher Stuart McHardy, remaining stones once have been maidens who later turned to stone. There are a number of megalithic sites that are named “**Nine Maidens**” (Ralls-Macleod, Robertson 2005).

In Ancient English Anglo-Saxon mythology the universe (or rather multiverse) consisted on Nine separate worlds, supported by the World Tree, Éormensyll (>Ermensill)

1. Middangeard (>Midyard): “Middle Earth”, the world of men that lies at the centre of the multiverse. 2. Ésegeard (>Esyard): The home of the Ése - one of the tribes of English Gods, including Wóden and Þunor 3. Wenahám (>Wenham) : The home of the Wene (> Wanes), the other tribe of English Gods, including Neorðe (>Nertha), Freo and Frea. 4. Éottenhám (>Ettenham): Home of the Éottenas (> Ettins) or giants. 5. Helhám (>Hellham): Home of the dead and very much unlike its counterpart in Christianity. 6. Ælfháf (>Elfham): Home of the Elves. 7. Sweartælfhám (> Swertelfham): Home of the Dark Elves. 8. Nifolhám (>Nifleham): The primordial World of Ice. 9. Múspelhám (>Mouspleham): The primordial World of Fire. englischerewulf.wordpress.com ›

In Arthurian material, the best known of these groups are the Nine sorceresses, Moegan, and her sisters who live on the Isle of Avalon and are both seeresses and healers (Parry 1925).

In the Welsh tale of Peredur son of Efwarg, there are witches of Caer Lyowas well as in Welsh mythology there are **nine maidens** who tend the fire below the Cauldron of the "Chief of Annwn"; this cauldron is the target of Arthur's raid on the Underworld in Taliesin's famous poem Preiddeu Annwfn (Jones, 1993).

The later Anglo-Saxon *Nine Herbs Charm* mentions seven worlds, which may be a reference to an earlier pagan cosmological belief.

The Norse God Odin, ruler of the 9 Norse worlds, hung 9 days on the world axis or Yggdrasil tree to win the secrets of wisdom for mankind.

The frequency of British proverbs, sayings and idioms and their intensive use in speech reflects the reality, consciousness and thinking of people of different ethnic backgrounds living in the UK, representing the social and spiritual aspects of human activity. Let's consider a few British proverbs, sayings, and idioms.

Nine tailors make a man. Since *this proverb* appeared in print in William Hickeys's *Grammatical Drollery* (1682), by the last quarter of the seventeenth century the phrase had become sufficiently popular to be recognized in a poem. There are different interpretations on this proverb. The story goes like this: A poor hungry boy in London arrives to hire a master tailor. He was picked up and given nine tailors to study. Each of them taught him the craft. The boy mastered the profession and opened a business himself and became very rich. He was traveling in his own carriage with a Latin inscription. Some people give an interpretation of the given expression as follows. In the old days, when one woman died, the church bell rang six times, but nine times when a man died. The bell that rang was called "Messenger". thus, "Nine Tellers Mark a Man." "Tailor" and "Mark" reached in a corrupted form. People misunderstood and that is why Nine tailors make a man came to us in this way.

The second word in this expression is a corruption of *Tellers*. A “Teller” was in olden times a stroke of the “passing bell” of the parish church. Three tellers gave warning of the death of a child, six of a woman, and nine of a man. As the parishioners counted the strokes they would say: “Nine tellers make a man.” (Benham, Gurney 1926)

A cat has nine lives. According to myth, in many cultures "a cat has nine (or sometimes seven) lives."As it is known, cats are elastic and try to avoid dangerous situations and can jump from any height. Cats can survive many accidents because they land on their paws without injury.

Idiomatic expression is a complex lexical-grammatical and semantic linguistic formation. Extralinguistic and ethnolinguistic factors of both general and national nature played a great role in its formation, development and language establishment. Here the idioms pertaining to the number nine are offered:

Nine days' (or seven-day or one-day) wonder - An event which is a nine-day wonder causes interest, surprise or excitement for a short time, but it doesn't last.

Dressed to the nines and dressed to the teeth - Fig. dressed very stylishly with nothing overlooked. She showed up for the picnic dressed to the nines. Clare is usually dressed to the teeth in order to impress people.

Nine times out of ten - Fig. usually; almost always.

Nine-to-five job - a job with normal daytime hours.

Nine-to-five attitude: an approach to work in which an employee does the minimum required to remain employed.

On cloud nine - very happy. When I got my promotion, I was on cloud nine.

Possession is nine-tenths of the law – An ownership is easier to maintain if a person has possession of something and difficult to enforce if a person does not.

Stitch in time saves nine - Prov. If you fix a small problem right away, it will not become a bigger problem later.

Whole nine yards - the entire amount; everything, as far as possible (McGraw 2002).

As is known the Russian, English and Georgian (not an Indo-European family language) languages are not closely related languages; it can be found the thinnest nuances of sense of language units which can be most widely presented in biblical expressions.

Georgian folklore has preserved many expressions characterized by the number "nine" (nine brothers-ცხრა ძმა, nine oxbows of oxen - ცხრა უღელი ხარი, ცხრაკლიტული (tsxhraklituli) (Engl. Under seven seals) - a secret, impenetrable (place) lit under nine locks ("Who else has a castle with nine doors - nine -locks", „ოქროს ჩაქუჩი ცხრაკლიტულს აღებსო” - “the golden hammer opens nine-locks”), “nine mountains”- ცხრა მთა, ცხრა მაზლი - nine brothers-in-law (ცხრა მაზლი კარებს ადგანან, დაღესილი აღმასია - Nine brothers-in-law are standing at the door, is a sharpened diamond.” “Nine-headed giant”- ცხრა-თავიანი დევი - There was a beautiful woman who said to the sun: come down, I will come up, No one on the earth knew about this woman except one nine-headed giant.

The expression "nine mountains" is common in Georgian oral tradition. This expression signifies far distance. „იარა, იარა, ცხრა მთა გადაიარა“, „ცხრა მთის იქით“ - "beyond the nine mountains" is typical of the fairy tale style. „ღარიბი კაცი შინიდან გადის სამოვარზე ან ბედის სამეზნელად, რადგან ბედი სადღაც შორს, ცხრა მთას იქით არის საგულვებელი.“ „სანადიროდ წამოვიდნენ ამირან და ძმანი მისნი, გადიარეს ცხრანი მთანი, მეათენი ალგეთისნი.“ „ბეზიაჩემის გამომცხვარმა ხაჭაპურმა, ცხრა მთას იქით ყელი დამწვა.“ „ცხრა მთას იქით დაკარგული ძროხა ცხრა ლიტრს იწველის, დაუკარგავი - ერთ ჭიქასაც არაო.“ „ცხრა მთას აქეთ ნაქნარი, ცხრა მთას იქით დაგვხვდებო.“ „კაცმა კაცის რომ გაიგოს, მასთან ცხრა ფუთი მარილი უნდა შეჭამოს.“ „უნახავმა რა ნახაო და ცხრა მთა გადალახაო.“ „ლორსა სიმინდი გინდ ქეჩოში ჰქონია და გინდ ცხრა მთას იქითო“, „უნახავმა რა ნახაო და ცხრა მთა გადალახაო.“ „ლორსა სიმინდი გინდ ქეჩოში ჰქონია და გინდ ცხრა მთას იქითო.“ (ჩხეიძე 2002).

Here are some other proverbs based on the number nine:

ქალმა თუ გაიწია, ცხრა უღელი ხარ-კამეჩიც ვერ დააკავებსო. ცხრა მექოთნეს ერთმა მტეხელმა აჯობაო. ცხრა პატარძალს ერთი ცოცხი სჯობიაო. ცხრაჯერ ძველმა გამახარა, ერთხელ - ახალმაო. ცხრა დღე, ცხრა ღამე - „ცხრა დღე მივლია, ცხრა ღამე (ზადრი) გარსა ვერ მომირბენია, ამ ჩემი თეთრონისთვინა ოფლი არ შემირბენია. კვირაში ცხრა პარასკევი აქვსო. დაშინებულმა ძალღმა ცხრა წელიწადს ჯირკს უყეფაო. დედაკაცმა თუ გაიწია, ცხრა უღელი ხარ-კამეჩიც ვერ დააკავებსო. ერთი აკლდა რვასაო, მიემატა ცხრასაო. ვიდრემდის მღვდელი მწყალობდა, ცხრა დიაკვანი მყვარობდაო. მელოგინე ქალს რომ მოშივდეს, ცხრა სოფელი დაიმშევაო. კაცმა კაცის რომ გაიგოს, მასთან ცხრა ფუთი მარილი უნდა შეჭამოსო.

Nine brothers - ცხრა ძმა - “One hazel was divided between **nine brothers**” - „ერთი თხილის გული ცხრა ძმამ გაიყო “**Nine brothers** thought nine yoke of bulls a lot”, „ცხრა ძმას ცხრა უღელი ხარი ბევრი ეგონაო” - **Nine brothers** thought **nine oxbows** of oxen a lot.” ივ.ჯავახიშვილი. ქართული სამართლის ისტორია. ქუთაისი 1919 წიგნი 1.

Here is one of the popular verses from Georgian folk poetry:

გაგიმარჯოს, გადღეგრძელოს,	წვერი თეთრად დაგეფეროს,
პური ღვინო დაგიძველოს,	გუთნეული გაგიგრძელოს,
ცხრა უღელი ხარი მოგცეს	გაგიმარჯოს, გადღეგრძელოს!!!
შვიდი შვილი ვაჟი მოგცეს	

In Georgian folklore there is a popular story of the **nine** Kherkheulidze **brothers**' brave devotion that widely reflected in the Georgian folk literature. On July 1, 1625 9 brothers Kherkheulidz were killed in the battle of Marabda. A small army of Georgians could not cope with the experienced, Qizilbash fighters. When the ninth, youngest brother also knelt down, the flag was taken by their sister and after her death by the hero mother raised.

The Georgian poet Giorgi Tsereteli in the children's poem "Who Else Has Another" used the number nine in every stanza; here is a part of the poem:

სხვას ვის აქვს:	ცხრა ძმის ნახმარი.
ცხრა მთა,	სხვას ვის აქვს ციხე ცხრა კარა -
ცხრა ველი,	ცხრა ვეა - ცხრა - ცხრა კლიტული,
ნაწნავი -	ცხრა წყარო - ცხრა ვე ანკარა,
ცხრა - ცხრა მტკაველი,	ცხრა მთაზე გადმოვიდული.
ცხრა პური -
ცხრა ძმის საგზალი,	სხვაგან სად არის ცხრა წყარო
ცხრა ხმალი -	და ცხრა ვე უკვდავებისა!

The number nine also has a magical function. Georgian folklore is rich in spells. A spell is a figurative, linguistically rich form of folklore that is considered an archaic genre. The words spoken by a person during a spell have magical powers and are directed against harmful spirits. This time we are part of a happy prayer.

– ბედო ბედნიერო,	–ზღვის გაღმითაითაო,
სახემშვენნიერო,	ცხრა მთის იქითაითაო, მოვდიოდო,
სად იყავ,	ზღვას მოვჩქეფდო,
საით მიჰბრძანდებოდო?	გორს მოვტეხდო.”

In Alexander Abashidze's poem “Nine Sources” the number nine is mentioned six times:

ჩვენ რატომღაც ყველაფერი ცხრა გვიყვარს:

ცხრა მზე, ცხრა ზღვა, ცხრა მუხა და ცხრა კარი.

ავგაფრენს და ცხრა მთას იქით წაგვიყვანს

ცხრათვალა მზის ცხრაფრთიანი ზღაპარი.

In Slavic symbolism nine is the number of Death, transition to the other world, a symbol of the transition from one state to another, or from bodily death to other forms of life. This is a fundamental change in human Genesis, death in one world and birth in another.

In Ancient Russia, among the Slavs 9 days a week, 9 months a year is used to be believed that nine colours are seen by a person. "Nine" is closely connected precisely with the moon, communication with the souls of the dead, enchantment, etc.

The number nine is very often found in Russian folk culture. The Russian fairy tale “In the Kingdom behind Nine Mountains” – „В тридевятиом царстве” describes the "different, distant, magical" country, separated from the usual world by dense forest, abyss and sea. It is a collection in which the main characters move from one fairy tale to another. The kingdom is associated with the ideas of the Slavs about the otherworld as a country of abundance. The epic of different peoples surrounding Russia is reflected in fairy tale form.

Number nine often appears in magical texts and rituals (especially medicinal ones), where 9 pebbles, 9 slivers, 9 coal, water from 9 wells, etc. are used. Serbian recipe: „Найди 9 никогда не кошенных лугов и когда на них вырастет трава высотой в 9 пальцев, собери 9 парней, пусть они ее скосят новыми косами, а 9 девушек пусть их соберут новыми вилами, потом это сено надо варить в 9 новых чанах, этой водой помойся и тогда выздоровеешь”.

Spells from the “nine ailments” were certainly read in the Slavic charlatan herb medicine and elecampane- девятисил (девясил) was considered one of the most powerful herbs.

The Russian people have a lot of proverbs and sayings. They transfer from age to age, from one generation to another. The largest collection of proverbs belongs to Vladimir Ivanovich Dahl. The ancient Russians attributed mysterious power to the number nine that is sometimes good or evil. "Nine" is not often observed in Russian proverbs and sayings.

Бык стоит девяносто рублей, спесивый человек и девяти копеек не стоит. Всем по семь, хозяину восемь, хозяйке - девять, что ровно делит. Девять мышей вместе потянули – крышку с кадушки стянули. Девять человек - все равно что десяток. Из десяти монахинь девять - блудницы, а одна не в своем уме. У храбреца десять доблестей: одна - отвага, девять – ловкость. Уступив однажды, девять раз останешься в выигрыше. Девять человек – всё равно, что десяток. Бык стоит девяносто рублей, спесивый человек и девяти копеек не стоит. Чудо длится только девять дней.

The features of connotative meanings of the number nine in the Bible

In Christianity, the symbolism of numbers was less developed before the teachings of Saints Augustine and Alexander. According to St. Augustine, numbers are the archetype of the Absolute.

The Bible is a sacred book of Christians, the outstanding phenomenon, the highest spiritual essence of world culture enriched with philosophical expressions.

Language of the Bible has huge impact on formation of the literary languages of many peoples since ancient times acquainted with Christian culture. The translations of the Holy Writ into

national languages became a basis of book languages of Europe, including Slavic. Thus that commenting of the text of the Bible is one of the most ancient and most traditional occupations of the philologists, many aspects of this difficult perspective should be referred to the little developed. Questions of specifics of assimilation by concrete languages of those elements which go back to the Bible text, about nature of their further development in each of these languages, etc. are that, in particular (Mokienko 2003, 114).

The Bible contains a lot of number symbolisms. The number 9 is used 49 times in the Bible. Nailed on the cross, Jesus Christ died at the ninth hour of the day. OR 3 pm. Jesus appears nine times to his disciples and apostles after his resurrection.

The Day of Atonement (Yom Kippur) is the only one of God's annual Feast days of worship that requires believers to fast for one day. This special day, considered by many Jews to be the holiest of the year, begins at sunset on day 9 of the seven Hebrew month (Leviticus 23, 32).

The number 9 represents the **Fruit of God's Holy Spirit** which is a biblical term that sums up nine attributes of a person or community living according to the Holy Spirit. **Galatians 5** is the fifth chapter of the Epistle to the Galatians in the New Testament of the Cristian Bible. It has teachings by Paul and contains a discussion about circumcision and the allegory of the "Fruit of the Holy Spirit". The fruit of the Spirit is love, joy, peace, long-suffering and kindness, goodness, faithfulness, gentleness, self-control and against such there is no law (Galatians 5:22-23). biblehub.com › galatian

Nine gifts of the Holy Spirit 8 To one there is given through the Spirit a message of wisdom, to another a message of knowledge by means of the same Spirit, 9 to another faith by the same Spirit, to anothe gifts of healing by that one Spirit, 10 to another miraculous powers, to another prophecy, to another distinguishing between spirits, to another speaking in different kinds of tongues, and to still another the interpretation of tongues. (1 Corinthians 12: 8-10).

The **ninth beatitude** (Matthew 5:11–12) refers to the bearing of reviling and is addressed to the disciples. The word **beatitude** comes from the Latin *beatitudo*, meaning "blessedness."

In the Revised Standard Version, the nine Beatitudes of **Matthew 5:3–12** read as follows:

1. Blessed are the poor in spirit, for theirs is the kingdom of heaven. 2. Blessed are those who mourn, for they shall be comforted. 3. Blessed are the meek, for they shall inherit the earth. 4. Blessed are those who hunger and thirst for righteousness, for they shall be satisfied. 5. Blessed are the merciful, for they shall obtain mercy. 6. Blessed are the pure in heart, for they shall see God. 7. Blessed are the peacemakers, for they shall be called sons of God. 8. Blessed are those who are persecuted for righteousness' sake, for theirs is the kingdom of heaven. 9. Blessed are you when men revile you and persecute you and utter all kinds of evil against you falsely on my account. Rejoice and be glad, for your reward is great in heaven, for so men persecuted the prophets who were before you.

Jesus died 9 hour after the crucifixion. "It was nine in the morning when they crucified him." (Mark 15 : 25)

"There be nine things which I have judged in mine heart to be happy, and the tenth I will utter with my tongue: A man that hath joy of his children; and he that liveth to see the fall of his enemy:" King James Version (KJV)

"The first battle mentioned in God's word is between a confederation of 4 kings against another which has 5 kings for a total of 9" (Genesis 14:1 - 2).

"In was at the 9th hour of the day that a Roman Centurion named Cornelius was told, in a vision, to contact the apostle Peter. Cornelius would eventually be baptized and receive God's spirit, becoming the first recorded Gentile convert to Christianity" (Acts 10).

“In the twelfth year of Ahaz king of Judah, Hoshea son of Elah became king of Israel in Samaria, and he reigned nine years” (2 Kings 17:1)

“Og king of Bashan was the last of the Rephaites. His bed was decorated with iron and was more than nine cubits long and four cubits wide. It is still in Rabbah of the Ammonites” (Deuteronomy 3:11) NIV

CONCLUSIONS. In the paper we have made linguocultural and comparative analysis of number nine symbolism in the British, Russian and Georgian digital cultures. We could find valuable information about mentality of the people with their life, history and culture.

The linguocultural approach also helps language learners to respect other people’s cultures and values, in solution of business, common problems on obtaining and studying of cognitive materials. We aimed at revealing similarities or differences between lexical and phraseological units.

The different language world - Georgian, English and Russian phraseological units: proverbs, sayings and idioms express the same meanings but in a different way, as for a structural-semantic sense we find much common as they convey the familiar concepts characteristic to individual nations. Life of biblical expressions in the modern European languages convincingly testifies to imperishability of spirit and a letter of the Book of books. Phraseological units in three languages adapting bible words and expressions that made them own language property.

Thus, it should be noted that phraseological units make the concentrated wisdom of all nations. The results of linguocultural and comparative analysis demonstrated that numbers within Georgian, British and Russian proverbs, sayings and idioms can evoke similar as well as different associations for the three nations. The number nine may intensify positive as well as negative feelings, emotions or actions.

LIST OF REFERENCES

- Adamia, Z., Shelia, M., Marghania, M. (2020). Comparative analysis of biblical phraseological units with blue and green colour components (on the example of English, Russian and Georgian) // Tom 2 № 44 (2020): Naukovii visnik Uzhgorodskogo universitetu. Seriya Filologiya, pp.17-27. DOI: [https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.\(44\).17-27](https://doi.org/10.24144/2663-6840.2020.2.(44).17-27)
- Balmond Cecil (1998). "Number 9, the search for the sigma code" Prestel 2008
- Benham, W. Gurney (1926). Putnam's Complete Book of Quotations, Proverbs, and Household Words. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Cowie A. P. (1998). Theory, Analysis and Applications; Oxford Studies in Lexicology. Oxford: Clarendon Press.
- Fedulenkova, T. & Adamia, Z. (2019) Seven frequent models in biblical phraseology of modern English // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). p.p. 17-23. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-17-23>
- Fedulenkova, T. N. (2000) Angliyskaya frazeologiya /Arhangelsk: PGU, 2000. – 175
- Ferber, M. (2007). A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge: Cambridge University Press
- Lind Jones, G & Jones T. (1993). *The Mabinogion Everyman* p164 Lindow, John (2001) Handbook of Norse mythology, Santa Barbara, Calif., Oxford University Press. ISBN 0-19-515382-0.
- McGraw (2002) - Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. by The McGraw-Hill Companies, Inc.

- Mokienko, V. M. (2003). Bibleizmy v Evropeyskoy frazeologii i paremiologii. Moskva.
- Karen Ralls-Macleod, Ian Robertson The Quest for the Celtic Key, 2005, e-Book, 2013, Luath Press, Edinburgh Parry, JJ. *The Vita Merlini* 1925, University of Illinois Press, p. 27.
- Sapir 1949:155) Edward Sapir (1884–1939). Language: An Introduction to the Study of Speech. 1921.
- Turner, Bambi (2020). '13 Superstitions About Numbers', *How Stuff Works*
- Gumboldt, V. (1985). Yazyk i filosofiya kulturey. — M.: Progress.
- Maslova, V. L. (2001). Lingvokulturologia, M.
- Loseva, A. F. (1988). Istorija antichnoi estetiki. Poslednii veka. Kn. 1, M., s.231—233.
- Loseva, A. F. (1969). Istorija antichnoi estetiki. Sofisti. Sokrat. Platon. M., s. 326, 313.
- Chxeidze, E. (2002). Literaturuli dziebani 2002 №22 ricxvTa simbolika qarTul folklorshi.
- Javakhishvili, I. (1919). QarTuli samarTlis istoria. QuTaisi 1.
- Inglisuri andazebi da khatovani Tqmani. Shemdgenlebi I. Gvarjaladze da J. Mchedlishvili, gamomc. Marani, Tb., (1970).
- www. International Version (NIV) - Bible Gateway
thebibles.com King James Version

For citation:

Adamia, Z., Shelia, M & Marghania. (2021) Linguocultural features of the number nine // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). pp. 11-25. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-11-25>

Для цитирования:

Адамия, З. К., Шелия, М., Маргания, М. (2021) Лингвокультурные особенности цифры девять // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). С. 11-25. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-11-25>

Information about the authors:

Zoia Adamia – Doctor of Philology, Director of the Institute of Russian Language and Literature at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences, inviting professor at Sukhumi State University, Deputy Director of the International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST", Georgia.

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Manana Shelia - Doctor of Education, Associate Professor, Sokhumi State University, Institute of Foreign Languages at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences, Georgia.

e-mail: manan-7@mail.ru

Maia Marghania - Doctor of Philology, Associate Professor, Sokhumi State University, Institute of Foreign Languages at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences, Georgia.

e-mail: maiko_margania@mail.ru

Сведения об авторах:

Зоя Адамия – доктор филологии, директор Института русского языка и литературы Цхум-Абхазской Академии наук, приглашенный проф. Сухумского государственного университета. Заместитель директора международной научно-педагогической организации филологов «Запад-Восток», Грузия.
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Манана Шелия – доктор педагогики, ассоциированный профессор, Сухумский государственный университет, Институт иностранных языков Цхум-Абхазской Академии наук, Грузия.
e-mail: manan-7@mail.ru

Майя Маргания – доктор филологии, ассоциированный профессор, Сухумский государственный университет, Институт иностранных языков Цхум-Абхазской Академии наук, Грузия.
e-mail: maiko_margania@mail.ru

Manuscript received: 14/01/2021
Accepted for publication: 15 /02/2021
Рукопись получена: 14/01/2021
Принята к печати: 15/02/2021

**International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523**

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-26-36>

**AUTONOMOUS APHORISMS
(APHORISM IN THE NON-APHORISTIC TEXT)**

Eugene E. Ivanov
PhD of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Mogilev State A. Kuleshov University
(Mogilev, Republic of Belarus)
e-mail: ivanov-msu@mail.ru

Elena G. Teslenko
Research Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Mogilev State A. Kuleshov University
(Mogilev, Republic of Belarus)
e-mail: ling-msu@mail.ru

Abstract. The article deals with the concept of the autonomy of the aphorisms as the microtext in the macrotext (literary text). The variety of the autonomous aphorisms (absolutely autonomous and relatively autonomous aphoristic units), methods and means of their introduction in the non-aphoristic context are described in the article (based on W. Shakespeare's works).

Key words: aphorism, microtext, macrotext, literary text, non-aphoristic context, autonomy, W. Shakespeare's works.

**АВТОНОМНЫЕ АФОРИЗМЫ
(АФОРИЗМ В НЕАФОРИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ)**

Е. Е. Иванов
кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики,
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилёв, Республика Беларусь)
e-mail: ivanov-msu@mail.ru

Е. Г. Тесленко
исследователь кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(Могилёв, Республика Беларусь)
e-mail: ling-msu@mail.ru

Аннотация. В статье определяется понятие автономности афоризма как микротекста в макротексте (литературном тексте), описываются разновидности автономных афоризмов (абсолютно автономные и относительно автономные единицы), способы и средства их введения в неафористический контекст (на материале произведений Уильяма Шекспира).

Ключевые слова: афоризм, микротекст, макротекст, художественный текст, неафористический контекст, автономность, произведения У. Шекспира.

INTRODUCTION. Obligatory properties of aphorism are one phrase structure, generalized meaning, discursive autonomy (Ivanov 2020). The main (differential) property of aphorism as an object of linguistics is the generalized meaning, which in relation to the expressed reality has a specific character – universal character (Ivanov 2016b). This property characterizes aphorisms as a one-phrase texts (Ivanou 2019a), determines their discursive autonomy (Ivanov 2019; Ivanou 2019b).

The problem of “taking-out of an aphorism from the text” which was raised in the linguistics in the 80-ies (Epshtein 1987, 43) is still unsettled in modern aphoristics. This question acquires special actuality in connection with the increase of research interest to author’s heritage, writer’s idiostyle (Pfeifer 1990; Jarmuszkiewicz 2015; Kudra 2015; Gluchanko 2014; Gluchanko 2017a; Gluchanko 2017b). The distinctive feature of the language of a number of authors is “filling the text with overfactual or universal (aphoristic) content with the help of appropriate language means” (Ivanov 2006, 78).

Aphorisms are divided into “original literary forms” and “utterances, taken out from the definite literary content” (Epshtein 1987, 43) in other words “separate” and “introductory” aphorisms (Fedorenko & Sokolskaia 1990, 86). The aphorism is a special type of the text and it possesses the following functional peculiarity: “one and the same aphorism can be an original speech work and a microtext – a constituent part of a macrotext” (Elenevskaia 1983, 2).

A considerable number of aphorisms aren’t created as independent units, but used in the context of non-aphoristic works. Such kinds of aphorisms can be considered to be only “potential texts”, their actualization “as texts is possible only outside author’s context of their usage, where aphorisms’ contents and the structure are on the level of their formation” (Ivanov 2006, 77).

So there is a problem of taking-out of the aphorism from the context and of possible content and structural changes of an aphoristic utterance. The sense of an aphorism “goes beyond the context” (Gluchanko 2019), is “free from situational and contextual boundaries” (Epshtein 1987: 43), has overtextual nature. But structurally an aphorism is formed in the text in a different way, it is often transformed. In order to single out an aphorism from the text it is necessary to define its bounds and to choose the right form of its actualization beyond the author’s context (Ivanov 2007, 30; Ivanov 2013).

All the individual author’s aphorisms are divided into two groups according to the relations between the utterance and the text. Many of the aphoristic utterances don’t depend on the context in content and form. They can be taken out of it easily without any changes of their semantics and lexical-grammatical structure. Such aphorisms while being extracting from the text don’t break its content and formal integrity, although they can make lacunae of different significance in the whole outline of the narration or reflection. So we qualify them as autonomous regarding the context (Ivanov & Teslenko 2013a).

The majority of the aphoristic utterances are subjected to semantic and/or structural modifications in the text. They can't be taken out of it easily and require certain reorganizations or transformations in order to reconstruct the "initial" aphorism. These utterances we define as the context-dependent aphoristic utterances (Ivanov & Teslenko 2013b).

The phenomenon of the autonomy of the aphoristic utterance in the non-aphoristic context, as well as the transformation changes of the context-dependent aphoristic utterances in literary texts are of interest for researchers both within the linguistics of the text and linguistic theory of the aphorism (Ivanov 2016a, 128–149).

The aim of this article is to describe the variety of autonomous aphorisms, ways and means of their introduction into the non-aphoristic context, as well as the system of transformation methods as ways of the context-dependent aphorisms introduction into the non-aphoristic context. The research is based on a number of W. Shakespeare's works, the individual style of this author is extremely rich in aphoristic utterances.

On the basis of random selection there have been chosen 9 plays by W. Shakespeare («*Twelfth Night*», «*Much Ado about Nothing*», «*The Merry Wives of Windsor*», «*All's Well That Ends Well*», «*Troilus and Cressida*», «*The Comedy of Errors*», «*Two Gentlemen of Verona*», «*Winter's Tale*», «*Loves Labours Lost*»), the total volume of the analyzed texts comes to 460 nominal pages. There are about 345 individual author's aphorisms, in which 94 are autonomous regarding the context (27,0% in total amount of individual author's aphorisms) and 251 context-dependent aphoristic utterances (correspondently 73,0%).

1. Absolutely autonomous aphoristic utterances

Those aphorisms the autonomy of which is nothing restricted by can be qualified as absolutely autonomous. They don't depend on the context in content or structure, they aren't transformed while being introduced into the text by the author. They are easily taken out of the text not breaking its contents and grammar form, they don't make semantic or syntactic lacunae. Every third autonomous aphorism in the analyzed texts is absolutely autonomous (32,0% in the amount of the autonomous aphorisms). E.g.: King. *'Tis only title thou disdain'st in her, the which I can build up. Strange is it that our bloods, Of colour, weight, and heat, pour'd all together, Would quite confound distinction, yet stand off In differences so mighty. If she be All that is virtuous, save what thou dislikest, A poor physician's daughter, thou dislikest Of virtue for the name: but do not so: From lowest place when virtuous things proceed, The place is dignified by the doer's deed: Where great additions swell's, and virtue none, It is a dropsied honour. **Good alone Is good without a name.** Vileness is so: The property by what it is should go, Not by the title.* (AWTEW, A 2, S 3).

Absolutely autonomous aphorisms can perform separate reply in the dialogue. In such cases they cut into the text and not having special marks of their connection with the context are perceived as quite independent, isolated in the text. It is especially vivid when such aphorisms go one after the other in a dialogue. E.g.: Helena. *I do affect a sorrow indeed, but I have it too.* Lafeu. *Moderate lamentation is the right of the dead, excessive grief the enemy to the living.* Countess. *If the living be enemy to the grief, the excess makes it soon mortal.* (AWTEW, A 1, S 1).

Content and form isolation of the absolutely autonomous aphoristic utterances in the text increases when they are composite sentences with different types of connection by their syntactic structure. It contributes to the perception of them as separate independent texts. E.g.: First Lord. *How mightily sometimes we make us comforts of our losses!* Second Lord. *And how mightily some other times we drown our gainin tears! The great dignity that his valour hath here acquired for him shall at home be encountered with a shame as ample.* First Lord. ***The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together: our virtues would be proud, if our faults whipped them not; and our crimes would despair, if they were not cherished by our virtues.*** (*Enter Messenger*). (AWTEW, A 4, S 3).

Absolutely autonomous aphoristic utterances are used comparatively rarely in the literary texts because of its highly marked overfactual character. They are very close to the separate aphorisms. Absolutely autonomous aphoristic statements are often used as quotes (Ivanou 2011; Ivanou 2018) or as proverbs (Ivanov & Petrushevskaja 2015; Ivanov & Petrushevskaja 2016; Ivanov & Petrushevskaja 2019).

2. Relatively autonomous aphoristic utterances

Those aphorisms the autonomy of which is restricted in content and/or form can be qualified as relatively autonomous. The same as absolutely autonomous aphoristic utterances they don't depend on the context, they aren't transformed while being introduced into the text by the author. But when they are taken out of the text they break it one way or another and make semantic and/or syntactic lacunae.

There are 68,0% of relatively autonomous aphoristic utterances (in the amount of the autonomous aphorisms) in the analyzed texts.

2.1. Syntactically uncombined relatively autonomous aphoristic utterances

They (7,5% in the amount of the autonomous aphorisms) are introduced into the text in the same way as absolutely autonomous aphorisms, but unlike the latter they are related to the context in content.

The existence of such relations is marked by different language means. Depending on the place of language marks of the aphorism content connection with the text three main ways of introduction of syntactically uncombined utterances are distinguished: a) in the prepositional context; b) in the postpositional context; c) in the interpositional context.

While introducing an aphoristic utterance into the prepositional context it plays the role of a key conclusion in a reflection and completes it (such way of introduction occurs more often than the two others). E.g.: Bene. [*Advancing from the arbour.*] <...> *A man loves the meat in his youth that he cannot endure in his age. Shall quips and sentences and these paper bullets of the brain awe a man from the career of his humour? **No; the world must be peopled.** When I said I would die a bachelor, I did not think I should live till I were married. Here comes Beatrice. By this day! she's a fair lady: I do spy some marks of love in her.* (MAAN, A 2, S 3). The aphorism *The world must be*

peopled is included into the internal monologue of the character as an answer to the preceding rhetorical question, as an objection to the previous idea marked by negative pronoun with the meaning of contrast.

Actualization of an aphorism in the postpositional context occurs rarely and is typical mainly for dialogical form of speech when the content of the aphoristic utterance is interpreted in the reply of the other character. E.g.: D. Pedro. *She were an excellent wife for Benedick.* Leon. *O Lord! my lord, if they were but a week married, they would talk themselves mad.* D. Pedro. *Count Claudio, when mean you to go to church?* Claud. *To-morrow, my lord.* ***Time goes on crutches till love have all his rites.*** Leon. *Not till Monday, my dear son, which is hence a just seven-night; and a time too brief too, to have all things answer my mind.* (MAAN, A 2, S 1). The semantic of the aphorism *Time goes on crutches till love have all his rites* determines the meaning of the following reply that is marked by the key word *time*.

The introduction of an aphorism into the interpositional context occurs more often than into the postposition and aims at summing up what was said, finishing the reflection with an argument which appeals to the universal knowledge and creates the basis to complete the monologue or further reflection as well as play a part of stimulus for the definite speech response of the addressee. E.g.: Parolles. *Yet am I thankful: if my heart were great, 'Twould burst at this. Captain I'll be no more; But I will eat and drink, and sleep as soft As captain shall: simply the thing I am Shall make me live. Who knows himself a braggart, Let him fear this, for it will come to pass that every braggart shall be found an ass. Rust, sword? cool, blushes! and, Parolles, live Safest in shame! being fool'd, by foolery thrive!* ***There's place and means for every man alive.*** *I'll after them.* (AWTEW, A 4, S 3). The aphorism *There's place and means for every man alive* summarizes the previous text (without breaking content integrity when have been taken out of the context) and causes the following phrase *I'll after them* which is connected semantically only with the aphorism (while the aphorism semantics doesn't determine only such a continuation).

2.2. Syntactically combined relatively autonomous aphoristic utterances

They (60,5% in the amount of the autonomous aphorisms) are introduced into the text in the same way as absolutely autonomous aphorisms, but unlike the latter they are related to the context in content and syntactically. Aphorisms of this group have the same content relation with the context and the ways of introduction into the text as syntactically uncombined relatively autonomous aphoristic utterances. But syntactically they cannot be taken out of speech without breaking its grammar structure, the grammar structure of the aphorisms in these cases remain unchangeable.

Syntactically combined relatively autonomous aphoristic utterances are parts of composite sentences joined *asyndetically* and *syndetically* and connected with other clauses by means of coordination and subordination. The productivity of this group of aphorisms depends on the way of their introduction into the context.

2.2.1. Asyndetical connection between an aphorism and other clauses of a composite sentence

It is used less than syndetical one (24,5% in the amount of the autonomous aphorisms) and characterized mostly by relation of coordination than subordination (there are no examples of the latter).

The aphorism is more often build in the composite sentence by means of asyndetical connection in the postposition (12,5%). E.g.: Olivia. *O, what a deal of scorn looks beautiful In the contempt and anger of his lip! A murderous guilt shows not itself more soon Than love that would seem hid: love's night is noon.* Cesario, *by the roses of the spring, By maidhood, honour, truth and every thing, I love thee so, that, maugre all thy pride, Nor wit nor reason can my passion hide. Do not extort (вымогать, выпытывать) thy reasons from this clause, For that I woo (ухаживать, уговаривать), thou therefore hast no cause, But rather reason thus with reason fetter (оковы), Love sought is good, but given unsought better.* (TW, A 3, S 1); Paulina. *I care not: It is an heretic that makes the fire, Not she which burns in't. I'll not call you tyrant; But this most cruel usage of your queen, Not able to produce more accusation Than your own weak-hinged fancy, something savours Of tyranny and will ignoble make you, Yea, scandalous to the world.* (WT, A 2, S 3).

Comparatively rarely – in the preposition (5,5%). E.g.: Hector. *Be gone, I say: the gods have heard me swear.* Cassandra. *The gods are deaf to hot and peevish vows: They are polluted offerings, more abhorr'd Than spotted livers in the sacrifice.* (T&C, A 5, S 3).

The aphorism in the interposition is also seldom used (6,5%). E.g.: Luciana. *Perhaps some merchant hath invited him, And from the mart he's somewhere gone to dinner. Good sister, let us dine and never fret: A man is master of his liberty: Time is their master, and, when they see time, They'll go or come: if so, be patient, sister.* (COE, A 2, S 1).

Such ways of introduction ratio among syntactically combined relatively autonomous aphoristic utterances in the asyndetical composite sentences can be explained by their closeness to syntactically combined aphoristic utterances. Both of these types of relatively autonomous aphorisms without essential limits can turn into each other due to the absence of proper connectors with the context. Formal indicator of this fact is coincidence of qualitative characteristics of the ways of introduction.

2.2.2. Syndetical connection between an aphorism and other clauses of a composite sentence

It is used more often than asyndetical one (36,0% in the amount of the autonomous aphorisms) but also characterized mostly by the relation of coordination. At the same time there are a number of examples of syndetical subordinate connection.

The aphorism is more often build in the composite sentence by means of syndetical connection in the postposition (17,0%). E.g.: Mrs. Page. *What! have I 'scaped love-letters in the holiday-time of my beauty, and am I now a subject for them? Let me see. Ask me no reason why I*

love you; **for though Love use Reason for his physician, he admits him not for his counsellor.** (MWW, A 2, S 1). Subordinate relation is used only in one example. E.g.: Friar. *Marry, this well carried shall on her behalf Change slander to remorse; that is some good: But not for that dream I on this strange course, But on this travail look for greater birth. She dying, as it must be so maintain'd, Upon the instant that she was accus'd, Shall be lamented, pitied and excus'd Of every hearer; for it so falls out That what we have we prize not to the worth Whiles we enjoy it, but being lack'd and lost, Why, then we rack the value, then we find The virtue that possession would not show us Whiles it was ours. So will it fare with Claudio: <...>* (MAAN, A 4, S 1).

Much more seldom we find aphorisms in the preposition (less than 6,5%). E.g.: Boyet. *Proud of employment, willingly I go.* Princess. **All pride is willing pride, and yours is so.** (LLL A2, S1). The subordinate relation between clauses of a composite sentence is used twice rarer than the coordinate one. E.g.: Helena. *I will stand for 't a little, though therefore I die a virgin.* Parolles. *There's little can be said in 't; 'tis against the rule of nature. To speak on the part of virginity, is to accuse your mothers; which is most infallible disobedience. He that hangs himself is a virgin: virginity murders itself and should be buried in highways out of all sanctified limit, as a desperate offendress against nature. Virginity breeds mites, much like a cheese; consumes itself to the very paring, and so dies with feeding his own stomach. Besides, virginity is peevish, proud, idle, made of self-love, which is the most inhibited sin in the canon. Keep it not; you cannot choose but loose by 't: out with 't! within ten year it will make itself ten, which is a goodly increase; and the principal itself not much the worse: away with 't!* (AWTEW, A 1, S 1).

There is even rarer introduction of the aphorism into the sentence by means of the syndetical connection in the interposition (about 4,0%). In the examples coordinate relations between clauses take preference over subordinate relations. E.g.: Bertram. *I think she has: certain it is I liked her, And boarded her i' the wanton way of youth: She knew her distance and did angle for me, Madding my eagerness with her restraint, As all impediments in fancy's course Are motives of more fancy; and, in fine, Her infinite cunning, with her modern grace, Subdued me to her rate: she got the ring; And I had that which any inferior might At market-price have bought.* (AWTEW, A 5, S 2). In single cases coordinate and subordinate relations are combined. E.g.: Cressida. *Perchance, my lord, I show more craft than love; And fell so roundly to a large confession, To angle for your thoughts: but you are wise, Or else you love not, for to be wise and love Exceeds man's might; that dwells with gods above.* (T&C, A 3, S 2).

It should be mentioned that in the majority of the examples (about 8,5%) the syndetical connection is accompanied by the asyndetical connection (in different combinations of coordinate and subordinate relations between clauses) when the aphorism is introduced in the interposition. E.g.: Sir Toby Belch. *Approach, Sir Andrew: not to be abed after midnight is to be up betimes; and 'diluculo surgere,' thou know'st.* (TW, A 2, S 3); Biron. *Why, all delights are vain; but that most vain, Which with pain purchased doth inherit pain: As, painfully to pore upon a book To seek the light of truth; while truth the while Doth falsely blind the eyesight of his look: Light seeking light doth light of light beguile: So, ere you find where light in darkness lies, Your light grows dark by losing of your eyes. Study me how to please the eye indeed By fixing it upon a fairer eye, Who dazzling so, that eye shall be his heed And give him light that it was blinded by.* (LLL, A 1, S 1).

Closeness of qualitative characteristics of the ways of introduction of the aphorism into the text by means of asyndetical and syndetical connections can be explained by a secondary role of the conjunctions in the syntactic structure of the composite sentence containing an aphorism. They are used not as grammar means but as marks of certain semantic relations between clauses. That is the reason for prevailing of the coordinate relation over the subordinate in more than ten times.

CONCLUSION. Individual author’s aphorisms which are not original works are used in literary texts. They are divided into content and form dependent units and units independent of the context. The context-dependent aphoristic utterances make 2/3 in the amount of individual author’s aphorisms (about 73%). They are structurally and semantically modified aphoristic units built in the author’s context. Independent from the context aphoristic utterances (more than 27% in the amount of individual author’s aphorisms) are defined as autonomous and differentiate into absolutely autonomous and relatively autonomous according to the measure of content and form deformation of the text when they are taken out of it.

Absolutely autonomous aphorisms after taking it out of the text don’t remain semantic and structural lacunae and accepted as something independent in the text, even foreign, that’s why they are less productive in literary texts (about 32% in the amount of individual author’s aphorisms). Relatively autonomous aphorisms have been differentiated into syntactically uncombined (connected with the text only by content) and combined (connected with the text by content and syntactically). Syntactically uncombined relatively autonomous aphorisms (about 7,5%) are introduced into the text by the author in the same way as absolutely autonomous aphorisms, the connection of them with the context is marked lexically or semantically. Syntactically combined relatively autonomous aphorisms (about 60,5%) are parts of composite sentences with asyndetical (rarer) and syndetical (more often) relation. Coordination is the main type of syntactic relation between clauses and is used ten times more often than subordination because coordination increases content and form isolation of relatively autonomous aphorisms in the text.

Abbreviation

AWTEW – «All’s Well That Ends Well»
COE – «The Comedy of Errors»
MAAN – «Much Ado about Nothing»
MWW – «The Merry Wives Of Winsdor»
T&C – «Troilus and Cressida»
TW – «Twelfth Night»
WT – «Winter’s Tale»

LIST OF REFERENCES

Elenevskaia, M. N. (1983). *Struktura i funktsii aforizma (na materiale angliiskogo iazyka)*. Ph.D. diss., Leningrad, 190 s.

- Epshtein, M. N. (1987). Aforistika // Literaturnyi entsiklopedicheski slovar. Moskva: SovEn, s. 43–44.
- Fedorenko, N. T. & Sokolskaia, L. I. (1990). Aforistika. Moskva: Nauka, 419 s.
- Gluchanko, L. V. (2014). Aforizm kak fenomen yazyka i rechi // Science Looks Ahead. Lugansk: Noulidzh, Vol. 1, s. 26–28.
- Gluchanko, L. V. (2017a). Aforisticheskie edinicy v sonetax Uilyama Shekspira // Filologichni studii, Vol. 16, s. 311–317.
- Gluchanko, L. V. (2017b). Sposoby upotrebleniya aforisticheskikh edinic v sonetax Uilyama Shekspira // Aktualnye problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov v vysshej shkole Respubliki Belarus. Mogilev: MGU, s. 160–164.
- Gluchanko, L. V. (2019). Semantic variety of aphorisms in William Shakespeare's Sonnets // Романовские чтения – XIII. Romanovskie chteniya – XIII. Mogilev: MGU, s. 144–145.
- Ivanov, E. (2016b). Aphorism as a Unit of Language and Speech // EUROPHRAS 2016: Word Combinations in the Linguistic System and Language Use: Theoretical, Methodological and Integrated Approaches, Trier, Germany, August 1–3, 2016: Abstracts. Trier: University of Trier, S. 42.
- Ivanov, E. E. & Petrushevskaja Ju. A. (2015). Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 8, № 5, pp. 864–872.
- Ivanov, E. E. & Petrushevskaja Ju. A. (2016). English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability. Mogilev: MGU, 76 p.
- Ivanov, E. E. & Petrushevskaja Ju. A. (2019). The Etymology and History of English Proverbs. Mogilev: MGU, 80 p.
- Ivanov, E. E. & Teslenko, E. G. (2013a). Avtonomnost aforizma v tekste (na materiale proizvedenij U. Shekspira) // Vestnik Poloczkogo gos. un-ta, Seriya A, № 10, s. 86–90.
- Ivanov, E. E. & Teslenko, E. G. (2013b). The Forms of the Aphorisms in the Non-Aphoristic Texts (Autonomous Aphoristic Utterances) // Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty prepodavaniya inostrannykh yazykov. Belgorod: BelGUY, s. 92–99.
- Ivanov, E. E. (2006) O ponyatiyah “aforisticheskij tekst”, “aforistichnost (aforizaciya) rechi” i “aforisticheskij stil” // Vesci Belaruskaga dzyarzh. ped. un-ta, Seryia 1, № 3(49), s. 76–79.
- Ivanov, E. E. (2007) Aforizm v tekste i vne teksta: semantika i struktura // Tekst. Iazyk. Chelovek: v 2 t. Mozyr: MGPU, Ch. 1, s. 29–32.
- Ivanov, E. E. (2013). O poniatii strukturnoi paradigmy aforizma // Tekst. Iazyk. Chelovek: v 2 t. Mozyr: MGPU, Ch. 1, s. 130–132.
- Ivanov, E. E. (2016a). Lingvistika aforizma. Mogilev: MGU, 156 s.

- Ivanov, E. E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 10(2), 381–401, doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401.
- Ivanov, E. E. (2020). Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11(4), 659–706, doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-569-706.
- Ivanou, Ya. Ya. (2011). Krylatyya afaryzmy u belaruskaj move: z inshamounyh litaraturnyh i falklornyh krynic VIII st. da n.e. – XX st.: tлумachalny slounik. Magilyou: MDU, 164 s.
- Ivanou, Ya. Ya. (2018). Suadnosiny afarystychnyh adzinak i malyh tekstavyh form (na materyyale belaruskaj, ruskaj, polskaj, anglijskaj moh) // Vostochnoslavyanskije yazyki i literatury v evropejskom kontekste – V. Mogilyov: MGU, s. 120–123.
- Ivanou, Ya. Ya. (2019a). Tekstavascz yak lingvistychnaya prymeta afarystychnyh adzinak // Izvestiya Gomelskogo gos. un-ta, Seriya «Gumanitarnye nauki», № 4(115), s. 66–72.
- Ivanou, Ya. Ya. (2019b). Diskursiunaya samastojnascz yak lingvistychnaya prymeta afarystychnyh adzinak // Vestnik Poloczkiego gos. un-ta. Seriya A, № 10, s. 100–103.
- Jarmuszkiewicz, A. (2015). Aforyzm w nowoczesnej powieści – Proust i Myśliwski // Aforyzm europejski: studia i szkice. Kraków: Pasaże, s. 134–148.
- Kudra, B. (2015). Aforyzm w tekście naukowym // Aforyzm europejski: studia i szkice. Kraków: Pasaże, s. 41–52.
- Lubimova-Bekman, L. (2001). Rezeption von Aphorismen. Eine textlinguistische Studie. Berlin: Erich Schmidt, 128 S.
- Pfeifer, P. C. (1990). Aphorismus und Romanstruktur: zu Robert Musils “Der Mann ohne Eigensehaften”. Bonn: Bouvier, 136 S.

For citation:

Ivanov, E. E. & Teslenko, E. G. (2021) Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST – EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST – EAST”. Vol.5, N1 (March, 2021). pp. 26-36. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-26-36>

Для цитирования:

Иванов, Е. Е., Тесленко, Е. Г. (2021) Автономные афоризмы (афоризм в неафористическом тексте) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST – EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST – EAST”. Vol.5, N1 (March, 2021). pp. 26-36. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-26-36>

Information about the authors:

Eugene E. Ivanov – PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus, e-mail: ivanov-msu@mail.ru

Elena G. Teslenko – Research Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus. e-mail: ling-msu@mail.ru

Информация об авторах:

Евгений Евгеньевич Иванов - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А. В. Кулешова, Республика Беларусь. эл. почта: ivanov-msu@mail.ru

Елена Григорьевна Тесленко - научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А.В. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь. эл. почта: ling-msu@mail.ru

Manuscript received: 13/01/2021
Accepted for publication: 14 /02/2021
Рукопись получена: 13/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

**International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523**

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-37-51>

COMMON MOTIFS IN RUSSIAN AND HUNGARIAN FAIRY-TALES

Imre Pacsai

Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor

Nyíregyháza High School

(Nyíregyháza, Hungary)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Abstract. Comparing the fairy-tales I observed many similar traits which prove the N. S. Trobetzky's (1927) theory from cultural contacts in the «Russian cultural zone».

The study presents the problems connected with the specific structures compared Russian and Hungarian fairy-tales. The renamed Czech researcher of ethnography J. Polívka (1932) established that the structural element which named by technologic termini «priskazka» and the beginner structure of Russian folk-tale have individual character and is no typic for the other folklore tradition.

The scientific investigation of Russian and Hungarian folklore discovered the common structural element of compared Russian and Hungarian fairy-tales and the areal character of these structures commenced with cultural and linguistics contacts of the examined region.

Key words: Russian and Hungarian fairy-tales, specific structures, «priskazka», beginner structure, cultural and linguistics contacts, common structural elements, similar traits, results of the comparison

ОБЩИЕ МОТИВЫ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Имре Пачаи

Хабилитированный доктор филологических наук, профессор

Ньиредьхазская Высшая школа

(Ньиредьхаза, Венгрия)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные со структурой русских и венгерских волшебных сказок. Наша компаративная работа была мотивирована как теорией Н. С. Трубецкого о восточном характере русской народной культуры, так и сходными элементами русского и венгерского фольклора. По мнению Й. Поливки (1932) специфические структурные элементы, присказка и заключительная единица являются типичными мотивами великорусской сказки, которые не так свойственны европейским сказочным традициям. В результате сопоставления структуры русской и венгерской волшебной сказки обнаружили общие структурные единицы, обладающие общими функциональными и стилистическими признаками. При изучении фольклора восточных народов выявились ареальные признаки как русских так и венгерских структурных единиц.

Ключевые слова: структура русских и венгерских волшебных сказок, сходные элементы структуры, присказка, заключительный элемент, компаративная работа, функциональные и стилистические признаки, ареальный характер.

ВВЕДЕНИЕ. При исследовании культурных контактов русского народа с восточными народами, упомянутых Н. С. Трубецким (1927), важным источником служил русский фольклор. В работе В. Н. Чичерова *Русское народное творчество* (1959) говорится о том,

что типичным жанром русского фольклора является сказка. Выводы И. Н. Чичерова подтверждается мнением и В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского (1976), который назвал волшебные сказки термином «мифологические сказки». В результате сопоставительного исследования русских волшебных сказок с волшебными сказками упомянутого культурного региона, определенного Н. С. Трубецким, обнаружилось немалочисленные параллели в сопоставленных произведениях народного творчества. В сопоставленных волшебных сказках параллельные мотивы касаются как морфологии (сюжета) сказки, так и быта, и верований народов, установивших друг с другом тесные, интенсивные и длительные культурные и языковые связи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

О сходных мотивах структуры волшебной сказки

В настоящей статье рассматриваются общие структурные и речевые элементы, свидетельствующие о языковых контактах.

Общие речевые элементы, использованные как в великорусских, так и в уральских и алтайских волшебных сказках, проявляются в форме разных стилистических элементов данного жанра фольклора.

Вопросы, связанные с великорусской народной сказкой широко рассматриваются в работе «*Slovanské pohádky*» (1932) «Славянские сказки» Йиржи Поливки. Стилистические проблемы волшебной сказки многосторонне рассматриваются в главе «*O stilistice východoslovanských pohádek*» (О стилистике восточнославянских сказок):

„Formálním stilistickým charakterem se podobají sobě velkoruské, beloruské i maloruské pohádky větší menší měrou, ale velmi se liší od pohádek jiných národů slovanských i národů jazykově nepřibuzných. Zde se mají prozkoumati právě s tohoto hlediska, aby se zřetelněji objevila jejich shoda, po případě odlišnost....

Největší pozornost upoutaly dosud úvodní a závěrečné formulky. Jsou totiž nejcharakterističtější a mnohdy zachovány lépe než vnitřní forma.

Před začátkem pohádky bývá zcela zvláštní „pre-lúdium“ (priskazka nebo priskazka). Tato „předpohádka“ je často vtipná a velmi drastická, nezřídka necudná až oplzá...”

(Polívka 1932, 124)

(«По формальным стилистическим характерным чертам русские, белорусские и украинские сказки в большей или меньшей степени похожи друг на друга, но очень отличаются от сказок других славянских народов и от народов неродственных в языковом отношении. Здесь они должны быть исследованы с этой точки зрения для того, чтобы ясно проявилось их сходство или же различие. Наибольшее внимание привлекли к себе до сих пор **вводные и заключительные формулы**. Они, действительно, являются наиболее характерными и во многих случаях сохранились лучше, чем внутренняя форма. Перед началом сказки выступает совершенно своеобразная «прелюдия» (присказка). Эта «предсказка» часто остроумна и весьма резка, нередко неприхотлива до неприличия.»)

По мнению Й. Поливки, типичные стилистические мотивы великорусской сказки не свойственны фольклору других европейских народов. Важным аргументом оригинальности, по его мнению, является специфическая **структура** русской сказки, в которой особое место занимают **вводный и заключительный** элементы.

Ценность своеобразных структурных мотивов **присказки** и **заключительного элемента** состоит в том, что они образуют **самостоятельную** сказку, выдуманную сказителем. Содержание присказки и заключительного элемента **не имеет непосредственной связи** с сюжетом волшебной сказки. В них на передний план выдвигается личность и **красноречие сказителя**, возбудившего интерес у своей публики к исполняемой им волшебной сказке. В конце повествования он окончательно хочет завершить действие, прощаясь со слушателями и желая вывести их из мира сказки.

Интерес исследователей к данным специфическим стилистическим элементам русской сказки подтверждает работа Р. Якобсона (1982). Известный русский лингвист также интересовался вопросами русской народной сказки. При изучении основных свойств русских волшебных сказок он принимает выводы Й. Поливки (1932). Р. Якобсон также подчеркивает неповторимость русской народной сказки, мотивы которой не используются ни у западных, ни у южных славян, ни у романо-германских народов. В работе Р. Якобсона кроме сюжетных вопросов, связанных с историзмом народной сказки, особое внимание уделяется также и **структурно-стилистическим** проблемам типичного жанра русского фольклора.

Особенности присказки явно отражаются в сказке известного народного сказителя Филиппа Павловича Господарева (1865-1938) «*Солдатские сыны (Иван и Роман)*», которая зафиксирована в сборнике, «*Русские народные сказители*» (1990), составленном Т. Г. Ивановой.

В этом произведении народного творчества проявляется и стилистическая функция **присказки** и **заключительного элемента**. При толковании значимости этой сказки Т. Г. Иванова делает следующее замечание:

«Солдатские сыны (Иван и Роман). Господарев, № 2. Ук.303. Широко распространенный в восточнославянской сказочной традиции сюжет. Это одна из самых любимых сказителем сказок. Он рассказывал ее с соблюдением всей сказочной обрядности.» (РНС, 457).

Последнее из суждений Т. Г. Ивановой объясняет, почему мы выбрали иллюстрацией для типичного использования изученных нами структурных элементов данную сказку. Разработанная форма **присказки** и **заключительного элемента** неразрывно связаны с понятием сказочной **обрядности**, упомянутой составителем сборника. Сказка начинается с присказки, обладающей основными типичными формулами:

«В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка, это присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толще...» (РНС, 275).

В присказке, исполненной мастером слова Ф. П. Господаревым, обнаруживаются все основные свойства, которые, по мнению Й. Поливки, типичны для данного структурного элемента русской народной сказки. Мы подчеркиваем в ней полнокровность народного юмора и использование рифмующихся языковых единиц. Формула присказки «*Это не сказка, а присказка*» обнаруживается и в сказке «*Иван -дурак*» из сборника А. Н. Афанасьева:

«Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летат и говорит: «Скинь да положи!» Взял скинул, да положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!» (Афанасьев III, 238.)

Повествование сказителя заканчивается в соответствии со структурными закономерностями русской сказки, ее **заключительным элементом**: *«Роман берет отца и мать и отправляется в свое царство, и начал царствовать в своем царстве, поживать и бедных людей не обиждасть. И я проехал, там очень хорошо живется, как у нас сейчас. Ну, и сказка кончена»* (РНС, 293).

В сказке **«Вещий дуб»** из сборника А. Н. Афанасьева, присказка служит прелюдией сюжета, о чем упоминается в работе Й. Поливки:

«Тошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит – в глазах одурочит, из воды суха выйдем: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймаешь!» (Афанасьев III, 261)

Данный **вводный элемент** не начинает в прямом смысле сюжет сказки, а служит **поучением**, обращает внимание читателя на сущность содержания сказки. Поучение предшествует конкретным событиям, рассказанным по ходу развертывания сюжета сказки. Данная вступительная единица используется в народной драматургии, осведомляя зрителей о сущности сюжета определенной пьесы.

При изучении текста русских волшебных сказок, зафиксированных в сборнике А. Н. Афанасьева, которые могли послужить примером для сказителей XX века, используются специфические структурные элементы, упомянутые Й. Поливкой. Сказка **«Фома Беренников»** является типичной по **структурным** свойствам произведением, в котором обнаруживаются **присказка, главный корпус сюжета и заключительный элемент**, основные структурные элементы русской народной сказки.

Данная сказка начинается с известных для читателей (слушателей) русских народных сказок фразеологических оборотов:

«В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников.» (РС, 330)

«Морока»: *«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос.»* (РС, 289)

«Удалой батрак»: *«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой.»* (Афанасьев III, 236)

При изучении структурные свойства **венгерской волшебной сказки** наблюдаются сходные морфологические элементы, **присказка и заключительная часть**. Венгерский этнограф Иштван Бано подчеркивает то, что венгерская сказка состоит **из пяти элементов**, в которой присказка и заключительная часть являются типичной структурной особенностью.

В венгерской волшебной сказке **«Csihán királyúrfi»** (Чихан-королевич) из сборника венгерских народных сказок, собранных выдающимся этнографом XIX в. Яношем Криза, наблюдается присказка, типичная для данного жанра венгерского фольклора:

"Egyszer volt, hol nem volt, hetedhét országban is túl, meg azon is túl, kidőlt kemencének bedőlt oldalában volt egy jegenyefa, annak a jegenyefának volt hatvanhat ága, s minden ágon hatvanhat varjú. Aki az én beszédemet meg nem hallgatja, a varjú üsse ki a szemét". (Kríza 7)

(«Где было, там было, за семьдесят седьмым государством, из стены разваленной печи выросло одно высокое дерево. На этом дереве было 66 ветвей, на каждой из них сидела 66 ворон. **Кто не склонит ухо на мои слова, пусть ему ворона выклюет глаза»**).

Вариант вышеупомянутого типа присказки, в которой тоже преобладают мотивы, определяющие **сказочное пространство**, использован в сказке.

«*A halhatatlanságra vágyó királyfi*» («Королевич, желающий бессмертия») из сборника Я. Криза. В данной структурной единице сказки кроме описания сказочного пространства обнаруживаются шуточные мотивы, использованные сказителем подобно вышеупомянутой присказке:

„*Egyszer volt, hol nem volt, hetedhét országon is túl, még az Óperenciás tengeren is túl, bedőlt kemencének kidőlt oldalában, vénasszony szoknyájának hetvenhetedik ráncában volt egy fehér bolha, annak a kellős közepében volt egy fényes királyi város, a városban pedig lakott egy öreg király. Ennek a királynak volt egy jóra való fia.*” (Krizsa 99)

«Было не было, за 77-ым государством, за синими морями, на развалине печи, в 77-ой складке юбки старухи жила одна белая блоха. А в ее брюхе был один светлый королевский город, а в нем жил старый король. А у этого старого короля был замечательный сын.»

В присказке следующей венгерской волшебной сказки наблюдается цепочка шуточных картин, создающие подходящие условия для повествования и веселое настроение слушателей сказки:

„*Az égig érő fa*” («Дерево до небес») : „*Hol volt, hol nem volt, hetedhét országon is túl volt, fölnyergeltem egy fakót, fölültem a hátára, és kiszaladtam az erdőbe. Jól ittam, jól ettem, a fakót a fejemre tettem. Egyszer fölbredtem, ellopták a fakót. Akkor megijedtem. Fölszaladtam egy hegyre, hegyről meg a fára. Úgy megráztam a fát, hogy az eper, szilva, mogyoró majd beszaggatta a fejem. Egyszer rám kiáltott egy öregasszony: – Haj, haj, te gyerek! Ne gázold el a répát, retket, mert nem te ültetted el a káposztát.*” (Illyés 1974, 57)

«Где было, где не было, за семьдесят седьмой страной было. Я оседлал сивого коня, сел на него и выехал в лес. Хорошо напился, наелся и лег спать. Своего коня положил на голову как подушку. Пока я спал, коня украли. Очень испугался. Побежал на гору, на горе залез на дерево. Так стряснул дерево, что ягоды, сливы, орешки, сыпавшиеся с него, чуть не разбили мою голову. Вдруг старуха закричала, увидев меня: – Ты, негодяй, зачем ты топчешь редиску, морковку, да не ты посадил капусту»).

Своеобразный характер венгерской присказки наблюдается в сказке „*Zsuzska és az ördög*” («Жужка и черт») из сборника другого выдающегося фольклориста Ласло Араня. Главная функция присказки в данном фольклорном произведении – тоже описание места действия сказки, несмотря на упоминание о времени:

„*Egyszer volt, hol nem volt, még az Óperenciás-tengeren is túl volt, volt a sós tenger kellős közepén egy lakatlan sziget, azon a lakatlan szigeten egy nagy hegy, annak a hegynek a tetején egy magas torony, annak a toronynak a leghegyibe egy könyv, abból szedtem én ezeket a szent beszédeket.*” (Arany 1979, 134)

«Было не было, за морями-океанами, посреди соленого моря, на необитаемом острове стояла высокая гора, на ее вершине высокая башня, на самом верху которой была книга, из которой я и взял этот чудесный рассказ»).

Типичная заключительная формула русской волшебной сказки используется в конце сказки «**Фома Беренников**». Эта заключительная единица представляет относительно самостоятельную часть настоящего фольклорного произведения. Сказитель рассказывает свои приключения на пиру, устроенном на свадьбе главного героя:

«И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто. Дали мне колпак, стали со двора толкать; дали мне шлык, а я в подворотню шмыг! Дали мне синь кафтан; летят синицы да кричат: – Синь кафтан, синь кафтан! А мне послышалось: «Скинь кафтан!». Скинул и бросил на дороге. Дали мне красные сапоги; летят вороны да кричат: – Красные сапоги, красные сапоги! А мне послышалось: «Крадены сапоги!» Снял да и бросил. Дали мне лошадку восковую, плетку гороховую, уздечку репяную; увидел я – мужик овин сушит, привязал тут лошадку – она растаяла, плетку куры склевали, а уздечку свиньи съели!». (Афанасьев III, 243)

Настоящая сказка соответствует структурным нормам русской народной сказки, ведь в ней используются как обороты присказки, корпус сюжета, включающий в себя определенные мофологические элементы, так и заключительная часть сказки.

В самом конце сказки **«Иван дурак»** тоже используется заключительная формула: *«Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперя живут, хлеб жуют. Я тут был, мед пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да почали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летит и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положи!» «Взял скинул, да и положил».* (Афанасьев III, 238)

По разработанности он является чуть ли не полным эквивалентом рассмотренной выше структурной единицы сказки **«Фома Беренников»**, вошедшей в сборник А. Н. Афанасьева. При сравнении объема тождественных по функции структурных элементов обнаруживается различие лишь по богатству использованных оборотов. Многие обороты второй сказки передают тот же самый смысл, но более сжато, в более простой форме.

О типичности и богатстве формы свидетельствуют заключительные элементы русских народных сказок:

«Царевна-змея»: *«Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.»* (РС, 239)

«Сиротка-девочка»: *«Я у ней была, мед пила, по губам текло, да в рот не попало. Вот и басне конец.»* (РНС, 433)

Шутливые формулы обнаруживаются и в следующих сказках:

«Иван дурак» (РНС, 427-429): *«Я у них была, чай пила, такие они славные люди.»* (РНС, 429)

«Данила» (РНС, 435-437): *«Я у них была и чай пила, ну по губам текло, а в рот не попало. Вся Вот так Данил женился на славу.»* (РНС, 437)

«Буй-волк и Иван-царевич»: *«Пир был задан на весь мир. Я там был мед-пиво пил и огурцами закусил.»* (РНС, 390)

«Иван-царевич и Алихон-богатырь»: *«Стал он жить да поживать и добра наживать.»* (РНС, 405)

«Воробьюшек»: (РНС, 437-440). *«Тут царь его женил. Был там пир. Я была, танцевала да ногу сломала, и не поглядела этой свадьбе, не до того было, так меня водка с ног сбила.»* (РНС, 440)

«По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»: *«В это время я там была, мед-вино пила, все видела, всем было очень весело, горько только одной старшей сестре.»* (РС, 252)

По рассмотренным нами примерам складывается представление о вариантах основной сказочной формулы и также о ступенчатом характере полноты структуры-оригинала.

Использование определенного оборота для сказителя является нормой. Изменяются лишь некоторые элементы данной структуры. Достояна внимания связь данной картины с мотивом **свадьбы**. Сказитель заканчивает сказку рассказом о своих приключениях, либо о событиях пира. Веселые картины свадьбы также имеют специфический ареальный характер, связанный с традициями и системой обрядов исследуемой культурной зоны.

Степень разработанности картины заключительного элемента наблюдается в вариантах этой структурной единицы. По нашему предположению, использование мотивов определяется не только одаренностью сказителя, но также и местными традициями повествования.

«Не любо – не слушай»: *«Тут разложили они огонь, поставили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся»* (Афанасьев III, 219);

«Буй-волк»: *«Такой был свадебный пир, продлжалось целую неделю. Там вино рекой лилось, даже и выпить мне пришлось. Квасу и пива много пил, да только лишь усы замочил, а по усы текло в рот не попало»* (РНС, 384);

«Доброе слово»: *«На том пиру и я был, мед-вино пил, калачами заедал»* (РС, 274).

«Иван Быкович»: *«Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!»* (РС, 84).

В следующих сказках обнаруживаются другие формулы заключительного элемента, также использующие рифмующиеся языковые единицы: **«Иванушка-дурачок»**: *«Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец; а моей сказке конец.»* (РС, 312)

«Дурак и береза»: *«Люди смотрят – как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.»* (РС, 314);

«Не любо – не слушай»: *«Сказке конец, а мне меду корец.»* (Афанасьев III, 231);

«Лютонушка»: *«Лютоня наелся донельзя, залез на полатки и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.»* (РС, 317);

«Иванушка дурачок»: *«Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.»* (Афанасьев III, 197);

«Удалой батрак»: *«Жили они богато; двор у них кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом покрыто, а светом обгорожено!»* (Афанасьев III, 235).

В сказке **«Вор»** также наблюдается грубый крестьянский юмор, который типичен для многих русских пословиц и поговорок:

«Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.» (Афанасьев III, 178)

«Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе и об Иване-горохе»:

«Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась. Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой! Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.» (Афанасьев III, 326)

В русских народных сказках, исполненных А. К. Барышниковой, мы читаем следующую формулу:

«**Иван Водыч и Михаил Водыч**»: «*Вот когда они делились и женились, я там была, мед пила, по губкам стекло, а в рот не попало. А живут хорошо, письма мне шлют, только они до меня не доходят*» (PHC, 423).

Для венгерских волшебных сказок тоже свойственны заключительные стуктурные единицы, которые тоже связаны с юморными событиями **свадьбы** главного героя. Сказитель является **участником свадебного пира**, где происходят юморные, но неприятные для него события.

Венгерская сказка „**Szélike Királykisasszony**” (Бенедек) «Ветерок-королевна» заканчивается шуточным заключительным элементом, типичным для фольклора изучаемой нами культурной зоны:

„*Mingyárt nagy lakadalmat csaptak, üstre főztek, teknőre tálaltak. Csak lé volt kilencféle. Én is ott voltam ebédre. Ettem, ittam, jól mulattam, s aztán szépen elkullogtam.*” (Benedek 198)

«Тут же устроили **свадебный пир**. Столы ломались от яств. Только ухи было девять видов! Я на том пиру был. Ел-пил, хорошо повеселился, а потом удалился подобру-поздорову».

В венгерской сказке „**Tejkút**” («Молочный колодец») тоже используется картина свадьбы, где происходят шуточные события:

„*Egyszeribe olyan lakadalmat csaptak, hogy teelő Szent Páltól tekerő Szent Pálíg asztal asztalt ért. Én is ott voltam, kaptam egy kicsi csontikát, de odajött a keresztapám, s addig kérte, míg megharagudtam, s a lábához vágtam. Aki nem hiszi, nézze meg, még most is sántikál bele.*” (Kríza 1972, 121)

«(После этого **закатили** такой **пир**, что свадебный стол простирался от одного села до другого. И я там был, получил одну **косточку**, но подошел ко мне крестный отец и так долго выпрашивал ее у меня, что я рассердился и **бросил** ее прямо ему в ногу. Если кто не верит, пусть посмотрит, он и сейчас хромает»).

В венгерской народной сказке «**Ráadó és Anyicska**» тоже обнаруживается шуточная заключительная формула сказки:

„*Erre aztán még jobb kedvök kerekedett, még nagyobb lakadalmat csaptak, ettek-ittak, mulatoztak, Duna, Tisza, Dráva, Száva mind ott voltak egy szegletben, egy nagy zsákba beletömve, én is ott voltam, ugráltam, táncoltam, a zab sarkantyúmmal a zsákot kirúgtam, mind kidőlt a sok víz; te is ott voltál majd a vízbe haltál, de én megkaptalak, üstöködnél fogva ki is rántottalak. Ha ki nem rántottalak volna, bizonyosan behaltál volna.*” (Arany 1979, 65).

«(После этого им стало еще веселее. Еще больше **закатили** они **свадебный пир**». Ели-пили, веселились. Все большие реки сошлись туда, их собрали в один большой **мешок**, который стоял в углу. И я там был, плясал-танцевал, мои **шпоры** врезались в этот мешок, **реки все вырвались из него**. Произошел потоп. Ты тоже там был, чуть не утонул, я схватил тебя за волосы, вытащил из воды. Если бы тебя не вытащил, наверняка ты бы пропал»).

В венгерской этнографической работе «**Népköltészet**» (Венгерское народное творчество, 1988) в главе «*A népmese mint népköltészetű műfaj*» (Народная сказка как жанр фольклора, 19–36) также говорится о **присказке** и о **заключительной формуле**, как о типичном структурном мотиве венгерской народной сказки. Знаменитый венгерский фольклорист Иштван Бано (1982) предлагает дополнить трехэлементарную структуру волшебной сказки. По мнению И. Бано данные структурные элементы действительно

являются самым первым, либо самым последним элементом сказки, но органически **не связаны** с сюжетом и могут сочетаться с **разными** сказками.

Ареальные свойства присказки и заключительного элемента русской сказки

Сказочная формула *жил-был* является типичным элементом русской народной сказки. Восточное происхождение этой формулы рассматривается в книге академика О. Б. Ткаченко (1979). Украинский лингвист привел параллельные финно-угорские структуры:

«коми *овны-в’овны*, удмуртскую *улыны-вылыны*, мордовскую *эрямс-аштемс*, состоящие из компонентов со значением «**жить**» и «**быть, существовать**». По его мнению, свидетельствуют о финно-угорском субстрате в русском языке.

Важной функцией присказки, начинающей русскую волшебную сказку «**Три царства – медное, серебряное и золотое**» является обозначение и уточнение сказочного **времени** мифологической сказки.

«В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича.» (РС, 68)

Данный вопрос фольклора тщательно исследуется коми фольклористами О. И. Уляшевым и И. И. Уляшевым в работе «*Онтология сказки*» (1997). В главе этнографической работы «*Время-пространство в реальном мире*» авторы указывают на основную роль данного типа структуры, который служит ознакомлению слушателей с сакральными измерениями и введение их в этот чудесный мир.

В рассмотренной структурной единице русской сказки наблюдаются те же временные мотивы, которые обнаруживаются и в бурятских народных сказках. С вопросами бурятской народной сказки мы смогли познакомиться в работе Е. В. Баранниковой (1978), которая подчеркивает, что присказка в композиционном отношении является типичным мотивом также и бурятских волшебных сказок.

При рассмотрении специфических свойств структуры бурятской волшебной сказки Е. В. Баранникова анализирует композицию сказки «*Аржа-Буржа хан*». Функция бурятской присказки в основном соответствует композиционному элементу, использованному в русской волшебной сказке. Функция данного типа присказки заключается в том, что она указывает на **время действия**, которое приурочивается к далекому прошлому:

«Когда вселенная преобразовалась, когда свиная голова стала съедобной, когда природа на земле установилась, когда гора Сумбер с бугорок была, когда в табуне рождались аргамаки, когда у отцов рождались баторы, когда земля была молодой и красивой, когда время было благодатное, а бумага была тонкой, жил хан Аржа Буржа» (Бурятские народные сказки 1990, 225).

Установление сказочного времени обнаруживается и в присказке другого произведения бурятского народного творчества. Волшебная сказка «*Сын Зээдэлэя, Газар Поолин*» тоже начинается описанием времени чудесных событий:

«В те стародавние времена, когда погода стояла благодатная и травы ярко зеленели, когда земля была талая и свиньи отъедались, когда молочно-белое море лужицей виднелось, когда гора Сумбэр кочкой маленькой была, когда развесистое дерево опушки

низкорослой порослью полыхалось и круторогий козел маленьким козленком резвился, жил сын Зээдэлэя Газар Поолин со старухой» (Бурятские народные сказки, 426).

В присказках, использованных в венгерских волшебных сказках, в отличие от большего внимания уделяется описанию **пространства**, чем **времени**, связанного с сюжетом. Для обозначения времени служат сравнительно простые обороты также типа: «*Egyszer volt, hol nem volt.*» («Раз **было** – раз **не было**, был»); «*Hol volt, hol nem volt, volt egyszer.*» («Где **было** где **не было**, был»).

Обороты присказки венгерских волшебных сказок, имеют **ареальный** характер, типичны и для сказок тюркских народов. В татарском языке тоже известна сходная формула: «*булмаса булган икен*» (ТаРС, 83) «**Была** не была! Куда ни шло!» по толкованию узбекских фразеологов является обычным зачином узбекской сказки. Эквивалент данной формулы «*бир бар экен, бир ёк экен*» (ТуркмРС, 100) «раз **было** – раз **не было**» используется в туркменском фольклоре также элементом присказки. Параллельная формула использована в присказке турецких сказок: «*bir varmiş bir yokmuş*» (ТурРС, 894) «раз **было** – раз **не было**» (некогда, когда-то).

В более простых формах присказки в словацкой народной сказке используются также мотивы, возникшие под влиянием ареальных контактов:

Сказочное пространство нарисовано более разработанными картинками. Рассмотренный нами типичный зачин венгерской сказки использует формулы, свойственные узбекским и туркменским народным сказкам. Формула «*бир бор экан, бир юк экан*» (УзбРС, 73) «раз **было** – раз **не было**».

Заслуживает пристального внимания, что в русской народной речи структуры, соответствующие, формуле венгерской присказки «*Egyszer volt, hol nem volt*» (раз **было** – раз **не было**, был) являются типичными языковыми средствами.

В пословицах, зафиксированных в сборнике В. Даля, используются структуры, в которых сочетаются **однокоренные** глаголы с утвердительным и отрицательным значением: «*Живет не живет*, а проживать проживает» (Д I, 82); «*Был не был, жил не жил*, знать, что пропал» (Д II, 71); «*Еду, не еду*, поехал» (Д II, 127); «*Бойся не бойся, а року не миновать*» (Д I, 40); «*Была не была. Было не было – катая сплеча!*» (Д I, 55); «*Сорочи не сорочи, а без рубля быть*» (Д I, 109); «*Ушел, не ушел, а побежать можно*» (Д I, 382);

О типичном использовании данной специфической структуры в русской народной речи свидетельствуют произведения русских народных писателей, в которых звучит язык народа: «*Была не была*, сделаю, как она велела» (Бажов 189). «*Делай не делай*, а срок отбитый» (Бажов 277); «*Покажет — не покажет*, а засупа нашему брату будет». (Баж 328); «*Думай не думай* — сто рублей не деньги». (Шукшин 28); «— *Грусти не грусти* — што толку?» (Шукшин 34); «— *Хошь не хошь* — четыре отдал!» (Залыгин 362); «А там *досматривай не досматривай*... у всех вода» (Распутин 37); «Это значит, *возить не перевозить*» (Распутин 121).

В китайском языке сочетание утвердительной формы сказуемого является типичной структурой: *Xiànzài nǐde fùtǔ sh-bu-shì zài Riběn?* (ОКЯ, 94) «сейчас твои родители в Японии». В данном вопросе структура *sh-bu-shì* «буквально: **находятся- не находятся?**» выражает неосведомленность собеседника. В другом вопросе *Niúnǎi zài bēizi li, sh-bu-shì?* (ОКЯ, 94) «молоко в стакане?» тоже используется данная структура (Есть, нет? В стакане?).

Вопрос: *Tā lái de zǎo-bu-zǎo?* (ОКЯ 241) «он рано пришел?» использует антагонические компоненты *zǎo-bu-zǎo* «рано-не рано» обстоятельства времени.

Следующие китайские примеры тоже используют структуру, соединяющую утвердительную и отрицательную формы сказуемого: *Nǐde chǐzi cháng-bu-cháng?* (ОКЯ, 34) «твоя линейка длинная? (длинная не длинная?)»; *Nǐmende yuánzhūbǐ yíyàng-bu-yíyàng?* (ОКЯ, 34) «у вас одинаковые шариковые ручки? (одинаковые не одинаковые?)». В этих примерах тоже используется частица, выражающая отрицательное значение именной части сказуемого. Структуры *cháng-bu-cháng?* «длинная не длинная» *yíyàng-bu-yíyàng?* «одинаковы не одинаковы?» представляют собой именную часть составного сказуемого.

Вопросы используют частицу *méi* для передачи отрицательного значения в следующих примерах, в которых антонимическая структура *yǒu- méi- yǒu* «есть- не есть» выражает неопределенность: *Lǐ dàxué bù yuǎn yǒu- méi- yǒu diànyǐngyuàn?* (ОКЯ, 382) «недалеко от университета есть кинотеатр?»; *Zài xuéyuàn fūyìn yǒu-méi-yǒu shítáng?* (ОКЯ, 382) «вбизи института есть столовая?».

Представленные примеры подтверждают использование сходной специфической синтаксической структуры в разных языках изучаемого ареала, что говорит об общем приеме языковой модели.

Заключительный элемент русской сказки тоже обладает ареальным характером, о чем свидетельствуют следующие тюркские примеры.

Типичный оборот русской сказки, связанный с мотивом пира в заключительном элементе зафиксирован в сборнике русских пословиц: «**По усам текло, да в рот не попало**» (Д. I, 48). Данная общеизвестная формула, изученная и в работе Й. Поливки (1932), имеет эквиваленты в алтайской фразеологии.

Данная фразеологическая формула использована во многих русских сказках, как например: «**О горе-горячине, Даниле – дворянине**»: «*Я там был, пиво пил; по усам текло в рот не попало; дали мне колпак – стали в шею толкать, дали мне шлык – я в подворотню и шмыг!*» (Афанасьев, III, 375)

Сходство подтверждают как башкирская поговорка «**кесе телгэ лэ йокманы**» (БРС, 267) «до язычка не дошло (т. е. было мало еды)», так татарские примеры «**Мыек чыланды, авызга кершеде**» (ТаРС, 381); «по усам текло, в рот не попало»; «**Олы телджен утмэде, кече телге житмэн**» (ТаРС, 409); «по большому языку не прошло, до маленького не дошло».

Достоинно внимания тождество шуточной картины татарской сказки и русской пословицы из сборника В. И. Даля. «**Пошел завтра, пришел сегодня**» (Д I, 359), построенная из тождественных элементов. В основе шуточного мотива лежит инверсия порядка действий.

Заслуживает пристального внимания сходство между юморными картинками.

Об ареальном характере **заключительной структуры** русских народных сказок свидетельствуют и тюркские сказки. О типичном характере данной формулы свидетельствует татарская сказка «**Гульчечек**», использующая данный структурный элемент:

«*Я у них был – вчера пошел, сегодня вернулся. Чаю с медом напился, пирогов наелся.*» (Гульчечек 1952, 72)

В известной татарской волшебной сказке «**Камыр-батыр**» (ТатНС, 15-20) «Тесто-богатырь» шуточная формула заключения тоже связана с картиной свадьбы.

«*Трицать дней **пировали**, сорок дней **свадьбу** справляли! И я на той **свадьбе** был, из **пустого ковша** мед пил». (ТатНС 20).*

В другой татарской сказке «**Тан-батыр**» («Заря-богатырь») тоже используется данный мотив:

«*Очень хорошо они живут. **Сегодня я к ним ходил, вчера назад пришёл**. С медом **чай** у них пил». (Тат. НС, 96).*

Присказка в роли специфического элемента сказки обнаруживается и в **чувашиском** фольклоре. Чувашиским оборотам также свойственен рифм и народный юмор: В чувашской сказке «**Батыр и Чиге Хурсахал**» упрощенная форма заключительной формулы звучит так:

«*И завели **пир** на весь мир. И я на том **пиру** был, обо всем этом узнал и сказку **рассказал**». (ЧНСК, 66)*

Использование формул, независимых от сюжета наблюдается и в чувашских народных сказках: «***юмӑх** ярӑп, юптарӑп, йӑнӑш ҫулна чуптарӑп» (ЧРС, 639) «я вам **сказку** расскажу, ложной тропкой поведу» (фольклор). В словаре подчеркивается, что данная формула является зачином чувашской сказки. Следующая формула служит **присказкой** в середине сказки: «*шывӗ юхатъ лапалла, **юмах** пыратъ малалла» (ЧРС, 639) «бежит речка, извивается, **сказка** наша продолжается» (фольклор) Эта формула используется как **концовка** сказки: «***юмах** ятӑм, юптартаӑм, пӗр сӑмах та суймарӑм» (ЧРС, 639) «рассказал я **сказку** вам, нет ни слова фальши там».***

Для соответствующего элемента венгерской народной сказки также свойственен полнокровный крестьянский юмор, проявляющийся в своеобразных картинах, в смешных ситуациях с целью развлечения слушателей.

Картина заключительного элемента венгерской волшебной сказки **Tejkút** («Молочный колодец») и туркменских волшебных сказок являются сходными:

«*После этого **закатили** такой **пир**, что свадебный стол простирался от одного села до другого. И я там был, получил одну **косточку**, но подошел ко мне крестный отец и так долго выпрашивал ее у меня, что я рассердился и **бросил** ее прямо ему в ногу. Если кто не верит, пусть посмотрит, он и сейчас хромотает».*

Сходная юморная картина обнаруживается в заключительной формуле в туркменской сказке «**Караджа батыр**» (Турк. НСК, 54-66):

«*Я тоже побывал **на этом пиру** и ушел, завернув в полу **кость**. Но по дороге на меня бросился щенок моего деда по матери. Я хотел швырнуть в него комком земли, да по ошибке кинул **костью**. Тут щенок и обглодал его». (Турк. НСК, 66)*

В другой туркменской сказке «**Два сына падишаха, рожденные от невольницы**» (94-124) также использована заключительная формула, наполненная эмоциональной окраской:

«*По этому случаю **был устроен пир** на несколько дней и ночей, резали баранов, варили плов. Я тоже нес с того пира миску плова и большую **кость**. Но вдруг на дороге споткнулся – плов по земле рассыпался. А **кость** нес Акбилек утащил. Так я **голодным и остался**». (Турк. НСК, 124)*

Заклучительная формула используется сравнительно довольно часто в туркменских сказках, о чем свидетельствует сказка «**Сирота**», в которой тоже использована данная

стилистическая структура волшебной сказки исследуемого ареала. «*А потом он устроил свадебный пир на сорок дней и ночей и взял пери в жены. На том пиру я был. И доставалась мне на том пиру большущая кость. Принес бы я ее Вам, да пес Алабай выхватил ее у меня из рук и убежал.*» (Турк. НСК, 179)

Заключительный элемент венгерской сказки связана с описанием юморными событиями свадебного пира, где сказитель сказки тоже принял участие. Этот мотив тоже используются в туркменских сказках. Интересным общим элементом веселых картин является **кость**, которую сказитель получил от хозяев. Обглоданная кость говорит о том, как угостили и потчевали его. Этот скромный подарок теряется в следствии, неожиданных событий, что отражает «рустичный» народный юмор этих сказок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Результаты нашего исследования содействуют дополнению и модификации выводов Й. Поливки (1932) об уникальном характере структуры русской волшебной сказки, которые служили аксиомой для Р. Якобсона, изучающего вопросы русского фольклора. В основе неточности их выводов лежит тот факт, что для них венгерский фольклор был неизвестен, даже не имели точные знания о фольклоре алтайских народов Советского Союза.

Поливка подчеркивает то, что **присказка** и **заключительная часть** сказки являются независимыми частями волшебной сказки, и их использование во многом зависят от талантливости сказителя. Таким образом, мы можем установить, что сюжет волшебной сказки имеет **коллективный** характер, а независимые части имеют в большей мере **индивидуальный** характер. Культурный и языковой коллектив мог унаследовать сюжет сказки, который в основном сохранился, коренные мотивы не изменялись, несмотря на устный характер распространения сказки.

Й. Поливка и Р. Якобсон не явились собирателями волшебных сказок, они делали свои выводы по волшебным сказкам, зафиксированным в сборниках. В **присказке** и **заключительной части** волшебных сказок явно отражаются особенности речевой деятельности сказителя. Книга *Русские народные сказители* Т. Г. Ивановой чрезвычайно важна для исследователей, так как в этой работе представлена биография сказителя с данными о его жизни. В новых сборниках русских народных сказок сохранились все важные элементы стиля народного сказителя, даже особенности диалекта.

При сопоставлении русских и венгерских сказок обнаружилось общие функциональные и стилистические признаки данного жанра фольклора. Использование этих структурных элементов служат деятельности сказителя, установить эмоциональный контакт со своей публикой и ввести слушателя в мир сказки, а потом вывести его из волшебного мира.

Для этих структурных единиц свойственен рустичный народный юмор, который не чужд ни культурным нормам сказителя ни нормам слушателей сказки. Этот мотив наблюдается у русских и венгерских народных сказок. Общим мотивом заклочительного элемента является **свадебный пир**, участником которого является сам народный сказитель. Важным мотивом юмора является негативное событие, потеря скромных подарков, полученных на свадьбе, недостатки угощения. Эти мотивы наблюдаются как в русских, так и венгерских и сопоставленных тюркских сказках.

Расширением круга компаративного исследования мы можем получить более точную информацию о стилистических и структурных свойствах данного жанра народного творчества.

LIST OF REFERENCES

- Barannikova, J. V.** (1978). *O burjatskoj volsebnaj skazke*. Nauka. Moskva
- Bikbulatov, N. V.** (1974). *Folklor narodov RSFSR*. Ufa, s. 52-62.
- Kaskabasov, S. A.** (1972). *Kazahskaja volšebnaja skazka*. Alma-Ata
- Propp, V. Ya.** (1969). *Morfologija skazki*. Moskva,
- Propp, V. Ya.** (1976). *Folklor i dejstvitelnost'. Izbrannije statji*. Moskva,
- Stebleva, I.** (1969). *Turkmenskaja skazka* In, *Prodannij son* Nauka. Moskva
- Ulyashev, O. I., Ulyashev, I. I.** (1997). *Ontologija skazki*. Siktivkar.
- Chicherov, V. I.** (1959). *Russkoje narodnoje tvorčestvo*. Moskva. Izd. Mosk, Univ *Russkije narodnije skazš* Москва. Изд. Моск. Унив.,
- Banó, István** *Meseszerkezet és esztétikum*. Ethn. XCIII. 233-258. ('Struktúra skazki i esztetika')
- Berze Nagy, János** (1957). *Magyar népmesetípusok I-II*. Pécs. ('Tipi vengerskich arodnich skazok')
- Horálek K.** (1962). *Studie o slovanske lidové poezii*. Praha.
- Jakobson R.** (1982). *A költészet grammatikája*. Budapest. ('Grammatika poetiki')
- Magyar néprajz V** (1988). *Népköltészet*. Akadémia Kiadó Bp. 1988. ('Vengerskij folklor. Narodnoje tvorestvo')
- Pacsai, I.** (2020). *The role of Phraseology in the Russian popular writer's works // International ScientificPedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST "* (ISPOP). *Scientific Journal WEST-EAST*. Vol 3 N1 (October, 2020). pp. 19-28. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-19-28>
- Polívka, J.** (1932). *Slovanské pohádky (Vychodoslovanské pohádky)* „Orbis” V Praze
- Tkachenko, O. B.** (1979). *Sopostavitelno-istoricheskaya frazeologiya slavyanskih yazyikov i finno-ugorskih yazyikov*. Kiev: «Naukova dumka».

Источники

Русский фольклор

- Афанасьев *Narodnije russkije skazki A. N. Afanasjeva v troch tomach* Moskva , 1957
- Д. I./II. *Poslovici russkogo naroda. Sbonik V. Da'la v dvuch tomach.*HUD. lit. Moskva, 1984
- РНС *T. G. Ivanova: Russkije narodnije skaziteli.* Izd. Pravda, Moskva ,1989
- РНСК *Russkije narodnije skazki* Русские народные сказки. Minsk 1977.
- РС *Russkije skazki.* Hud. liter.Moskva. 1969.

Сборники венгерских народных сказок:

- Arany László:** *Magyar népmesék*. Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1979.
- Benedek Elek** *Világszép Nádszál Kisasszony és más mesék* Bp.-Uzsgorod 1976.
- Ilyés Gyula** *Hetvenhét magyar népmese* Bp. 1974.
- Kríza János** *Csókalányok* Budapest, Móra Ferenc Könyvkiadó, 1972

Алтайский фольклор

- Baškirskoje narodnoje tvorčestvo. T. 3. Bogatirskije skazki* Ufa, 1988
- Baškirskij narodnij epos.* Vost lierat. Moskva, 1977.
- Burjatskije narodnije skazki* Burjatskoje nar. izdatelstvo Ulan-Ude 1973.
- Burjatskije narodnije skazki.* Hud. liter. Moskva. 1990.
- КаНС *Kazahskije narodnije skazki.* Hud. liter. Alma-Ata, 1959.
- Kigizskije narodnije skazki.* Frunze, 1961.
- Prodannij son. Turkmenskije narodnije skazki,* Nauka. Moskva 1969.
- ТатНС *Gülčeček Tatarskije narodnije skazki* Moskva , 1952.

УзНС *Uzbekskije narodnije skazki*. Taškent.Gospolitizdat. 1955.

ЧНСК *Čuvašskije narodnije skazki* Moskva , 1961

Sokraščeniye istočnikov

Бажов	Р. Bažov <i>Malachitovaja škatulka</i> Sovetskij pisatel', Moskva 1947.
БРС	<i>Baškirsko-russkij sovar</i> Digora. Russkij jazik. Moskva, 1996. Komissija
КирРС	<i>Kirgizsko- russkij sovar</i> русский словарь. Moskva, 1965
КаРС	<i>Казахско- russkij sovar</i> Moskva, 1981.
КРС	<i>Кому-пермяцко-- russkij sovar</i> . Moskva , 1985.
МаРС	<i>Marijsko-- russkij sovar</i> . Joškar-Ola, 1991.
ОКЯ	<i>Osnovi kitajskogo jazika</i> Moskva,
ОНГ	O. Nagy Gábor: <i>Magyar közmondások és szólások</i> . Budapest, 1985.
ОШ	Ošanin, I. M. <i>Kitajsko-russkij slovar</i> . Moskva, 1952.
Распутин	Rasputin, V. <i>Proščanie s Maťoroj. Povesti</i> . Minsk 1983.
ТаРС	<i>Tatarsko--- russkij sovar</i> . Moskva , 1966.
ТуркРС	<i>Turkmensko- russkij sovar</i> . Moskva , «Sovetskaja enciklopedija ». 1968.
ТуРС	<i>Turecko- russkij sovar</i> . Russkij jazik Moskva, 1977.
УзРС	<i>Uzbeksko- russkij sovar</i> . Moskva, Russkij jazik 1959.
ЧРС	<i>Čuvašsko- russkij sovar</i> . Moskva., 1977.
Шукшин	Šukšin, V. <i>Rasskazi</i> . Hud. literatura.. Moskva 1983.
ЭРС	<i>Erzjansko- russkij sovar</i> . Russkij jazik. Digora. Moskva, 1993.

For citation:

Pacsai, I. (2021). Common motifs in Russian and Hungarian fairy-tales // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). pp. 37-51. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-37-51>

Для цитирования:

Пачаи, И. (2021). Общие мотивы русских и венгерских волшебных сказок // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). С. 37-51.

<https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-37-51>

Information about the author:

Imre Pacsai - Habilitated Doctor of Philological Sciences Professor, Nyíregyháza High School, Member of the Scientific Council of the International Scientific and Pedagogical Organization of Philologists "West-East" - ISPOP (Nyíregyháza, Hungary)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Сведения об авторе:

Имре Пачаи - хабилитированный доктор филологических наук, профессор, Ньиредьхазская Высшая школа, член научного совета Международной научно-педагогической организации филологов «Запад-Восток» - ISPOP (Ньиредьхаза, Венгрия)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Manuscript received: 11/01/2021
Accepted for publication: 11 /02/2021
Рукопись получена: 11/01/2021
Принята к печати: 11/02/2021

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “ WEST-EAST ”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-52-60>

AFFIXES PRODUCING “LOCAL-SPATIAL” WORD-BUILDING MEANINGS IN THE GERMAN LANGUAGE

Irina Kruashvili
Doctor of Philology, Associate Professor
Sokhumi State University
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: i.kruashvili@sou.edu.ge

Annotation. The aim of the article is to show which word-building affixes take part in the formation of local-spatial meanings in the German language; to describe the derivational models produced with the use of the mentioned affixes and to characterize their structural and semantic peculiarities; to discuss formal and contentual characteristics of derivational affixes, including suffixes and prefixes; to determine statistical data of word-building constructions having local-spatial importance and to compare the frequency of their use in texts of various kinds.

We use several methods of research in the article, namely, immediate constituent analysis (IC Analyse), methods of description, opposition, transformation and substitution. By means of these methods, it becomes possible to elaborate appropriate structural-semantic criteria as well as description and modelling of the types of word-building constructions.

Results of the research can be characterized as follows: both suffix and prefix derivatives serve to the expression of the local-spatial word-building semantics in the German language. We have analyzed up to 100 word building constructions, which express nuances of the mentioned meaning; we have discussed separately affixes producing nouns, adjectives and verbs. Along with the multitude of the ways of production, the complex words are also characterized by the diversity of root components; namely, in suffix and prefix derivatives, there occur nouns, adjectives, verbs and adverbs in the capacity of root words.

From the materials discussed in the article, there can be drawn a conclusion that derivatives expressing local-spatial word-building semantics occupy an important place in the lexical system of the German language. Their many-sided use with attributive, predicative and adverbial functions attest the role of word-building constructions beside the syntagma and simplex. Word-building affixes producing local-spatial semantics make a great contribution to the realization of general tendencies of the development of modern German language, which, above all, is true for the sphere of syntax.

Keywords: word-building meaning, prefix, suffix, derivation.

«ЛОКАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ» СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ирина Круашвили
Доктор филологии, ассоциированный профессор
Сухумский Государственный Университет
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: i.kruashvili@sou.edu.ge

Аннотация. Цель статьи - показать, какие словообразовательные аффиксы участвуют в формировании локально-пространственного словообразовательного значения в немецком языке; описать деривационные модели с участием этих аффиксов и охарактеризовать их структурно-семантические особенности; рассмотреть формальные и семантические параметры деривационных аффиксов, как суффиксов, так и префиксов; определить статистические данные

словообразовательных конструкций с локально-пространственным словообразовательным значением и обобщить частотность их употребления в различных видах текстов.

В статье мы используем несколько методов исследования, а именно, анализ по непосредственно составляющим, описательный, сопоставительный, трансформационный и субституционный методы. С их помощью становится возможным выработать нужные структурно-семантические критерии, описать и смоделировать разновидности словообразовательных конструкций.

Результаты исследования можно охарактеризовать следующим образом: выражением локально-пространственного словообразовательного значения в немецком языке служат как суффиксальные, так и префиксальные производные слова. Мы проанализировали до 100 словообразовательных конструкций, выражающих различные нюансы вышеупомянутого значения; По отдельности рассмотрели субстантивные, адъективные и вербальные словообразовательные аффиксы. Помимо разнообразия словообразовательных методов, сложные слова характеризуются еще и разнообразием производящих основ, а именно, в суффиксальных и префиксальных производных словах в качестве производящих основ выступают существительные, прилагательные, глаголы, наречия.

Из рассмотренного в статье материала можно сделать вывод о том, что производные слова с локально-пространственным словообразовательным значением занимают важное место в лексической системе немецкого языка. Их универсальность в атрибутивной, предикативной и адвербиальной функциях подтверждает важную роль упомянутых словообразовательных конструкций наряду со словосочетанием и симплексом. Словообразовательные аффиксы с локально-пространственным словообразовательным значением в значительной степени способствуют реализации общих тенденций развития немецкого словарного запаса, что особенно заметно в синтаксической области.

Ключевые слова: словообразовательное значение, префикс, суффикс, деривация.

INTRODUCTION. In order to express local-spatial word-building semantics, there occur both compositional and derivational models in the German language. We shall discuss in the present article the word-building affixes that have more or less clearly expressed local meanings, or which participate in the formation of the mentioned semantics. German suffixes stand out by wide spectrum of meanings. It cannot be asserted that they express only local relations. What about the majority of prefixes analyzed by the authors of the present paper, they contain the mentioned sema independently, too. In periphrasis, there are mainly used local-situational prepositions. The function of the first direct constituent is to express place. The first constituent can express direction, too, which is given explicitly in terms of morphology. The article discusses expressly and separately concrete aspects and examples connected to each one of the prefixes.

REVIEW OF THE ISSUE. Many papers have been devoted to the topics of word building in the German language; they have explored complex words, as well as have established rules and models, according to which there occurs the production of word-building constructions. With the flood of new words in the language, one of the most topical problems of the German linguistics is now to describe meanings and functions of complex lexical units. Topicality of the problem conditions the intensive research of the issues connected to it.

We use papers of German linguists and lexicographers in the present article. Out of many scientists, whose concepts and theoretical opinions were shared in the present article, we must name works of Fleischer/Barz, Elsen, Kühnhold/Putzer/Wellmann, Donalies, Bittner, Eisenberg, Inghult, Seibicke and others. Derivatives with local-spatial word-building semantics are retrieved from

dictionaries as well as from artistic, social-political and technical texts. The analyzed materials are double-checked in newest online dictionaries.

METHODS OF RESEARCH. Methods of research used in the article comply well with the object of discussion, and show forth its regularities and peculiarities. We are using various methods of research in the present paper, namely, IC-Analyse, methods of description, opposition, transformation and substitution. With their optimal use, it becomes possible to ascertain structural, semantic and pragmatic parameters of derivatives having local-spatial word-building semantics.

RESULTS AND DISCUSSION. We shall start discussing this matter with German suffixes that produce derivatives, where there can be distinguished the local-spatial sema.

The suffix *-ig* is one of the most widespread and productive adjectival affixes in the modern German language, and derivatives produced by means of it amount to hundreds. It is called a certain universal suffix, due to the fact that it binds various roots and participates in almost all kinds of word-building patterns.

As a rule of thumb, derivatives with *-ig* suffix keep the meaning of the root word. Using the suffix *-ig*, mainly, the meaning of the root word is used to determine other linguistic features by means of attributive or predicative functions. Derivatives mostly express physical or spiritual features of humans or denominate characteristic signs for objects or phenomena. Such constructions are often produced from nominal composites: *ein kahlköpfiger Greis, ein schwermütiger Blick*.

Among the derivatives with *-ig* suffix, there can be distinguished ornative, comparative, temporal and other word-building meanings (Kruashvili 2013: 136), but we shall not discuss them as they do not represent the object of our research. We shall deal with word-building constructions produced by local adverbs such as *hiesig, dortig, jenseitig*. In these cases adverbs become flexional and derivatives are used attributively. Semantic changes do not occur, derivatives express local-spatial word-building meanings: *hiesiger Gemeinderat, dortige Vorkommnisse, jenseitiges Ufer*.

If in the adverbial root the last consonant is *-s*, it shall be elided before the suffix *-ig*: *abseits – abseitig, rückwärts – rückwärtig*. The root can undergo other changes, too, namely, to lose the vowel *-e*: *oben – obig*.

The next suffix that participates in the formation of local-spatial word-building semantics in the sphere of adjectives, is *-mäßig*. Amongst the derivatives with the suffix *-mäßig*, there exists a wide spectrum of semantic meanings, which consists of several groups. The groups are close relatives to each other. To distinguish separate meanings, specific interpretation and relationship with context should be taken into consideration. We have become familiar with works by Seibicke, Inghult, Kühnhold/Putzer/Wellmann, Bittner, Fleischer/Barz as well as those of other linguists in connection with the suffix *-mäßig*, where the authors suggest different semantic categories. At the same time, they recognize that the uniform ascertainment of mentioned semantic categories is often connected with difficulties without the context. Three principal word-building meanings, namely, comparison, restriction and conformance are given in almost all the studies, and the rest do not overlap. E.g., Kühnhold/Putzer/Wellmann additionally suggest the “word-building examples” expressing the kind of action, identity and tool/instrument (Kühnhold/Putzer/Wellmann 1978, 115), with Inghult, we additionally encounter the semantic categories denoting form, cause and means (Inghult 1975, 50).

What about the local meaning or the meaning expressing place, it is registered with the suffix *-mäßig* only by Bittner. Bittner expressly discusses the mentioned word-building meaning. To illustrate this idea, she gives propositions, where the derivative with the suffix *-mäßig* indicates the place or the phenomenon which can be determined according to the place:

1) *Arbeitsplatzmäßig sieht es da schlecht aus (Am Arbeitsplatz sieht es da schlecht aus).*

2) *Ich mag es nicht, so faschingsmäßig daherzulaufen. (Ich mag es nicht, so wie im Fasching daherzulaufen).*

3) *Man hat labormäßig schon Flaschen mit bis zu 10 bar belastet. (Man hat im Labor schon Flaschen mit bis zu 10 bar belastet).*

4) *... das CD-Rom wird einfach peripheriemäßig angeschlossen. (... das CD-Rom wird einfach an die Peripherie angeschlossen).*

5) *Tanja S. war wettkampfmäßig ein halbes Jahr lang nicht mehr auf dem Eis. (Tanja S. war bei Wettkämpfen ein halbes Jahr lang nicht mehr auf dem Eis).*

6) *Wettkampfmäßig kamen wir (Olaf Ludwig und XY) nie recht zusammen. (Bei Wettkämpfen kamen wir (Olaf Ludwig und XY) nie recht zusammen).* (Bittner 1996, 14).

According to the third proposition, the bottles were loaded in the laboratory; in the fifth and sixth propositions competition represents to us the place where Tanja S. has not been for a long time already and where Olaf Ludwig and XY have never met each other. The author discusses the competition as a place. Here it is dealt with an event that is held in a certain place at a certain time. The author perceives the carnival as a certain place. “Shrovetide” or “Fasching” has its defined place at a certain time of the year.

Bittner writes that the local meaning is especially clearly revealed when we compare the suffix *-mäßig* with the suffix *-haft*:

a)

ettkampfmäßig kamen wir (O. Ludwig und XY) nie recht zusammen.

W

b)

ettkampfhaft kamen wir (O. Ludwig und XY) nie recht zusammen.

W

This opposition makes clear for us that: a) not the character of meeting in a sentence, but the place represents the principal meaning of the derivative root. Hence, b) the sentence is grammatically incorrect.

In Bittner’s opinion, we shall find difficulties during the characterization of the fourth sentence if we do not use the “local” interpretation. Compact disc, indeed, can be connected only to the periphery and not “as periphery” or “by periphery” (Bittner 1996, 15).

If we use the word *arbeitsplatzmäßig* anywhere else apart from the above-mentioned sentence (1), e.g., *Die arbeitsplatzmäßigen Verbesserungen sind von der Direktion abgesegnet worden.*, or: *Die Arbeit in der Druckerei ist arbeitsplatzmäßig eine echte Verbesserung.*, – we shall see that here *arbeitsplatzmäßig* does not imply the workplace (*Arbeitsplatz*) in terms of occupation, but the workplace as a concrete place where the work occurs. The initial meaning of *Arbeitsplatz* in sentence (1) is metaphorical. Thus, here the meaning returns to the sphere of concretics again. In both cases the problem is created by the circumstance that *arbeitsplatzmäßig* expresses restriction, too. This problem is especially well revealed during an adverbial use. Yet, if we substitute the sentence *Die arbeitsplatzmäßigen Verbesserungen sind von der Direktion abgesegnet worden.* _ with the sentence _ *Die Verbesserungen des Arbeitsplatzes sind von der Derektion abgesegnet worden.*, _ then it shall become clear that the derivative with the suffix *-mäßig* binds to genitivus

loci, which, of course, must express always constriction; yet, as the constriction is contained in each extrapolation or concretization, it cannot be regarded as a differentiating sign. As we can see, there exists a convincing argumentation in derivatives with the suffix *-mäßig* in order to distinguish local-spatial word-building meanings.

Suffixes of nouns also take part in the formation of the local-spatial word-building semantics.

The suffix *-e*, when appended to the verbal root, produces derivatives in which there can be distinguished the local sema: *Bleibe*, *Kippe*, *Schwemme*. Nouns with the suffix *-e* connect to the action expressed by the root verb, e.g., *Anrichte* (*Geschirrschrank mit einer Fläche zum Anrichten u. Bereitstellen der Speisen; Büfett*) (DUW 2015, 158) is a place, more specifically, a piece of furniture where the dishes are placed; *Umkleide* (*eine Kabine, in der man sich (etwa zum Baden oder Sporteln) umkleidet*) (Donalies 2005, 102) is a cabin where people change clothes (for swimming or for other sportive activities).

The suffix *-ei* binds simplex or complex roots: *Pfarrei*, *Detektei*. Derivatives with the suffix *-ei* express the place which is used to store an object denoted by a root noun or to produce it: *Kartei*, *Ziegelei*, *Bücherei*, *Gärtnerei*.

The suffix *-schaft* is etymologically linked to the verb *schaffen*, or ancient upper-Germanic *scaffan*, older ancient upper-Germanic *-scaft* (Kluge 2011, 86). It is mainly connected to the semantics of persons: *Studentenschaft*, *Mannschaft*, *Dienerenschaft*. Yet, when the root word is not a denomination of persons, then there is expressed the local-spatial word-building meaning: *Dorfschaft*, *Ortschaft*, *Landschaft*, *Grafschaft*.

One of the most productive suffixes for nouns, *-ung* can also denote place, though this is not the principal word-building meaning for derivatives with *-ung* suffix. In the Reverse Dictionary Muthmann (Muthmann 2011) there are registered up to 10 000 derivatives with *-ung* suffix. It produces nouns mainly from verbs. Derivatives with the suffix *-ung* express processes, state, actions or their results. The local-spatial word-building meaning is expressed in such compounds as *Abteilung*, *Ansiedlung*.

Foreign or borrowed suffixes: *-ade* (*Promenade*), *-arium* (*Planetarium*), *-at* (*Konsulat*, *Notariat*), *-erie* (*Drogerie*) (Elsen 2011, 98) also take part in the expression of the local word-building meaning, though the number of derivatives produced by them is small.

Now let's characterize prefixes. In order to produce local-spatial word-building meanings, in the spheres of nouns and adjective there are used the foreign prefixes: *ex-*, *inter-*, *para-*, *sub-*, *trans-* in the German language.

The prefix *ex-* originates from the Latin language. It is characterized for almost unchangeable function for more than 200 years already. Origin of the prefix *ex-* as a productive affix is connected to the abolishment of the Order of Jesuits by the Roman Pope Clement XIV in 1773. Members of this Order, possessing quite considerable political influences, have lost their positions in some European countries even before that. *Ex-Jesuit* denoted a man, whose social status had been radically shattered. This word has spread from chancelleries into the general political vocabulary and there have appeared analogical compounds: *Exgeneral*, *Exminister* (Eisenberg 2013, 239). The prefix *ex-* most frequently is connected with the denomination of persons and denotes "past, former": *Expräsident*, *Exbürgermeister*. This time, we are interested in another function of the prefix *ex-*, where the spectrum of its meanings has been slightly altered. In this case it denotes being out of the boundaries of something (*aus*, *heraus*): *exterritorial*, *extern*, *Externat*, *Ex-DDR*, *exzentrisch*, *exogen*.

The prefix *inter-* denotes a spatial disposition-orientation between the notions (*zwischen* – “between”). It usually binds suffix derivatives with foreign roots and is quite widespread: *interparlamentarisch*. It occurs especially often in natural scientific, technical and medical terminology: *interplanetarisch*, *intergalaktisch*, *interkontinental*, *interstellar*, *interdental*, *intermolekular*.

The prefix *para-* originates from Greek and expresses spatial relationship (*neben* and *in der Umgebung von* – “beside”, “near”); it mainly occurs with nouns and adjectives having foreign roots, which pertain to the terminological vocabulary: *paranasale Entzündung*, *Paramedizin*, *paranormal*, *parapsychisch*.

The prefix *sub-* originates from Latin and expresses social subordination (*unterhalb von*). It mainly binds the suffix derivatives with foreign roots, which pertain to the terminological vocabulary. Namely, in the geographical terminology, the prefix *sub-* is used to express direct vicinity to a certain climatic zone: *Subtropen*, *subalpin*, *subalpinisch*, *subarktisch*, *subantarktisch*, *subpolar*, *subtropisch*.

The prefix *trans-* also originates from the Latin language (*über*, *durch*, *hinaus*, *jenseits* – “in”, “between”, “through”, “beyond”). It mainly occurs in deverbal derivatives or binds the derivatives with *-isch* suffix, which have foreign words as the root. The prefix *trans-* expresses spatial orientation and occurs in geographical names: *Transkaukasien*, *transatlantisch*, *Transjordanien*, *Transbaikalien*, *transcontinental*, *transalpinisch*, *transalpin*, *translunarisch*, *translunar*, *transuranisch*.

inter- and *trans-* have oppositional relationships to each other: *internationale Verhandlungen* – *transsibirische Eisenbahn*, *interdisziplinäre Forschung* – *transuranische Elemente*.

Constructions with *inter-* and *trans-* prefixes Fleischer/Barz consider as combinatory derivatives, as they form adjectives together with certain suffixes. For instance, *inter...-al* – *international* (Fleischer, Barz 2012, 375). At the same time, they, too, emphasize the fact that these constructions do not connect to the substantive root semantically when there exists a desubstantive adjective: *interkontinental* is *zwischen den Kontinenten* and not *inter + kontinental* (ibid.). If we follow this logics, then the majority of prefix derivatives should be considered to be combinatory derivatives, as in German words very frequently prefix and suffix act simultaneously. E. g., *erzreaktionär*, *uramerikanisch*, *prowestlich*, *disproportional*, *antiwestlich*. Yet, Fleischer/Barz do not consider them to be combinatory derivatives. In our opinion, while classifying derivatives, there must be deemed as an initial criterion the fact, whether this or that suffix derivative exists as an independent adjective without the prefix: *unappetitlich* = *un* + *appetitlich*, *transsibirisch* = *trans* + *sibirisch*. We consider such constructions to be prefix derivatives.

The local-spatial word-building meaning occurs in German verbal derivatives, too. Prefixation is one of the most frequently used word-building methods in the sphere of verbs. Prefix derivatives considerably enrich the category of verbs with their semantics and syntax modifications. They can convey differentiation of meanings, and express different nuances.

Intransitive verbs with *ent-* prefix express “distancing/moving far away” from the subject, and transitive verbs, that from the object: *entgehen*, *entkommen*, *entfernen*. In such verbs as *entführen*, *entfliehen*, *entweichen*, *entfallen*, *entreißen*, the root word itself expresses distancing, and the prefix *-ent* gives perfect tense meanings to the word-building constructions. We can discuss derivatives with *-ent* and *-aus* prefixes as synonymic compounds: *entströmen/ausströmen*, *entleihen/ausleihen*,

entladen/ausladen. Yet, in the mentioned couples the verbs with *ent-* prefixes are stylistically marked and suffer more restrictions in terms of usage.

The main function of the verbs with *-ab* prefix is to express distancing between two values: *absteigen*.

The prefix *-an* binds a verbal root. Derivatives point to the direction of the action expressed by the root verb towards an object. Root verbs can be grouped semantically, namely, verbs expressing vision/watching: *jemanden anblicken, anschauen, anblinzeln, anglotzen, angrinsen, anlachen, anstaunen*; verbs expressing the manner of talking: *jemanden ansprechen, anbrüllen, anflehen*; verbs expressing movement: *etwas anfahren, anfliegen, ansegeln, ansteuern*, etc.

The prefix *auf-* expresses the direction “upwards” (*nach oben*). It is connected to the verbs, the semantics of which, to a certain extent, influences the formation of various nuances of the local-spatial word-building meanings of the whole derivative: *aufblicken, aufsehen, anschauen, aufspringen, aufprallen, aufheben*. The verb *aufstehen* represents a demotivated compound.

The prefix *-aus* modifies simple, less frequently, complex verbs and points to the direction “from inside to the outside,” “outwards” (*aus etwas heraus*). Mainly, verbs expressing movement serve as roots: *aussteigen, ausreisen, auswandern, ausweisen, ausfahren, ausgehen, ausmarschieren, ausreiten*. Direct constituents of the composites, *hinaus* and *heraus*, have a closely relative word-building meaning, but as distinct from the composites, verb derivatives with the prefix *aus-* are characterized by restrictions and specifics in terms of usage. They occur only in certain context and, apart from the local meaning, convey other additional semantic tints either. Compare: *hinausgehen* – to go out (e.g., out of the room) and *ausgehen* (to go somewhere, to go out of the house with certain aims).

CONCLUSION. As we can see, in order to express the local-spatial word-building semantics, there are used both suffix and prefix derivatives in the German language. Derivatives with *-ig* and *-mäßig* suffixes are pure local adjectives. The same is true for nouns with *-e* and *-ei* suffixes. They point to this or that concrete place in a narrow sense, and what about the compounds with *ex-*, *inter-*, *para-*, *sub-*, *trans-* prefixes, they are connected to notions having wider scales. As distinct from suffixes *-e*, *-ei*, *-schaft*, *-ung*, *-ig* and *-mäßig*, the prefixes such as *ex-*, *inter-*, *para-*, *sub-*, *trans-*, *auf-*, *aus-* contain into themselves the semantic nuance of place, namely, *inter-* denotes “between”, *trans-* – “in”, “between”, *para-* – “beside”, “near”, *sub-* – “beneath”, *ex-* – “out of the boundaries of something”, *auf-* – “upwards” and *aus-* – “outwards”. Yet, despite the fact that they express different locations/places, all the mentioned affixes imply ‘unity of slightly differing items.’ They serve to the expression of a local-spatial relationship.

LIST OF REFERENCES

- Bittner, D. (1996). Die Adjektivbildungen auf *-mäßig* im Gegenwartsdeutsch. [Adjectival word-building compounds ending in *-mäßig* in the modern German language]. Freiburg.
- Donalies, E. (2005). Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick [Word-building of the German. Overview], Tübingen, “Günter Narr Verlag”.
- DUW - Duden (2015). Deutsches Universalwörterbuch [German Universal Dictionary], Berlin, “Dudenverlag”.

- Eisenberg, P. (2013). Grundriss der deutschen Grammatik. Das Wort. [Principal strokes of the German Grammar. The Word], Vol. 1, Stuttgart, Weimar, “Metzler”.
- Elsen, H. (2011). Gründzüge der Morphologie des Deutschen. [Principal strokes of morphology of the German], Berlin/Boston, “Walter de Gruyter”.
- Fleischer, W./Barz, I. (2012). Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Word-building of the modern German language], Berlin/Boston, „De Gruyter”.
- Inghult, G. (1975). Die Semantische Struktur desubstantivischer Bildungen auf -mäßig. Eine synchronisch-diachronische Studie. [Semantic structure of desubstantive compounds ending in -mäßig. Synchronic-diachronic research]. Stockholm, „Almqvist och Wiksell“.
- Kluge, F. (2011). Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. [Etymological Dictionary of the German Language], Berlin, Verlag “Walter de Gruyter”.
- Kruashvili, I. (2013). Zedsarthauli sitkvatsarmoebithi konstruktisiebhis tsarmoqmnis tendentsiebi germanul enashi [Tendencies of the nascence of adjectival word-building constructions in the German language], Tbilisi, “Universali”.
- Kühnhold, I., Putzer, O., Wellmann, H. (1978): Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. 3. Hauptteil. Das Adjektiv. [German word-building. Types and tendencies in the modern language. The 3rd principal part. Adjective]. Düsseldorf, „Pädagogischer Verlag Schwann“.
- Muthmann, G. (2011). Rückläufiges Deutsches Wörterbuch. Handbuch der Wortausgänge im Deutschen, mit Beachtung der Wort- und Lautstruktur [Reverse Dictionary of the German Language. A compendium of Present-day vocabulary considering the morphological and phonological structure of the words]. Berlin, „Walter de Gruyter“.
- Seibicke, W. (1963). Wörter auf „-mäßig“. Sprachkritik und Sprachbetrachtung. [Words ending in „-mäßig“. Linguistic criticism and linguistic review]. In: Muttersprache 2/73, P. 33-47.
- Wahrig (2008). Deutsches Wörterbuch [German Dictionary]. Gütersloh/München, “Bertelsmann”.
<https://www.duden.de/woerterbuch> [12.02.2021].
<https://www.duden.de/rechtschreibung/online> [09.02.2021].

For citation:

Kruashvili, I (2021). Affixes producing “local-spatial” word-building meanings in the German language // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). pp. 52-60. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-52-60>

Для цитирования:

Круашвили, И. (2021). «Локально-пространственные» словообразовательные аффиксы в немецком языке // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5 N1 (March, 2021). С. 52-60. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-52-60>

Information about the author:

Irina Kruashvili – PhD, associate Professor for German linguistics at Sokhumi State University (Tbilisi), Scholarship holder of the DAAD and the Goethe-Institut, member of the Senate of Sokhumi State University, member of the German Teachers ' Association in Georgia (DVG), member of the International

Association for German Studies (IVG), author of more than 50 scientific publications in German, English, Russian and Georgian. (Georgia).

e-mail: i.kruashvili@sou.edu.ge

Сведения об авторе:

Ирина Круашвили – Доктор филологии, ассоциированный профессор Сухумского Государственного Университета (Тбилиси), стипендиат DAAD и Гете-Института, член Сената при Сухумском Государственном Университете, член Ассоциации Учителей Немецкого Языка в Грузии (DVG), член Международной Ассоциации Германистики (IVG), автор более 50 научных публикаций на немецком, английском, русском и грузинском языках. (Грузия).

e-mail: i.kruashvili@sou.edu.ge

Manuscript received: 15/01/2021

Accepted for publication: 14 /02/2021

Рукопись получена: 15/01/2021

Принята к печати: 14/02/2021

**International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523**

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

METHODOLOGY FOR DETERMINING NATIONAL, INTERNATIONAL AND UNIVERSAL IN BELARUSIAN PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY

Yu. A. Petrushevskaya
Master of Philology
Senior Lecturer of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics,
Mogilev State A. Kuleshov University
(Mogilev, Republic of Belarus)
e-mail: ypetrushevskaya@gmail.com

Abstract. The article defines the concepts of universal, international and national in phraseology and paremiology, it describes the main directions, sequence and practical bases of their allocation; the principles and representative linguistic material of typological and comparative study of phraseological and proverbial funds of the Belarusian and other languages of the world are outlined.

Key words: the Belarusian language, phraseological fund of language, proverbial fund of language, universal, international, national, methodology.

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО В ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Ю. А. Петрушевская
магистр филологических наук,
старший преподаватель кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
(Могилёв, Республика Беларусь)
e-mail: ypetrushevskaya@gmail.com

Аннотация. В статье определены понятия универсальное, интернациональное и национальное во фразеологии и паремиологии, описаны основные направления, последовательность и фактические основы их выделения; изложены принципы отбора наиболее репрезентативного языкового материала для типологического и сравнительного изучения фразеологического, пословичного фондов белорусского языка и других языков мира.

Ключевые слова: белорусский язык, фразеологический фонд языка, пословичный фонд языка, универсальное, интернациональное, национальное, методология

ВВЕДЕНИЕ. В белорусском и зарубежном языкознании в конце XX – начале XXI вв. широко распространены лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования,

направленные на реконструкцию «языковой картины мира», установление и описание специфических для мировоззрения разных народов его фрагментов и понятий, определение многоуровневых языковых средств и форм их выражения. Такие исследования в большинстве случаев проводятся на материале только одного языка или применительно к нескольким языкам, в сравнении с которыми определяются границы и содержание национальной языковой картины мира. В таких случаях национальный компонент языковой картины мира данного народа неизбежно преувеличивается количественно и качественно – чаще всего в единицы исконного происхождения включают те, которые встречаются в других языках или даже являются языковыми универсалиями.

Однако фразеологическая и паремиологическая подсистемы языка, несмотря на всю лингвистическую и экстралингвистическую специфику в значительной степени состоят из заимствованных и интернациональных элементов. По мнению Х. Вальтера и В. Н. Мокиенко, «вопреки расхожему представлению о густо национальной маркированности идиоматики и паремиологии они – как это ни парадоксально – являются более интернациональными, чем лексика» (Walter & Mokienko 2013, 2). Фонд фразеологизмов и паремиологических единиц современного белорусского языка входит в общеевропейский фонд фразеологизмов и пословиц. Определение границ универсального, интернационального и национального во фразеологическом и паремиологическом фондах белорусского языка – одна из актуальных проблем современного белорусского и славянского языкознания (Ivanov 2013; Ivanou 2016).

Следует отметить, что с методологической точки зрения проблема разграничения универсального, интернационального и национального во фразеологии и паремиологии ещё далека от своего решения. Причинами этого являются, с одной стороны, неопределённость лингвистических концепций универсального, интернационального и национального по отношению к фразеологии и паремиологии, а с другой стороны, отсутствие теоретической разработки типологической и сравнительной фразеологии и паремиологии как разделов типологического и сопоставительного языкознания (Petrusheuskaya 2015d).

В белорусском языкознании изучение объёма, состава и соотношения универсальных, интернациональных и национальных компонентов во фразеологии и паремиологии только начинает развиваться (Petrushevskaya 2015a; Petrusheuskaya 2016a; Petrusheuskaya 2015b; Petrusheuskaya 2015c) и ещё не имеет специального теоретического обоснования (Petrushevskaya 2016b; Petrusheuskaya 2015d). Типологических и сравнительных исследований фразеологических единиц белорусского и других языков имеется немного (Ю. М. Алехнович, О. А. Артёмова, Л. Ю. Кулик, Н. А. Лапушинская, А. М. Лапцёнак, И. А. Юрченко и др.), ещё меньше – паремиологических фондов белорусского и других языков (Ю. Я. Иванов, А. П. Маюк, А. М. Сокович и др.), что подробно рассматривается в обзоре (Ivanov & Petrushevskaya 2015). Теоретические проблемы сравнительной фразеологии и паремиологии только начинают развиваться в белорусском языкознании (Danilovich, Fundatar & Czivunchyk 2013; Danilovich 2011; Danilovich 2013; Ivanov, Zvereva & Shesternyova 2016; Ivanou 2009; Ivanou 2003b и др.). Не хватает и лексикографической фиксации результатов сопоставительных исследований, особенно мало белорусско-иноязычных паремиологических словарей (Ivanov 2001; Belarussisches-Deutsch 2006; Polsko-białoruski 2007; Ivanov & Mokienko 2007; English-Belarusian 2009; Petrusheuskaya 2020), что создаёт серьёзную проблему поиска наиболее репрезентативного языкового материала для межъязыкового сравнения.

Цель исследования – определить методологические основания для установления универсального, интернационального и национального во фразеологическом и паремиологическом фондах современного белорусского языка. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) уточнить объём понятий универсальное, интернациональное, национальное во фразеологии и паремиологии; 2) очертить основные направления, последовательность и фактическую основу определения универсального, интернационального и национального во фразеологии и паремиологии; 3) определить наиболее репрезентативный языковой материал для типологического и сравнительного изучения фразеологических и паремиологических фондов белорусского и других языков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Понятия универсальное, интернациональное, национальное во фразеологии и паремиологии пока не получили чёткого объяснения в современной лингвистике. Как интернациональные часто квалифицируют те свойства фразеологии, которые являются результатом не заимствования, а сходных (независимых) в разных языках процессов динамики языковой системы (Akulenko 1972). В свою очередь, интернациональные свойства фразеологии родственных языков или контактных языков часто определяют как универсальные (Soloduh 1977: 105–112). В обоих случаях определения универсального и интернационального идентичны и соответствуют чему-либо общему для фразеологии данных языков. Паремиологи также широко используют термин «общий» (common), который часто применяется как к общим (универсальным) свойствам и типам пословиц, так и к тем единичным пословицам, которые распространены во многих языках. В таких случаях понятие «общее» обычно не разделяется на «интернациональное» и «универсальное», из-за чего возникает метаязыковая и методологическая путаница в квалификации свойств пословиц или отдельных пословичных единиц как «универсальные», «общие», «интернациональные» и т.д. Ср., например, противоречивое использование терминов «universal proverb» и «common proverb» в многоязычном справочнике Дж. Пацолаи (Paczolay 1997). Национальный компонент как во фразеологии, так и в паремиологии данного языка в подавляющем большинстве случаев определяется на основе его противопоставления только другому языку или нескольким языкам (очень часто родственным), что полностью соответствует прикладным целям (прежде всего, лингвистическому и культурному аспекту методики обучения иностранным языкам), но порождает противоречия (то, что в данном языке определяется как национальное по отношению к определённому языку, может быть общим для другого языка и т.д.).

Учитывая существующие в современном типологическом и сопоставительном языкознании взгляды на дифференциацию в языках мира универсального (типичного) и уникального, общего и специфического, мы можем предложить и обосновать следующие определения универсального, интернационального, национального во фразеологии и паремиологии.

Универсальным (в отличие от интернационального и национального) следует рассматривать компонент фразеологической или паремиологической подсистемы языка, если он встречается в других языках, но не является следствием языкового родства или языковых

контактов. Количество языков в этом случае важно только для того, чтобы различать действительно универсальное (относящееся ко всем или подавляющему большинству языков) и типологически общее (относящееся к языкам определённых типологических групп), и может быть, в принципе, любым (но должно быть достаточно представительным). Учитывая тот факт, что индуктивные языковые универсалии никогда не бывают полными, а фразеологические фонды подавляющего большинства языков мира лексикографически не описаны (не зафиксированы), на первый план выходит отсутствие языкового родства и языковых контактов, что несложно установить при фиксации общих компонентов во фразеологическом или паремиологическом фондах данных языков. Так, например, для квалификации в качестве универсальной в паремиологическом фонде белорусского языка структурно-семантической пословичной модели «*Большой (сильный) гром = лёгкий дождь*» (которая реализуется в пословице *З вялікага гromу <часамі, заўсёды> малы дождж <бывае>*, квалифицируемой в этимологическом словаре И. Я. Лепешева как «собственно белорусская» – ?! (Lepeshau 2014, 49), является достаточным зафиксировать только в одном китайском языке устойчивые выражения 雷声大雨点小 (буквально «Гром, но слабый дождь») и 雷声儿大雨点儿小 (буквально «Гром сильный – дождь небольшой») (Petrusheuskaya 2016).

Интернациональным (в отличие от универсального и национального) следует рассматривать компонент фразеологической или паремиологической подсистемы языка, который встречается в других языках и является следствием языковых контактов, а не генетического родства языков. Интернациональный компонент всегда имеет один источник происхождения (конкретный язык или текст) и входит в различные языки в результате прямого заимствования (т.е. непосредственно из своего лингвистического или текстового источника) или последовательного заимствования (через язык-посредник или иноязычный текст-посредник). Так, например, во фразеологии и паремиологии белорусского языка интернациональными являются устойчивые выражения, происходящие из древних языков (греческий, латынь), из библейских текстов, из средневековой латыни, из современного английского языка (включая т.н. «американизмы») и т.д., и которые вошли в белорусский язык непосредственно из исходных языков или через русский или польский как языки, наиболее связанные с белорусским языком. Интернациональный компонент во фразеологии и паремиологии целесообразно дифференцировать по количественному признаку (количеству языков, в которых функционирует определённая единица), с одной стороны, на мультинациональный, а с другой – на полинациональный (в том числе бинациональный). Последний, в отличие от первого, является общим только для нескольких (четырёх, трёх или только двух) языков, обычно соседних или относящихся к одному языковому ареалу. Например, фразеологический или паремиологический компонент, который заимствован из русского (польского, литовского, латышского, украинского) языка в белорусский язык и одинаково продуктивно функционирует в обоих языках, но отсутствует в других языках, может быть квалифицирован как бинациональный.

Национальными (в отличие от универсальных и интернациональных) следует рассматривать только те компоненты фразеологической или паремиологической подсистемы данного языка, которые не встречаются в других языках, а также те национальные варианты универсальных или интернациональных единиц, которые являются уникальными для данного конкретного языка. Следует отметить, что многие фразеологи и паремиологи

относят к национальному компоненту и те единицы (элементы), которые давно употребляются в данном языке, но являются общими для других родственных языков, куда они попали или генетическим путём (из одного для всех языков языка-источника), или в результате давних контактов между родственными языками (когда невозможно ни исторически, ни формально определить направление заимствования и язык-источник). Такие единицы следует определять как общий межъязыковой национальный компонент и отличать от собственно национального компонента во фразеологии или паремиологии данного языка. В то же время, те национальные варианты фразеологизмов и пословиц общего межъязыкового национального фонда, которые свойственны только данному языку, являются органической частью его собственно национального компонента (Ivanova & Ivanou 1997).

Универсальный, интернациональный и национальный компоненты никогда не совпадают, но могут пересекаться (перекрываться) в результате возникновения национальных вариантов универсального или национальной ассимиляции интернационального, интернационализации национального или универсализации интернационального. Эти явления и процессы являются прямым и непосредственным результатом языковой динамики и должны рассматриваться в диахронической лингвистике, прежде всего в рамках сравнительно-исторической фразеологии и паремиологии, этимологии фразеологизмов и пословиц.

2. Направления, последовательность и фактические основания для определения универсального, интернационального и национального во фразеологии и паремиологии только ещё начинают разрабатываться в современном белорусском языкознании (Petrusheuskaya 2016a; Petrusheuskaya 2015b; Petrushevskaya 2016b; Petrusheuskaya 2015d) и требуют специального рассмотрения.

Определение национального (а это значит и национально-культурного) во фразеологическом и паремиологическом фондах языка требует не только и не столько изучения лингвистических и постлингвистических фактов и факторов только данного языка, истории и культуры данной этнической группы, сколько обращения в основном к фактам других языков (иностранно устойчивым оборотам и их значениям, лексическим метафорам и т.д.), к явлениям и понятиям других этнических или национальных культур, к историческим событиям в жизни других народов и т.д. с учётом языковых контактов и межкультурной коммуникации, лингвистической типологии языков и лингвистики универсалий.

Выяснить, является ли фразеологическая или паремиологическая единица на самом деле белорусской или нет, в каких других языках она используется и из какого языка происходит, содержит ли она национально и культурно маркированные компоненты, если она является общей для белорусского и других языков, возможно только путём сравнительного анализа (Ivanou 2009) в синхроническом (и в диахроническом) аспектах на материале различных форм существования (прежде всего территориальных диалектов) других языков мира, прежде всего тех, которые прямо или косвенно имели контакты с белорусским языком на разных этапах его исторического развития (славянских, балтийских, тюркских, германских, романских).

Определение универсального, интернационального и национального компонентов во фразеологии и паремиологии любого языка как по отдельности (или в любой комбинации),

так и всех вместе должно происходить, во-первых, в пределах нескольких направлений (аспектов) межъязыкового сравнения, а во-вторых, строго последовательно, поскольку каждое направление (аспект) должно быть предназначено для определения своего собственного набора компонентов, их типов и соотношений. Можно выделить два основных направления (аспекта) межъязыкового сопоставления фразеологических или паремиологических фондов при определении в них универсального, интернационального и национального компонентов – это типологический и сравнительный анализ. Первый предназначен для определения универсального, общего и специфического (национального) во фразеологических и паремиологических фондах. Второй – для разграничения общего и интернационального во фразеологическом и паремиологическом фондах. Последовательность в определении и описании универсального, интернационального и национального компонентов во фразеологическом и паремиологическом фондах обеспечивает чёткий порядок использования направлений (аспектов) межъязыкового сопоставления, по результатам каждого из которых во фразеологической или паремиологической подсистеме сначала следует последовательно выделять специфическое и общее с другими языками, а затем общее с другими языками разделять на типологически закономерное и функционально обусловленное, потом в рамках функционально обусловленного компонента должно происходить разграничение результатов языковых контактов и результатов генетической близости языков. Исходя из этого, сравнительному анализу всегда должен предшествовать типологический анализ. Этот порядок позволяет, по нашему мнению, объективно определить объём не только национального компонента, но и универсального, и интернационального компонентов, однозначное разграничение которых остается нерешённой проблемой в современной фразеологии и паремиологии как белорусского языка, так и других языков мира (Paremiologiya 2015; Paremiologiya 2020).

3. Проблема определения репрезентативного языкового материала для типологического и сопоставительного изучения фразеологического и паремиологического фондов белорусского и других языков – это проблема определения такого минимального количества единиц, в котором максимально полно представлены семантические, структурные и другие свойства фразеологических и паремиологических единиц белорусского языка, необходимый для сравнения с соответствующими единицами других языков. Следует отметить, что данная проблема никогда специально не изучалась в белорусском языкознании.

Как известно, в сравнительно-типологических исследованиях очень важную роль играют количественные и статистические показатели, которые позволяют не только объективно ранжировать межъязыковые сходства и различия, определять типологическую близость / удалённость языков, но и устанавливать общие (универсальные и типичные) признаки, что является основной целью сравнительно-типологического анализа. Объективность как количественных, так и статистических показателей во многом зависит от репрезентативности сравниваемого фактического (языкового) материала. В свою очередь, степень репрезентативности языкового материала, выбранного для межъязыкового сравнения, зависит не только от того, сколько фактов сравнивается (количество единиц, выбранных для сравнения), но и от того, насколько полно представлены качественные характеристики сравниваемых единиц (особенности единиц разных подсистем языка). Количество любых языковых единиц, выбранных для межъязыкового сравнения, может быть

определено тремя способами: максимальное количество (все доступные единицы), достаточно репрезентативное число (некоторый заданный объём случайно выбранных единиц) и минимальное репрезентативное число (некоторый объективно установленный минимум отобранных единиц). Каждый названный способ имеет различную степень репрезентативности при межъязыковом сравнении в отношении качественных характеристик разных языковых единиц или их индивидуальных разновидностей (например, наиболее репрезентативным для фонетико-фонологических единиц является их максимум, для морфем – случайно выбранный объём единиц, а для лексических единиц – в равной степени как произвольно выбранный объём, так и коммуникативный минимум и т.д.).

При сравнении фразеологических или паремиологических фондов различных языков используются все три метода количественного отбора фактического материала, репрезентативность которых явно различается. Так, по нашему мнению, количественный максимум может быть использован только при анализе определённых разновидностей, свойств, аспектов фразеологических или паремиологических единиц. Заданный объём случайно выбранных единиц может быть репрезентативным только в случае их достаточно большого количества, что порождает прямую зависимость степени репрезентативности от количества анализируемых единиц (в этом случае максимальная репрезентативность может быть достигнута только при максимальном количестве единиц выбранных для анализа, что делает бессмысленным отбор заданного объёма единиц с использованием прямой свободной выборки). Наибольшую степень репрезентативности при межъязыковом сравнении фразеологизмов и пословиц имеет их объективный минимум, определение которого для каждого языка является одной из наиболее актуальных проблем современной фразеологии и паремиологии (Paremiologiya 2015; Paremiologiya 2020).

Проблема языкового минимума была решена в области паремиологии в начале 1970-х годов благодаря разработанной Г. Л. Пермяковым методике паремиологического эксперимента, который в дальнейшем неоднократно совершенствовался на материале различных языков. Паремиологический минимум установлен и для белорусского языка (Kotova 2002; Ivanov 2002, 5–19; Ivanou 2004). По мнению Г. Л. Пермякова, «паремиологический минимум языка (народа) – это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т. е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще» (Permyakov 1988, 212–213). Однако, как показали современные исследования, функциональная и содержательная актуальность единиц паремиологического минимума объективно ограничена только тем или иным периодом исторического развития языка. Если проанализировать весь паремиологический фонд языка в его диахронической перспективе, то можно обнаружить единицы, значение и лексико-грамматический состав которых не меняется на протяжении веков и которые активно используются в речи на современном (для исследователя) этапе развития данного языка. Набор таких пословиц был определён как «основной паремиологический фонд» языка – минимальное количество хорошо известных и часто используемых пословиц, т.е. содержание которых актуально для носителей языка на разных этапах его исторического развития, в том числе и на современном

этапе (Ivanov 2015, 52). По нашему убеждению, именно «основной паремиологический фонд» – это минимальное количество единиц, в котором представлены все основные свойства паремиологического фонда данного языка. Состав основного паремиологического фонда белорусского языка определён и в достаточной степени описан (Ivanou 2004; Ivanov 2002, 41–83; Ivanou 2006a; Ivanou 2006b).

В области фразеологии попытки объективно определить языковой минимум не увенчались успехом, так как механическое использование метода паремиологического эксперимента не дало ожидаемых результатов (оказалось, что фразеологический материал количественно более объёмён и гораздо более, чем паремиологический фонд, дифференцирован на уровне идиолекта), а методика фразеологического эксперимента так и не была окончательно разработана. По-прежнему отсутствуют частотные словари фразеологизмов, которые могли бы служить основой для определения наиболее часто используемых в речи фразеологических единиц. Те же фразеологические минимумы, которые определены в лингводидактических целях (при обучении языку как иностранному или неродному), не являются объективными с точки зрения критериев их выделения и состава, и поэтому не могут использоваться в качестве материала для межъязыкового сравнения. Понятие основного фразеологического фонда теоретически не определено, поэтому для белорусского языка сегодня актуальным является определить как фразеологический минимум (наиболее известные и часто используемые в современной речи фразеологизмы), так и основной фразеологический фонд (наиболее употребительные фразеологизмы белорусского языка на разных этапах его исторического развития, включая современный).

Основные фразеологический и паремиологический фонды – это те объективные языковые множества, которые следует рассматривать как наиболее репрезентативные для определения удельного веса, качественных характеристик и соотношений универсальных, интернациональных и национальных компонентов во фразеологической и паремиологической подсистемах белорусского языка. В свою очередь, для разграничения универсальной, интернациональной или национальной принадлежности отдельных фразеологических или паремиологических единиц, а также для определения национально маркированных вариантов универсальных или интернациональных фразеологизмов и пословиц целесообразно использовать фразеологический и паремиологический минимумы, а также литературный и диалектный фонды фразеологизмов и пословиц белорусского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Фразеологический и паремиологический фонды белорусского (как и любого другого) языка состоят из универсального, интернационального и национального компонентов. Универсальный – это любой компонент, который встречается в других языках и не является следствием языкового родства или языковых контактов. Интернациональный – это компонент, который встречается в других языках и вызван языковыми контактами, а не генетическим родством языков. Национальный – это компонент, который не встречается в других языках, а также те национальные варианты универсальных или интернациональных единиц, которые являются уникальными для данного языка. Единицы, которые изначально свойственны данному языку с древнейших времен, но являются общими для других родственных языков, куда попали либо генетически (из одного для всех данных языков языка-источника), либо в результате длительных контактов между родственными языками

(когда невозможно ни в историческом, ни формальном планах чётко определить направление заимствования и язык-источник), фактически не являются собственно национальным компонентом, но могут иметь национально маркированные варианты. Универсальный, интернациональный и национальный компоненты никогда не совпадают, но могут пересекаться (накладываться друг на друга) в результате национально-культурной вариативности универсального компонента или ассимиляции интернационального компонента, интернационализации национального или универсализации интернационального.

Определение универсального, интернационального и национального компонентов во фразеологии и паремиологии белорусского (как и любого другого) языка должно происходить, во-первых, в рамках определённых направлений (аспектов) межъязыкового сопоставления, а во-вторых, строго последовательно. Такими областями (асpekтами) межъязыкового сравнения являются типологический анализ и сравнительный анализ. Первый предназначен для определения универсального, общего и специфического (национального), второй – для различения интернационального и общего. Типологический анализ предшествует сравнительному анализу, поскольку сначала нужно разграничить общее с другими языками и специфическое, затем общее с другими языками разделить на типологически закономерное и функционально обусловленное, и только потом в рамках функционально обусловленного дифференцировать результаты языковых контактов и результаты генетической близости языков. Такая последовательность позволяет объективно определить объём не только национального компонента, но и универсального, и интернационального компонентов фразеологических и паремиологических фондов языка.

Наибольшую репрезентативность при межъязыковом сравнении имеет объективный языковой минимум, определение которого по отношению к фразеологическим и паремиологическим единицам является одной из наиболее актуальных проблем современной фразеологии и паремиологии. Роль такого объективного языкового минимума выполняют «основной фразеологический фонд» и «основной паремиологический фонд» языка – минимальное количество фразеологизмов или пословиц, которые хорошо известны и наиболее часто используются в речи, содержание которых актуально для носителей языка на разных этапах его исторического развития, в том числе и на современном этапе. «Основной фразеологический фонд» и «основной паремиологический фонд» – это тот минимум единиц, в которых представлены все основные свойства фразеологии и паремиологии данного языка. Основные фразеологический и паремиологический фонды следует рассматривать как наиболее представительные при определении удельного веса и качественных характеристик универсального, интернационального и национального компонентов во фразеологии и паремиологии белорусского языка. Для различения универсальной, интернациональной, национальной принадлежности отдельных фразеологизмов или пословиц, а также для определения национально маркированных вариантов универсальных или интернациональных фразеологизмов и пословиц следует использовать фразеологические и паремиологические минимумы, а также литературные и диалектные фонды фразеологизмов и пословиц белорусского языка.

LIST OF REFERENCES

- Akulenko, V. V. (1972) *Voprosy internacionalizacii slovarnogo sostava yazyka*. Harkov: Izd-vo Harkovskogo un-ta, 215 s.
- Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch (2006). Magilyou: MDU, 108 s.
- Danilovich, M. A. (2011) *Asnounyya kirunki supastaulyalna-typalagichnaga vyvuchennya frazeologii* // *Vesnik Grodzenskaga dzyarzh. un-ta*, Seryya 3, № 1 (108), s. 114–119.
- Danilovich, M. A. (2013) *Aspekty supastarlyalnaga vyvuchennya frazealogichnyh sistem* // *Vesnik Grodzenskaga dzyarzh. un-ta*, Seryya 3, № 2 (156), s. 67–70.
- Danilovich, M. A., Fundatar, T. P. & Czivunchyk, E. K. (2013) *Pralemy supastaulyalnaj frazeologii*. Grodna: YurSaPrynt, 133 s.
- English-Belarusian Paremiological Dictionary (2009) / red. Ya. Ya. Ivanou. Magilyou: MDU, 240s.
- Ivanov, E. E. & Petrushevskaya, Yu. A. (2015). *Belorusskaya paremiologiya koncza XX – nachala XXI veka (1991–2014 gg.): bibliograficheskij obzor* // *Paremiologiya v diskurse* / red. O. V. Lomakina. Moskva: URSS: Lenand, s. 252–292.
- Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 136 p.
- Ivanov, E. E. & Mokienko, V. M. (2007). *Russko-belorusskij paremiologicheskij slovar*. Mogilyov: MGU, 242 s.
- Ivanov, E. E. (2013) *Belorusskaya paremiologiya i aforistika v obshheevropejskom kontekste (aktualnye problemy izucheniya)* // *Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie = Nacionalnoe i internacionalnoe v slavyanskoj frazeologii* / Hrsg. H. Walter, V. M. Mokienko. Greifswald: E.M.A.-Universität, S. 111–116.
- Ivanov, E. E. (2015) *Paremiologicheskij minimum i osnovnoj paremiologicheskij fond* // *Paremiologiya v diskurse* / red. O. V. Lomakina. Moskva: URSS: Lenand, s. 48–66.
- Ivanov, E. E. *Russko-belorusskij slovar poslovicz: 777 poslovicz russkogo yazyka, svyshe 5000 belorusskikh ekvivalentov i sootvetstvij: v 2 t.* Mogilyov: Brama, 2001.
- Ivanov, E. E., Zvereva, Yu. S. & Shesternyova, A. N. (2016) *Sravnitel'naya tipologiya frazeologii anglijskogo i belorusskogo yazykov (aktualnost, metodologiya, perspektivy issledovaniya)* // *Vostochnoslavyanskije yazyki i literatury v evropejskom kontekste – 2015* / red. E. E. Ivanov. Mogilyov: MGU, s. 164–168.
- Ivanova, S. & Ivanou, Ya. (1997). *Slounik belaruskich prykazak, prymavak i krylatyh vyrazau*. Minsk: BFS, 262 s.
- Ivanou, Ya. Ya. (2003a) *Belaruskija prykazki u “Proverbiorum polonicorum” (1618) Salamona Rysinskaga* // *Kraj*, № 1–2, s. 158–170.
- Ivanou, Ya. Ya. (2003b) *Pryncypy supastaulyalnaga apisannya afarystychnaj paremiyalogii belaruskaj i ruskaj mou* // *Studia slawistyczne*, T. 4, s. 49–55.
- Ivanou, Ya. Ya. (2004) *Sacyyalingvistychnyya parametry belaruskich prykazak (da prablemy vyznachennya paremiyalagichnaga minimumu i asnounaga paremiyalagichnaga fondu suchasnaj belaruskaj litaraturnaj movy)* // *Mova i socyum* / red. Ya. Ya. Ivanou. Magilyou: Brama, s. 201–224.
- Ivanou, Ya. Ya. (2006a) *Asnouny paremiyalagichny fond belaruskaj movy i “Proverbiorum polonicorum” (1618) S. Rysinskaga* // *Polonistyka* / red. A. Kiklevich, S. Vazhnik. Minsk: Prava i ekanomika, s. 79–94.

- Ivanou, Ya. Ya. (2006b) Da prablemy vyznachennya asnounaga paremiyalagichnaga fondu belaruskaj movy // *Vesnik Belaruskaga dzyarzh. un-ta*. Seryya 4, № 3, s. 103–109.
- Ivanou, Ya. Ya. (2009) Paraunalnae movaznaustva i nacyyanalna-kulturnaya semantyka movy (na materyyale paremiyalagichnyh adzinak) // *Nacyyanalnaya mova i nacyyanalnaya kultura: aspekty uzaemadzeyannya* / red. D. V. Dzyatko. Minsk: BDPU, s. 54–57.
- Ivanou, Ya. Ya. (2016) Universalnae i nacyyanalnae u frazealogichnaj i paremiyalagichnaj padsistemah belaruskaj movy u eurapejskim mounym kanteksce (akutalnasc, metadalogiya, perspektyvy dasledavannya) // *Slavyanskaya frazeologiya v sinhronii i diahronii*, Vyp. 3, s. 46–49.
- Kotova, M. Yu. (2002) *Belorusskie poslovicey* // *Rusko-slavyanskij slovar poslovicz (s anglijskimi sootvetstviyami)*. Sankt-Peterburg: SPbGU, S. 273–284.
- Lepeshau, I. Ya. (2014) *Etymalagichny slounik prykazak*. Minsk: Vyshejschaya shkola, 141 s.
- Mokienko, V. M. (2019) Winged words in school: minimum and maximum // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019)*. pp. 11-16. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-11-16>
- Paczolay, G. (1997) *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém (Hungary): Veszprémi Nyomda, 528 p.
- Paremiologiya bez granicz (2020) / red. M. A. Bredis, O. V. Lomakina. Moskva: RUDN, 244 s.
- Paremiologiya v diskurse (2015) / red. O. V. Lomakina. Moskva: URSS: Lenand, 294 s.
- Permyakov, G. L. (1988) *Osnovy strukturnoj paremiologii*. Moskva: Nauka, 236 s.
- Petrusheuskaya, Yu. (2016c) Pra sferu uzhyvannya i pahodzhanne prykazki “Z vyalikaga gromu maly dozhdzh” // *Rodnae slova*, № 1, s. 44–47.
- Petrusheuskaya, Yu. A. (2015b) Nacyyanalna-kulturny kampanent paremiyalagichnaga fondu belaruskaj movy yak pradmet etnolingvistyki, lingvakulturalogii i lingvakrainaznaustva (analitychny aglyad) // *Slavyanskaya mifologiya i etnolingvistika* / red. V. I. Koval. Gomel: GGU, s. 216–218.
- Petrusheuskaya, Yu. A. (2015c) Universalnyya prykazki u belaruskaj move (leksikagrafichny aspekt) // *Uspodneslavyanskiya movy u suchasnaj leksikagrafii* / red. D. V. Dzyatko. Minsk: BDPU, s. 84–87.
- Petrusheuskaya, Yu. A. (2015d) Prablemy vyvuchennya universalnaga i nacyyanalnaga u belaruskaj paremiologii // *Aktualnyya prablemy filalogii i metodyki vykladannya filalagichnyh dyscyplin* / red. A. M. Makarevich. Magilyou: MDU, s. 243–249.
- Petrusheuskaya, Yu. A. (2016a) Ab dyferencyyacyi paremiyalagichnaga fondu belaruskaj movy u suvyazi z vyznachennem yago universalnaga i nacyyanalnaga kampanentau // *Slavyanskaya frazeologiya v sinhronii i diahronii*, Vyp. 3, s. 106–109.
- Petrusheuskaya, Yu. A. (2020). *Universalny i internacyyanalny kampanenty u paremiyalagichnym skladze belaruskaj movy: belarуска-inshamouny slounik*. Magilyou: MDU, 316 s.
- Petrushevskaya, Yu. A. (2015a) Universalnoe i nacionalnoe v paremiologicheskoy sisteme yazyka (na materiale anglijskogo i belorusskogo yazykov) // *Acta Germano-Slavica*, Vyp 6, s. 213–216.
- Petrushevskaya, Yu. A. (2016b) K probleme issledovaniya universalnogo i nacionalnogo v belorusskoy paremiologii // *Studii z filologii ta zhurnalistiki*, Vip. 4, S. 143–145.
- Polsko-białoruski słownik paremiologiczny* (2007). Magilyou: MDU, 192 s.
- Soloduho, E. M. (1977) *Problemy internacionalizacii frazeologii*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 160 s.

Walter, X. & Mokienko, V. M. (2013) Nacionalnoe i internacionalnoe v slavyanskoj frazeologii: razlichnoe v edinom // Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie = Nacionalnoe i internacionalnoe v slavyanskoj frazeologii / Hrsg. H. Walter, V. M. Mokienko. Greifswald: E.M.A.-Universität, S. 1–18.

For citation:

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Methodology for determining national, international and universal in Belarussian phraseology and paremiology // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST – EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST – EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 61-72.

<https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Для цитирования:

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST – EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST – EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). с. 61-72. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>

Information about the author:

Yuliya Petrushevskaya – Master of Philology, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus.

e-mail: ypetrushevskaya@gmail.com

Информация об авторе:

Юлия Анатольевна Петрушевская - магистр филологии, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А. В. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь.

эл. почта: ypetrushevskaya@gmail.com

Manuscript received: 15/01/2021
Accepted for publication: 14/02/2021
Рукопись получена: 15/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-73-81>

DRAGOMAN-TRANSLATOR AT THE CROSSROADS OF WEST AND EAST (TURKEY)

Victoria Diasamidze
Doctor of Philology, Associate professor
Batumi Shota Rustaveli State University
(Batumi, Georgia)
e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Abstract. The article attempts to summarize the range of activities of translators - dragomans in Turkey, who served at the crossroads of East and West cultures and knew their cultural code. Dragomans have made a feasible contribution to the interference of the two civilizations. They had both background cultural knowledge and, often, a solid academic background. The article provides a comparative- etymological analysis of the term "dragoman". The archival documents are presented, confirming the role and the significance of the activities of dragomans in the international diplomatic missions. The issues regarding training professional personnel of dragomans in Turkey and France are highlighted as well as the numerous spheres of activities of famous, as well as ordinary dragomans are described. The examples of dragomans' contribution to world culture are also provided.

Key words: dragomans, East and West cultures, international diplomatic missions, Turkey, cultural code

ДРАГОМАН - ПЕРЕВОДЧИК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА (ТУРЦИЯ)

Виктория Григорьевна Диасамидзе
кандидат филологических наук, ассоциированный профессор
Батумский государственный университет
имени Шота Руставели
(Батуми, Грузия)
e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщить спектр деятельности переводчиков – драгоманов Турции, несущих службу на перекрестке культур Востока и Запада и знающих их культурный код. Драгоманы внесли посильный вклад в интерференцию двух цивилизаций. Они обладали фоновыми культурными знаниями и, нередко, основательной академической подготовкой. В работе дается сравнительный этимологический анализ термина "драгоман". Приводятся архивные документы, подтверждающие роль и значение деятельности драгоманов в международных дипломатических миссиях. Освещаются вопросы подготовки профессиональных кадров драгоманов в Турции и Франции. Рассказывается о многочисленных сферах деятельности известных, а также рядовых драгоманов. Приводятся также примеры вклада драгоманов в мировую культуру.

Ключевые слова: драгоман, культуры Востока и Запада, Турция, международные дипломатические миссии

ВВЕДЕНИЕ. Драгоман, специфика их деятельности и подготовки. Каковы были обязанности и полномочия переводчиков Востока? Умение переводить с какого-либо восточного языка на европейский предполагало основательную языковую подготовку и требовало свободного владения турецким, арабским и одним или несколькими европейскими языками. Добавим, что должность переводчика и посредника между ближневосточными державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами, предполагала, наряду с переводческими, и дипломатические функции. В XVIII веке в Париже, Вене, Берлине, Будапеште были открыты учебные заведения практической направленности, готовившие специалистов-международников для работы на Востоке. В частности, специальная школа живых восточных языков была основана в Париже в 1795 году (Воевода 2011:10).

Этимология и пути проникновения термина. Существование исторического термина «драгоман» восходит к средним векам, когда слово появилось в европейских языках. В среднеанглийском зафиксировано dragman, от старофранцузского drugeman, пришедшего, в свою очередь, из средневековой латыни, как dragumannus, от новогреческого δραγομάνος, dragoumanos. Позже европейские варианты включают в себя немецкий trutzelmann, на французском trucheman или truchement (в современном французском языке это drogman), на итальянском turcimanno, испанском trujamán, trujimán и truchimán. Эти варианты указывают на турецкое или арабское слово «turjuman», с различной вокализацией. Словарь Вебстера 1828 года издания дает также варианты drogman и truchman на английском языке. Как следствие, во множественном числе на английском языке это будет "dragomans", не "dragomen"(Webster 1828, I T.).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ. В турецкой традиции, профессия драгомана стала упоминаться в османском султанате во времена правления в XIII-м веке Кейкубада I, при котором были назначены два dragomans и два служащих при нём переводчика (Encyclopædia Britannica, 1911:“Dragoman”). Известно, что опытные драгоманов служили в администрации Османской империи и в составе многих европейских дипломатических и торговых представительств. В XVIII в. представители знатных греческих родов, компактно проживавшие в историческом районе Фанар европейской части Стамбула (Shlykov,2019:<https://globalaffairs.ru/articles/v-teni-polumesyacza/>). В 1717 году была создана переводческая комиссия, занимавшаяся переводами трудов арабских, греческих и западноевропейских ученых. Потребовалось более чем сто лет, для принятия решения создать в 1826 году так называемое Бюро переводов, в задачу которого входило не только осуществление переводов на турецкий язык, как прежде, но и обучение переводчиков (Татьяна Шашкова <https://mirperevoda.ru/istoriya-turetskogo-perevoda/>). По решению властей, переводчиков готовили и на Западе; тюркский язык изучали в Оксфорде, а вот французами школа для переводчиков первоначально была открыта в центре Стамбула.

Услуги драгоманов высоко оплачивались, и о престиже профессии говорил, в том числе то факт, что согласно дворцовому этикету, во время приемов иностранных послов драгоман

располагался между иностранным дипломатом и султаном. Драгомань, как правило, были не просто переводчиками, но и авторитетными специалистами, знающими порядки, нравы и историю страны пребывания. Эти специалисты очень высоко ценились и порой могли находиться в должности до преклонных лет. В современной дипломатической практике термин постепенно выходит из обращения, хотя употребляется в переносном смысле для характеристики штатных высококлассных специалистов дипломатических миссий, хорошо владеющих восточными языками.

О подразделении драгоманов на категории в турецких дипломатических миссиях не шло речи и довольствовались, как правило, даваемыми им характеристиками, основанными на личном наблюдении. В России же градация специалистов - драгоманов, работающих в Турции, отличалась большим разнообразием. Их подразделяли на Первые, Вторые, Третьи, V, VII и VIII классы. В остальных Консульствах, - Смирне, Яссах, в Валахии и Молдавии, Египте и других, они подразделялись на Старших (VIII класс) и Младших (IX класс). Драгомань Консульств Трестизонда, Эрзерума, Салоников и Бейрута причислялись к IX классу, наравне с драгоманами Генерального Консульства в Тавризе или же с Секретарём при Консульстве в Гилянгах. Существовали также драгомань при миссии в Персии, Старшие и Младшие (VIII-IX классов) и, наконец, по одному драгоману X класса, служило в Дарданеллах и Галацах (Свод законов..., 1844: 34). В Османской империи должности великого драгомана Порты (и великого драгомана флота) с конца XVII века имели большой вес среди греческих фанариотов. Должности эти давались обычно мирянину православной райи в Порте. Первым великим драгоманом Блистательной Порты был грек Панайотис Никосиас. О работе драгоманов можно с полным основанием сказать, что их служба «и опасна, и трудна». Примером тому может послужить трагическая судьба прославленного греческого драгомана Корнесия, когда началась русско-турецкая война, 31 марта 1809 года драгоман Хаджигеоргакис Корнесий был казнен по ложному обвинению в присвоении части собранных налогов. При восстании Греции против османского владычества, в газете «Московские ведомости» от 4 июня 1821 года отмечалось, что два грека-драгомань «учинились жертвою подозрительности и мщенья» (Московские ведомости, 04.06.1821 <http://www.nplg.gov.ge/papereu/en/browse/000317/>).

Что касается официально принятых гражданских прав исполняющих обязанности драгомана в иной стране, то в качестве примера приведем данные, касающиеся пребывания французских драгоманов в Турции. Еще в 1740 году «...Порта согласилась признать за драгоманами права, предоставляемые на турецкой территории французским подданным. В том же году она предоставила французским консулам и посланникам право нанимать каких им угодно драгоманов и других служителей из турецких подданных». В дальнейшем им предстоит пользоваться всеми правами, признанными когда-либо за драгоманами на службе у какой-либо державы. Однако договоренность 1840 года всё же делает существенное различие между драгоманами – французскими гражданами и драгоманами из турецких подданных. Согласно ей, так как драгомань-французь являются представителями консулов и посланников, то за исполнение данных им поручений они не должны быть ни преследуемы, ни заключены в тюрьму турецкими властями. Ибо только консулы или посланники имеют право надзора и суда в отношении них, и проступки по службе подлежали исключительно консульскому суду. Более того, с целью обеспечения личной

свободы и собственности французского подданного, Порты провозглашает принцип неприкосновенности занимаемого им дома. При этом никакая турецкая власть не имеет права входить в дом француза и предпринимать в нём обыск без присутствия и участия консула, или его уполномоченного, или посланника (Марттенс 1873: 227-228).

В историческом районе Стамбула Бей-оглу на узкой улице Терждуман Чикмаси, некогда располагалась основанная в XVII веке французами школа по обучению иностранным языкам. Французские переводчики стали своеобразными культурными посредниками между Востоком и Западом. Драгоманы, владевшие арабским, тюркским и персидским, способствовали в западном мире росту интереса к исламской культуре. Несмотря на сложности своей службы, драгоманам удалось внести немалый вклад в интенсивный культурный обмен между османами и Европой. Так, например, Ахмед Вефик-паша перевел на турецко-османский язык с французского 16 пьес драматурга - классика Жана-Батиста Мольера, а коллега главного переводчика французского посла в Османской империи – Андре дю Рие, Жан-Батист Ольдерман написал учебник турецкого языка. Сам французский дипломат, востоковед, главный переводчик Андрэ дю Рие/ André du Ryer перевел Коран в 1775 году (Du Ryer 2016). Кропотливый труд драгоманов, составлявших словари и путеводители и переведивших книги, позволил европейцам расширить свои представления о Востоке, исламе и мусульманах. И хотя работы зачастую преследовали чисто утилитарные цели, однако они, несомненно, представляют собой неотъемлемую часть общечеловеческого культурного наследия в результате взаимодействия Европы и мусульманского мира (Мухамеджанов, <https://islam-today.ru/blogi/ildar-muhamedzanov/mezdu-vostokom-i-zapadom-dragomany-v-osmanskoj-imperii/>).

Начиная с XVI столетия, драгоманов набирали из греческой элиты. В 1661-м Великим драгоманом Порты стал Панайотис Никосиас, получивший философское и медицинское образование. В качестве Великого драгомана он был наделен достаточно широкими полномочиями и занимался вопросами городского благоустройства и уплаты налогов и судебными претензиями. Великий драгоман Порты носил титул тайного советника. С XIX века, после того как греки обрели независимость, османские власти стали вести подготовку переводчиков из числа этнических турок или армян. Однако, как показывает практика, традиция назначать драгоманами греков, зачастую с детства владевшими несколькими восточными языками, полностью не могла исчезнуть. Тем более что изучение европейских языков в ту пору не приветствовалось в мусульманской среде правоверных. На деле же, реалии действительности диктовали свои законы, в рамках которых драгоманам приходилось добывать хлеб свой насущный порою в непредсказуемых и даже рискованных ситуациях. Кое-где стихийное назначение драгоманов, совершаемое по принципу «какого будет угодно», приводило к взаимному неудовольствию и даже плачевному результату с обеих сторон. Примером тому служат факты, упомянутые в архивной дипломатической переписке и официальные жалобы драгоманов в МИД Турции. При этом либо драгоман сетует на некорректное, мягко говоря, обращение со стороны консула в Батуме (топоним до 1936 года), либо встречаются крайне неодобрительные характеристики драгоманов – сотрудников консульской службы. Собственно, знакомство с фактической документацией и желание разобраться в том, каковы обязанности и в чем состоит особенность деятельности этих своеобразных переводчиков Востока, подвигнули автора статьи к проведенному

исследованию на тему «драгоман». Архивные документы МИДа Турции приводятся с любезного разрешения докторанта Тбилисского Государственного университета, историка Заура Георгиевича Маргиева. Среди сотен архивных документов Блистательной Порты нередко упоминаются драгоманы - помощники и сотрудники в работе Генеральных консульств Турции в Тбилиси, Батуми и Поты. Как правило, ими являлись православные этнические армяне или греки. Зачастую, драгоманы упоминаются в случае недовольства проделанной ими работы, ибо при отсутствии недочетов, нет особого резона упоминать этих сотрудников миссий в дипломатической переписке. К чести этих специалистов своего дела, таких нареканий встретилось не так уж много, и в поле зрения наших комментариев не попал огромный массив добросовестно проделанной ими работы. Однако некоторые документы свидетельствуют о непростых и подчас опасных условиях их деятельности, принимающих порой трагикомичный характер. Так, один из архивных документов, предоставленных МИДом Турции, касается жалобы драгомана, пострадавшего от противоправных, как теперь это называют, действий турецкого консула Эффенди Рифки Бея/ Effendi Rifki Bey, Генерального Консула Турции в Батуми в 1880-1888 годах. Это обращение к вышестоящему коллеге Ривки Бея позволит также мысленно перенестись в атмосферу Батума начала XX столетия (перевод с французского языка выполнен автором статьи):

«Его Превосходительству Шакир Паше/Chakir Pacha - Послу Его Императорского Величества Султана в Санкт-Петербурге. Батум, 24 июня 1883 года. Ваше Превосходительство, Телеграфной депешей имел уже честь довести до сведения Вашего Превосходительства инцидент, произошедший между мною и Рифки Эффенди/Rifki Effendi. Сей инцидент принял все формы и масштаб преступления, можно сказать, преднамеренного. Вот почему я спешу его изложить Вашему Превосходительству во всех подробностях, нисколько не преувеличивая и предоставляя возможность Вам самому судить о серьезности происходящего. Преисполненный доверия к справедливости суждения Вашего Превосходительства и тому, что Вы рассмотрите со всей серьезностью жалобы со стороны Вашего верноподданного, прослужившего в течение двух лет в консульстве Батума в качестве драгомана. При этом одновременно в течение полутора лет я безвозмездно исполнял обязанности заведующего канцелярией, с полной добросовестностью и усердием, как при эмиграции мусульман, так и в интересах османских подданных для получения ими необходимых удостоверений в качестве оправдательного подтверждения. Во вторник, 22 июня, в 11: 00 утра после завтрака, я отправился в турецкое кафе, где обычно беи и известные люди из местного населения, собираются, чтобы выпить чашечку кофе. Таваз/Le Tavaz из консульства подошёл предупредить меня о том, что Рифки Эффенди вызывает меня в консульство для внесения изменений в Акте Свидетельства о вступлении в наследство, составленного мною утром и поданного ему на подпись. Я находился как раз в обществе Махмуда Эффенди/Mahmud Effendi, для коего было составлено это Свидетельство. После вызова я пригласил названного Махмуда Эффенди сопроводить меня с тем, чтобы возможно скорее закончить его документ. Прибыв вместе ко входу жилой части консульства, мы встречаем там Юсуфа Зию Бея/Youssouff Zia Bey, старшего служащего по делам эмигрантов, пригласившего войти со стороны жилой части, поскольку главная дверь была заперта и при этом он задержал моего спутника. Таким образом, войдя в дом, Юсуф Зия Бей/Youssouff Zia Bey закрывает за мною названную дверь, сам же остается снаружи, заперев при этом дверь

на ключ. Я тут же предстал перед Рифкой Эффенди, стоящим во дворе со шлангом в руках от противопожарного насоса местной полиции, а трое его слуг получили приказ немедленно привести в действие названный пожарный насос. И тут Рифки Эффенди направляет на меня шланг и надолго обрушивает на меня мощный поток воды. Захваченный врасплох, поражённый, я попытался скрыться бегством и только тогда заметил, что, к моему отчаянию, все двери были наглухо заперты, а пожарный шланг был так расположен так, чтобы под градом воды преградить мне выход в кухню. Я насквозь промок, будто упал в море в одежде. Единственное, что мне оставалось, - это наброситься на Рифки Эффенди и вырвать из его рук шланг. Однако Рифки Эффенди мой демарш явно не понравился. Он осыпал меня тумаками, сопровождая сии действия ужаснейшей руганью. Не выдержав всего, - боли от ударов, усталости и шока от внезапного нападения, я рухнул наземь, потеряв сознание. Не довольствуясь столь возмутительным и унижающим меня поведением, он ухватил огромную палку, крикнув при этом жене принести ему револьвер, чтобы поставить точку в своём злодеянии. Увидев, что жена отказывается нести ему револьвер, призывая на помощь, он сам устремился за оружием, приказав слугам не дать мне скрыться бегством. В этот промежуток времени, каким-то чудом и не помню как, очутился я на улице, откуда меня сопроводили домой. Бедные родители, напуганные моим видом, начали громко кричать. Будучи вне себя, они даже не подумали помочь мне переодеть мокрые одежды.

Чтобы доказать Вашему Превосходительству достоверность этого настолько возмутительного и невероятного злодеяния, я не премину упомянуть, что один известный торговец по имени Жозеф Багоефф/Josef Bagoeff, проходивший в это время перед консульством, увидел консула с револьвером в руках. Решив, что консул находится в припадке безумия, он поспешно запрыгнул в окно, чтобы спрятаться под прилавком. В результате столь внезапного нападения вполне возможны пагубные последствия для моего здоровья, коему был нанесен достаточный урон. За все эти последствия несет полную ответственность Рифки Эффенди/Rifki Effendi. Свидетелями-очевидцами сей ужасающей сцены, весьма дискредитирующей честь нашего консульства в Батуме, являются военный инженер, капитан Протопопов/Protoporoff и жена оногo с сестрою, госпожой Афкар/Aphkar, а также соседка Махмуда Эффенди/Mahmud Effendi, негоцианта из Архари/Arhari (Лазистан), портного по профессии и моя родная сестра Люси. Таково это дело во всех подробностях, кое вверяю я Вашему Превосходительству с надеждой на доброжелательное и великодушное рассмотрение оногo Вашим Превосходительством, как и на торжество справедливости. Примите, Ваше Превосходительство, мои заверения в глубокой признательности и благодарности, с коими имею честь оставаться Вашего Превосходительства нижайшим и покорнейшим слугой. Подпись: Мелихан Мигирдич Тантаджян/Mélixan Mighirdich Tantadjian».

Мы сочли необходимым привести аутентичный документ целиком, так как он красноречиво свидетельствует о реальном положении драгомана, зависящего от вышестоящего начальства. Из документа следует, что драгоман в течение почти двух лет совмещал свою работу с обязанностями заведующего канцелярией без оплаты и при этом навлек гнев вышестоящего начальства. В следующем документе, также впервые введенном в научный обиход, дается неодобрительная характеристика действиям и личности драгомана греческого происхождения Генеральным консулом Турции в Батуме. Документ

представляется целиком, чтобы читатель смог сделать свои выводы и наблюдения о роли службы драгомана в работе консульства (перевод с французского языка выполнен автором статьи):

«Императорское консульство Турции. Конфиденциально. Поти 27 октября 1902 года. Господин Министр, полагаю своим долгом донести конфиденциально до Вашего Превосходительства сведения, которые я только что получил из очень надежного источника касательно спорного процесса о значительном земельном участке между Военным губернатором Кутаиси и судоходной компанией...Здесь я осмелюсь, господин Министр, обратить серьёзное внимание Вашего Превосходительства на другой вопрос, который, ввиду его значимости, является основным предметом настоящего донесения. Вашему Превосходительству хорошо известно, что теперешний драгоман Генерального консульства Батума Константин Шумулов/Schoumouloff, которому в настоящее время поручен надзор за ходом судебного процесса, является Российским подданным. Другое имя этого индивида - Кости Шумул Оглу/Costi Schoumoul Oglou, родом из Surméné вилайета Трапезунда. Ранее он был нанят покойным Неджил Беем/Nedjil Bey. Затем он был отозван со службы в Генеральном консульстве покойным Беха Беем/Beha Bey и Субхи Беем/Soubhi Bey, вследствие многочисленных злоупотреблений и возмутительных действий, направленных против Генерального консульства. За них его отчитали, по моим сведениям, в свое время в департаменте Вашего Превосходительства, а также перед Императорским посольством.

Субхи Бей/Soubhi Bey, бывший Генеральный консул в Батуми, знающий Costi Schoumouloff лучше, чем кто-либо, сможет подтвердить правдивость мною сказанного. В довершение всего, этот субъект находится в положении преступной смены подданства без предварительного разрешения Императорского правительства и находится под запретом возвращения в Османскую Империю. Достойно сожаления, что Вице-консул Саади Бей, будучи в курсе архивов консульства и хорошо зная о плохой репутации Costi Schoumouloff, действовал одновременно против указаний Министерства, депеши департамента Вашего Превосходительства, категорично предписывающей принятие на службу драгомана исключительно Османского подданства, как обычно принято. Также, господин Министр, полагаю своим долгом предупредить Саади-бея о взятой им на себя большой ответственности. Ведь он оставляет на службе Генерального консульства субъекта, имеющего столь бурное прошлое по отношению к Генеральному консульству, - человека, к которому никто не испытывает ни малейшего доверия. Тем не менее, он ограничился высказыванием в разговоре со мной о том, что был вынужден действовать подобным образом за неимением лучшего, то есть, не сумев найти более подходящего драгомана.

Как естественный результат того, что я имел честь изложить Вашему Превосходительству, Schoumoul Oglou пребывает накануне грядущего нового увольнения со службы. Как показывает его прошлое, он непременно постарается скорее угодить Российским властям, от которых зависит в качестве Российского подданного, - нежели нам. Отсюда факт, заслуживающий большого сожаления, состоящий в том, что настолько важное дело, как с материальной точки зрения для Масыссе/Mahsoussé, так и для Императорского правительства, ибо дело о земельном участке, ценой не менее, чем 15.000 руб., находится в руках такой личности, как Кости Шумул Оглу/Costi Schoumoul Oglou, виновного в

преступной смене подданства без особого на то позволения Его Величества, Светлейшего и Всемогущественного Правителя, не говоря уже о прочих злоупотреблениях вышеназванного субъекта».

Из предъявленного документа ясно, что в руках подчиненного драгомана находилась судьба крайне важного дела для турецкого консульства. Благополучный исход судебной тяжбы внушал большие опасения в связи с крайним недоверием к действиям драгомана, играющего в судебном процессе важную роль. И было в чем сомневаться, ибо в драгоманов старались нанимать османских подданных, заведомо защищавших интересы Ближневосточной Порты. К прежней же нерадивости в служебных делах присоединился факт смены подданства без высочайшего дозволения Султана. Позволю себе предположение о том, что «вышеназванный субъект», драгоман Константин Ш. занимал эту традиционную для православных этнических греков должность, будучи первоначально турецким подданным, так как Трапезунд, откуда он родом, был, как известно, средоточием греческого населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, мы попытались обобщить спектр деятельности драгоманов Турции, не только несущих службу на перекрестке культур Востока и Запада и знавших их культурный код. Они внесли посильный вклад в интерференцию двух цивилизаций, обладая фоновыми культурными знаниями и, нередко, основательной академической подготовкой. Участие драгоманов в политических хитросплетениях, коммерческих и юридических вопросах было неотъемлемой частью рутинной деятельности дипломатических миссий с обеих сторон. Как показывают также переведенные архивные материалы, впервые введенные в научный оборот, определенный профессиональный риск могла представлять их этническая принадлежность и позиция государств, от них не зависящая, но ставящая в некоторых случаях под угрозу не только выполнение профессиональных обязанностей, но и личное благополучие драгоманов.

LIST OF REFERENCES

- Diasamidze, V. (2019) Linguoculturological translation peculiarities of diplomatic correspondance of French consulates in Georgia and Turkey (middle 19th-early20th) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.165-170.
- Martens, F.F. (1873). О konsulakh i konsul'skoy yurisdiktсии na vostoke. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva Putey Soobshcheniya, ss. 225-227./ [About consuls and consular jurisdiction in the east.]St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways], 1873, pp. 225-227.
- Moskovskie vedomosti, (04.06.1821) <http://www.nplg.gov.ge/papereu/en/browse/000317/>
- Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del. 1802-1902, (1902). Sankt-Peterburg: Golike i Vil'borg, [Essay on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802-1902.] St. Petersburg: Golike and Vilborg.
- Ryer, Du A., (2016).L'Alcoran de Mahomet, Tome1, Paris: Hachette BNF.
- Mukhamedzhanov,I.<https://islam-today.ru/blogi/ildar-muhamedzanov/mezdu-vostokom-i-zapadom-dragomany-v-osmanskoj-imperii/>. Last contact date: 10.02.2021.
- Shashkova, T.<https://mirperevoda.ru/istoriya-turetskogo-perevoda>. Last contact date: 12.01.2021.
- Shlykov, P., (2019). V teni polumesyatsa.//in: Rossiya v global'noy politike. №1 Yanvar'/Fevral', 2019./[In the shadow of the crescent. // in: Russia in global affairs. # 1 January / February, 2019]; <https://globalaffairs.ru/articles/v-teni-polumesyacza/> Last contact date: 10.02.2021.

Svod zakonov Rossiyskoy Imperii,(1844). Sankt-Peterburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.

/[Code of Laws of the Russian Empire, (1844). St. Petersburg. Printing house of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery].

Voyevoda, Ye.V., (2011). Teoriya i praktika professional'noy yazykovoy podgotovki spetsialistov-mezhdunarodnikov v Rossii. AKD, Moskva./[Theory and practice of professional language training for international specialists in Russia. AKD, Moscow].

Factual material

Arkhivy MIDov Turtsii i Frantsii za 1850-1914 gg. / [Archives of the Foreign Ministries of Turkey and France for 1850-1914]. HR_HMS_İŞO_00065_00012_001_001-HR_SYS_01950_00062_001_001; HR_SYS_01950_00062_001_001; DSC_8916 -DSC_9008 (Pred'yavleniye po pervomu trebovaniyu). [Present on demand].

Лексикографические источники

Encyclopædia Britannica, (1911). “Dragoman”, 11 th edition, Cambridge University Press.

Webster N., (1828). An American Dictionary of the English Language. 1-2 t., New York, S. Converse; webstersdictionary1828.com

For citation:

Diasamidze, V. (2021) Dragoman – Translator at the Crossroads of West and East (Turkey) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST - EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST - EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 73-81. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-73-81>

Для цитирования:

Диасамидзе, В. Г. (2021) Драгоман - переводчик на перекрестке Запада и Востока (Турция) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST - EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST - EAST”. Vol. 5, N 1 (March, 2021). С. 73-81 <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-73-81>

Information about the author:

Diasamidze Victoria - Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, European Studies Department, Batumi Shota Rustaveli State University, Georgia.

e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Сведения об авторе:

Диасамидзе Виктория Григорьевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, департамент европейстики, Батумский государственный университет имени Шота Руставели, Грузия.

e-mail: victoria.diasamidze777@mail.ru

Manuscript received: 15/01/2021
Accepted for publication: 14/02/2021
Рукопись получена: 15/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

**International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523**

MEDIA CULTURE

DOI : <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-82-90>

GEORGIAN CINEMA IN POLISH MEDIA DISCOURSE

Maria Mocarz-Kleindienst

Associate Professor

The John Paul II Catholic University of Lublin

(Lublin, Poland)

e-mail: momar@kul.pl

Abstract. This article analyses the perception of Georgian cinema in contemporary media discourse in Poland. It is based on film festivals and screenings devoted entirely to Georgian cinema, or featuring Georgian films. The Polish audience was given the opportunity to get acquainted with both classics and contemporary Georgian films (e.g. *Repentance*, *Tangerines*, *Corn Island*, *Blind Dates*, *Scary Mother*). Based on articles, thematic blogs, interviews with film critics and lovers of Georgian cinema, the most important components of the phenomenon of Georgian cinema are discussed. The topical themes (Georgian-Abkhazian war, economic situation of the country, person-society relations, women's position in the society) are highlighted. Topical themes are presented with the help of exquisite aesthetic techniques: the presence of silence, humour as the most important indicators of the phenomenon of contemporary Georgian cinematography.

Keywords: Georgian cinema, polish media discourse, *Tangerines*, *Corn Island*

ГРУЗИНСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ В ПОЛЬСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Мария Моцаж-Клейндиенст

Доктор habilitированный филологических наук, профессор

Люблинский католический университет Иоанна Павла II

(Люблин, Польша)

e-mail: momar@kul.pl

Аннотация. Настоящая статья посвящается анализу восприятия грузинского кинематографа в современном медиадискурсе в Польше. Толчком для появившихся отзывов на данную тему послужили кинофестивали и кинопоказы, полностью посвященные грузинскому кино или при участии грузинских кинолент. Польской аудитории предоставлена возможность познакомиться как с классикой, так и современными лентами грузинского кино (в частности, «Покаяние», «Мандарины», «Кукурузный остров», «Слепые свидания», «Страшная мать»). На основании статей, тематических блогов, интервью в кинокритиками и любителями грузинского кинематографа обсуждаются важнейшие составляющие понятия феномена грузинского кино. Обращается внимание на актуальность затронутой тематики (грузино-абхазская война, экономическая ситуация страны, отношения личность-общество, позиция женщин в обществе). Актуальные темы представлены при помощи изысканных эстетических приемов: наличествующей тишины, юмора как важнейших показателей феномена современного грузинского кинематографа.

Ключевые слова: грузинское кино, польский медиадискурс, *Мандарины*, *Кукурузный остров*

ВВЕДЕНИЕ. Известный итальянский режиссер Федерико Феллини – поклонник грузинского кино выразил следующую мысль: «Грузинское кино – необычный феномен, специальный философский свет, сложный и в то же время по-детски чистый и непорочный. В нем есть все, что заставляет меня плакать. А заставить меня плакать, хочу вам сказать, не так-то легко» (Kartveli 2018). Согласно процитированной мысли Феллини, феномен грузинского кино построен по принципу наличия в нем некоторых противостоящих друг другу составных и в то же время привлекающих внимание зрителей. Это уместное выражение философской концепции при помощи простых художественных приемов. Такое необыкновенное сочетание порядков двух уровней: высокого философского и простого эстетического вызывает положительные эмоции. Феномен – слово ключевое в восприятии грузинского кинематографа не только итальянским режиссером. Также в польском культурном пространстве можно заметить подход к грузинскому киноискусству как необычному, выдающемуся по своим качествам явлению, которое вызывает интерес группы людей, в чем и заключается суть любого феномена. Такую гипотезу мы выдвигаем в начале настоящих исследований.

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ. В качестве материала для проверки сформулированной выше гипотезы были отобраны медиатексты, которые со своим поликодовым оформлением образуют – в силу своего динамического развития – пространство медиадискурса как одного из самых влиятельных способов передачи культурно значимой информации. Под понятием медиадискурса, как правило, понимается «связной, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» (Zheltukhina 2004, 132; также Dobrosklonskaya 2006, 20). Для реализации намеченной цели используется, в основном, медиадискурс со следующими каналами его реализации: пресса, Интернет, телевидение и радио. Поскольку в основу зарождения и развития любого дискурса, в том числе медиадискурса, заложены как лингвистические (вербальные, текстовые), так и экстралингвистические факторы (т.е. участники процесса коммуникации: отправитель и получатель как компоненты, организующие диалогичность медиатекстов, сам референт передаваемой информации, погруженный в культурно-социальном контексте), в дальнейшем нами будут проанализированы важнейшие аспекты как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Тематика грузинского кино в польском медиадискурсе наличествует, как правило, в следующих типах медиатекстов: 1) рецензиях и отзывах на вышедшие в свет фильмы, написанные кинокритиками, а также обычными кинолюбителями; 2) дискуссиях со специалистами по киноискусству и кинопроизводству, проводимых в телестудиях (перед началом фильма или после него), в польских радиопрограммах, передаваемых также по Интернету, 3) интервью с художниками, специалистами по киноискусству и кинопроизводству, взятых по случаю, например, их участия в фестивальных мероприятиях, 4) отдельных статьях научно-популярного и научного характера, доступных на Интернет-сайтах, посвященных тематике кино, 5) тематических блогах, которые ведут поклонники грузинской культуры.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ. Для проверки правильности сформулированной гипотезы намечены следующие исследовательские задачи: 1) проследить важнейшие социокультурные факторы, влияющие на заинтересованность грузинским кинематографом в польском медиапространстве, и формирующие механизм сознания коммуникантов, о котором говорит Желтухина, 2) перечислить культурные мероприятия, способствующие знакомству польской зрительской аудитории с грузинскими кинолентами в реалиях польской культуры — для намечения событийного аспекта дискурса (согласно Желтухиной), 3) проследить, какие важнейшие грузинские фильмы вызывают самый большой интерес у польской зрительской аудитории: любителей и кинокритиков, 4) определить важнейшие содержательно-тематические доминанты и эстетические приемы грузинского кинематографа, на которых сосредоточивает внимание польская аудитория и которые находят отражение в медиатекстах.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА. Польская ученоя Ивона Массака замечает, что в польском культурном пространстве, в частности в путешественнической журналистике, мы имеем дело с апофеозом грузинской культуры (Массака 2020, 142). Своеобразная «картвелофилия» среди тех, кто совершал путешествия по Грузии, проявляется в восхищении грузинскими пейзажами, достопримечательностями, вкусной кухней. Неспешный образ жизни и гостеприимность, уважение к традиции – такое представление о грузинской культуре после первого контакта с ней – в дальнейшем переносится на проявление интереса к грузинскому кинематографу среди польских зрителей, ищущих все время новые впечатления в эпоху т. наз. аудиовизуального поворота. Кинематограф как часть национальной культуры привлекает внимание тех, кто такой культурой заинтересован и – после первого внешнего знакомства с ней – стремится углубиться в мир ее национального менталитета, в мир идейно-художественных канонов и приемов, запечатленных в кинолентах. В духе интереса к грузинской культуре и одновременно с целью продвижения национальной культуры грузинского кинематографа в Польше все чаще организуются культурные мероприятия, во время которых польской публике предстоит возможность познакомиться с достижениями грузинского киноискусства, и которые находят свой отклик в польских медиатекстах. К важнейшим событиям такого типа можно отнести:

А Кинофестивали, специально посвященные грузинскому кинематографу. Кинофестивали — основные места встречи с другими кинокартинами. Здесь особого внимания заслуживает организованный в Варшаве каждый год весной с 2017 года Фестиваль грузинского кино *Гамарджоба кино (Gamardžoba kino)*, именуемый иногда из-за своих небольших масштабов *обзором*. Инициаторы и организаторы кинофестиваля – группа студентов востоковедения Варшавского университета, при поддержке Грузинского посольства в Варшаве и Польского посольства в Грузии, затеявшие идею сломать стереотипные представления в Польше о Грузии как стране, ассоциируемой исключительно с супрой, т.е. традиционным грузинским застольем, вином и легендарным уже гостеприимством грузин. Преследуя цель приблизить другой облик Грузии – до сих пор неизвестный или малоизвестный польским кинозрителям (отсюда и название *добрый день*), молодые организаторы, пытаются представить во время кинопоказов, а также сопровождающих их встреч и дискуссий как новейшие кинокартины, так и классику грузинского кино (иногда «прикрытую» под общим названием *советское кино*). В программе

состоявшихся до сих пор трех просмотров нашлись, главным образом, современные кинокартины грузинского производства или совместной продукции с другими странами. Среди них преобладают полнометражные игровые картины: 1) «Мандарины» (2017, реж. Зазы Урушадзе) – драма о грузино-абхазской войне (фильм снят при совместном финансировании Грузии и Эстонии), 2) «Кукурузный остров» (2014, реж. Георги Овашвили) – психологическая драма с отголосками грузино-абхазского конфликта (результат совместной работы пяти стран: Грузии, Германии, Казахстана, Франции и Чехии); 3) «Слепые свидания» / «Свидания вслепую» (2013, реж. Леван Когуашвили), 4) «Страшная мать» (2017, реж. Анна Урушадзе) — драма, затрагивающая тему моральных норм и застоялых стереотипов, 5) драма «Деде» (2017, реж. Мариам Хачвани), 6) «Прогульщики» (2010, реж. Леван Когуашвили), 7) «Улыбайся!» (2012, реж. Русудан Чкония), 8) «Необыкновенная выставка» (1968, реж. Эльдар Николаевич Шенгеля), 9) «In Bloom» / «Grzeli Nateli Dgeebi» (2013, реж. Нана Эквимишвили, Саймон Грос), 10) фильм-притча «Намме» (2017, реж. Заза Халваши), 11) «Чужой дом» (2016, реж. Русудан Глурджидзе). Среди документальных картин появились: 1) «Учреждение № 6» (2017, реж. Александр Коридзе), 2) «Гогита. Новая жизнь» / «Новая жизнь Гогиты» (2017, реж. Леван Когуашвили), 3) «Нино Катамадзе. Русалка» (2004, реж. Александр Коридзе), 4) драма-биография «Это жизнь» / «Live is Be», (2016, реж. Вахтанг Куцев-Габашвили. 5) «Торговец» (2016, реж. Тамта Габричидзе), В программе кинопоказов нашлись также короткометражные фильмы, в частности: 1) «Недобросовестный» / «Unatiso» (1997, реж. Георгий Харебава), 2) «Черная шелковица» (2012, реж. Габриэль Размадзе), 3) «Невидимая рука моего отца» (2018, реж. Гиорги Гаго Гагошидзе) и несколько др. Поклонники анимационных фильмов могли познакомиться с «Карманным человечком» (2016, реж. Ана Чубинидзе). Участникам кинофестиваля была предоставлена также возможность посмотреть — впервые или заново — классику грузинского кино: трилогию реж. Тенгиза Абуладзе: «Покаяние» (1984), «Мольба» и «Древо желаний», также «Луржда Магданы» (1955, реж. Т. Абуладзе совместно с Резо Чхеизде), трагикомедию «Необыкновенная выставка» (1968, реж. Эльдар Николаевич Шенгеля), «Жил певчий дрозд» (1970, реж. Отар Иоселиани).

Б. Фестивали более широкого масштаба, во время которых любители киноискусства имеют возможность познакомиться с новейшими достижениями кинематографа многих стран, в том числе Грузии. К важнейшим следует отнести: 1) Международный кинофестиваль *Эра T-Mobile*. «Новые горизонты» (польск. *Era Nowe horyzonty*) во Вроцлаве, 2) Международный варшавский кинофестиваль (польск. *Warszawski Festiwal Filmowy*), 3) Международный кинофестиваль «Трансатлантик» (польск. *Transatlantyk Festival*) в г. Лодзь, 4) Фестиваль кино и искусства «Два берега» (польск. *Festiwal filmu i sztuki Dwa Brzegi*), организованный в 2 маленьких городках на Востоке Польши Казимеж-Дольны и Яновец (оба расположены на реке Висла — отсюда название кинофестиваля). В программы перечисленных кинофестивалей попадают, как правило, новейшие грузинские фильмы. Среди них самый популярный — это «Мандарины», получивший две награды на 29-ом Варшавском кинофестивале (2014 г.): приз зрительских симпатий и приз в категории «лучший режиссер». Публика имела возможность посмотреть также «Кукурузный остров», «Слепые свидания», «Страшную мать».

В. Камерные кинозалы кинотеатров, рассчитанные скорее всего не на массовую аудиторию, а на киноманов-интеллектуалов. В них показывают авторские фильмы,

винтажное кино, фильмы-участники престижных фестивалей, а также ретроспективы работ лучших режиссёров мира. Кинолюбители получают истинное удовольствие от интеллектуальных и оригинальных картин. В программе специально организованных кинопоказов (например, во Вроцлаве, Кракове, Гданьске, Люблине) нашлись за последние несколько лет как новейшие кинокартины «Мандарины», «Слепые свидания», «Кукурузный остров», как и классика грузинского киноискусства: фильмы Абуладзе и Отара Иоселиани («Жил певчий дрозд»; «Листопад», 1966), Резо Чхеизде («Отец солдата», 1968). Некоторые сеансы проходят по локальной инициативе городов (к примеру, приведем одну «Брудно [квартал Варшавы] любит грузинское кино. Ретроспектива 1955-2014» (польск. *Bródno kocha gruzińskie kino*).

Г. В домашних условиях любители грузинского кинематографа имеют возможность посмотреть по государственным или частным телеканалам крупнейшие грузинские кинокартины. Кроме классики «Покаяние», как важнейшего грузинского фильма в сознании польских зрителей, имевших возможность посмотреть его впервые в начале 90-ых прошлого столетия, в настоящее время в телепрограммах появляются заглавия новейшей грузинской кинопродукции: «Мандарины», «Кукурузный остров», «Слепые свидания».

Вышеперечисленные мероприятия служат непосредственным толчком для обсуждения содержательно-тематических доминант и эстетических приемов грузинского кинематографа в реалиях польского медиадискурса. Согласно прагматико-воздействующим функциям медиального дискурса, погруженного в социокультурном пространстве страны или региона, объектом внимания становятся, как правило, актуальные события, в том числе в области культурной жизни. Не удивляет факт, что в центре внимания находится новейшее грузинское кино как отражение актуальных социальных, политических и культурных процессов. Однако киноискусство, сложившееся в результате долгого процесса, растянутого во времени, носит отпечаток исторических и политических процессов страны. Интенсификация его развития сопряжена с меняющейся политической обстановкой страны, с которой данный кинематограф отождествляется. Тем более если это страна со сложившейся трудной историей, с резкой меной политического статуса культурного пространства (после распада СССР) и запечатленными в истории политическими событиями, оказавшими влияние на актуальную ситуацию киноискусства. В связи с вышесказанным в польском медиадискурсе, в которых затронута тематика грузинского кинематографа, замечается исторический экскурс в прошлое. Анализируя польские тексты, нетрудно заметить в них взгляд на грузинское кино в диахроническом ракурсе. Так, во многих статьях (напр. Wiczorek 2015a) упоминается ситуация грузинской кинопродукции во время СССР, когда возникли великолепные ленты Абуладзе, осмелившегося противостоять коммунистическому империализму и советизации. Трилогия режиссера, представляющая архетипический мир ценностей с поэтическим нарративом, — это, по словам Бартоша Вечорека, источник грузинской идентичности и одно из самых мощных антитоталитарных киносвидетельств в истории (Wiczorek 2015a, 2015b). Используя творческий метод «магического реализма» грузинским художникам того времени удалось преодолеть ограничения метода «социалистического реализма» (Medzveliya 2015, 86-87). Абуладзе показал в своей трилогии архетипический мир ценностей «как источник грузинской идентичности и противостояние российскому культурному империализму» (Wiczorek 2015b). Обращается внимание на то, что для представления такого архетипического мира, полной символики и метафорических

приемов с лирическим нарративом художнику необязательно подбирать конкретное локализованное на географической карте мира место действия. Главные для мастерского грузинского кино того времени это: моральные вызовы, стоящие перед человеком, уважение к традиции, приказ соблюдать внутренний моральный кодекс.

Ретроспективный подход, помогающий понять ситуацию грузинского кинематографа во времена СССР, дает основание для выводов и замечаний о путях развития нового грузинского кино. Точкой отсчета нового периода в грузинском кино считается 1972 год, года в Тбилисском театральном институте им. Ш. Руставели возник факультет кино и телевидения, положивший начало грузинской кинематографической школе. В фильмах того периода отражен переход от поэтического к обыденному, отражен пессимизм, монотонная бесперспективная жизнь, социальные проблемы и одиночество человека. В таком духе оценивается драма *«Прогульщики»*, главный герой которой — безработный наркоман Чеки как представитель поколения, получившего воспитание еще в реалиях СССР, а потом после его распада принужденного адаптироваться к новой экономической и политической обстановке.

Естественно, в польском медиадискурсе немалое внимание уделяется грузинским лентам, затрагивающим тематику военного конфликта в Абхазии. Как замечают авторы тематического блога о Грузии, *«Апхазети — хотя она недоступна, но жива в умах и сердцах грузин»* (www.georgiana.pl). Тема Абхазии налицо в творчестве Овашвили. В центре сюжета его первого полнометражного фильма *«Другой берег»* — история беспризорного двенадцатилетнего мальчика беженца из Грузии, пытающегося найти своего отца в Абхазии. В лице мальчика отражается драма всего грузинского и абхазского народов. Фильм, как отмечают польские кинокритики, впечатляет своей эмоциональностью, подлинностью актерской игры мальчика — натурщика, найденного режиссером случайно в детской поликлинике. Тема грузино-абхазского конфликта затронута и в психологической драме *«Кукурузный остров»*. На небольшом острове, образованном рекой Ингурди, разделяющей Грузию и Абхазию, проживает абхазец со своей 16-летней внучкой, занимаясь выращиванием кукурузы. Их спокойную, гармоничную жизнь, подчиненную законам природы, время от времени разрушают выстрелы и военные, ищущие сбежавшего раннего солдата. Бартломей Кжиштан — автор ряда рецензий на грузинские киноленты — отмечает, что на первый план выдвигается не конфликт (потому ленту нельзя считать военным жанром), а невовлеченный в военные действия главный герой, который пытается жить своей жизнью, несмотря на бушующую войну (Krzysztan, 2015b). Фильм с отголосками военного конфликта впечатляет молчанием героев, красотой реки и земли, простотой форм выражения грузинского бытия — эти признаки фильма позитивно оцениваются польской аудиторией (www.mediakrytyk.pl). Также в знаменитом фильме *«Мандарины»*, в котором под одной крышей оказываются два человека, до недавнего времени враги, война является только фоном, частью истории, так как в киноискусстве нельзя представить всей правды о войне. Изображение войны на экране является мошенничеством (Krzysztan 2014).

Вместе с картинами военного конфликта не обходится молчанием в польском медиадискурсе вопрос необходимости общественных перемен, отход от патриархального образа социального поведения, от норм поведения, предусмотренных полом. Все эти вопросы затронуты в фильме *«Слепые свидания»*, главный герой которого — Сандро, сорокалетний школьный учитель-холостяк из Тбилиси. Он живет вместе с родителями, все

время пытающимися влиять на поведение взрослого сына. Как указывает само название фильма, герою не везет с женщинами, найденными на сайтах знакомств. В фильме, на что обращается внимание в польских рецензиях, по-настоящему представлен город, не блестящий, манящий туристов, а скорее всего серый, с покосившимся ставнями и заброшенными кварталами. Новое поколение кинорежиссеров, представителем которого является Леван Когуашвили, делает попытку открыть серьезную дискуссию над состоянием общества во время социокультурных перемен. Когуашвили, выстраивая в своей кинокартине своеобразный микронарратив с универсальным потенциалом, вписывается в такую дискуссию (Krzysztań 2015b).

Важным элементом грузинского кинематографа является размышление о необходимости изменения регрессивной, исключаяющей и мужской модели общественных отношений. Поэтому все чаще затрагивается вопрос места женщины в обществе и их участие в формировании нового грузинского киноландшафта. Польские кинокритики и любители отмечают присутствие женских вопросов как главных лейтмотивов киноповествования с целым диапазоном проблем, выборов, решений, отказов. В дискуссиях о роли женщины в формировании нового грузинского кино приводится фамилия Анны Урушадзе как режиссера фильма *«Страшная мать»* (она дочь известного режиссера Зазы Урушадзе). Как указывает само название, в центре сюжета история 50-летней грузинской матери, домохозяйки Манане. Женщина стоит перед дилеммой: выбрать семью или страсть к писательству, которую она подавляла годами и в которой находит смысл своей жизни. Также в фильме-притче, снятом по мотивам грузинской мифологии *«Намме»* (реж. Заза Халваши) главный герой — молодая девушка из грузинской деревни, наделенная сверхсилой, которую использует для того, чтобы помочь односельчанам излечить их от разных недугов. Женская тема затронута и в документальной ленте *«Грузинки»*. Ее режиссер Леван Когуашвили представил силуэты женщин, эмигрировавших в Америку, чтобы обеспечить материальную жизнь своих семей.

ВЫВОДЫ. К важнейшим признакам, определяющим стиль новейшего грузинского кинематографа как культурного феномена в польском медиадискурсе причисляется тишина как своеобразный нарративный прием, выразительно использованный в фильме *«Кукурузный остров»*, в меньшей степени также в ленте *«Слепые свидания»*. В первом из них тишина регулирует образ жизни главных героев, проживающих в уединении на маленьком острове. Во втором тишина приобретает другое символическое значение — как умолчание в общественно-политическом дискурсе проблем: насилия по отношению к женщинам, гендерного неравенства, прав меньшинств, экономических проблем беженцев. Для того, чтобы подчеркнуть их важность, необходим аналогичный способ повествования, т. е. молчание. Другая отличительная черта эстетики современного грузинского кинематографа — это спокойный юмор как показатель типичной для грузинов дистанции от окружающей действительности. По мнению Бартомея Кжыштана, средствами трагикомического юмором грузины — пытаются дополнить несовершенную реальность. Нация, которая веками была вынуждена идти на жертвы, чтобы выжить, сегодня, в кажущееся свободным время, пытается дополнить несовершенную реальность трагикомическим юмором (Krzysztań 2015a).

В одном из интервью, данном грузинским режиссером Заза Халваши, прозвучала мысль, что «кино — посол своего народа за пределами своей страны, это очень важная его функция». Имея в распоряжении художественные приемы, кинематограф в состоянии

выразить ценности своего народа. Это замечают и польские кинозрители, положительно обсуждая феномен грузинского кино в средствах массовой информации.

LIST OF REFERENCES

- Dobrosklonskaya, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob"ekt zhurnalistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii [Media discourse as object of linguistic and intercultural communication]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Ser.10. Zhurnalistika, № 2, 2-33.
- Zheltukhina M. R. (2004). Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI dis. ... dokt. filol. Nauk [The specifics of the speech impact of tropes in media language. Dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Moskva.
- Kartveli, G. (2018). Sekret uspekha gruzinskogo sovetskogo kino i obnaruzhennye pokoleniya [The secret of the success of Georgian Soviet cinema and the generations that have been identified]. URL: <http://dalma.news/ru/sekret-uspeha-gruzinskogo-sovetskogo-kino-i-obnaruzhennye-pokoleniya> (12.01.2019).
- Krzysztań B. (2015a). Zawsze może być gorzej. Recenzja filmu „Randki w ciemno” Levana Koguashvilego [It can always get worse. Review of the film “Blind Dates” by Levan Koguashvili]. Kultura liberalna, nr 333. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2015/05/26/zawsze-moze-byc-gorzej-randki-w-ciemno-levan-koguas-hvili-recenzja> (01.10.2019)
- Krzysztań B. (2015b). Szum rzeki i strzały wokół. Recenzja filmu „Wyspa kukurydzy” [The noise of the river and the shots all around. Review of the film "Corn Island"]. Kultura liberalna, nr 317. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2015/02/03/szum-strzaly-wyspa-kukurydzy-ovashvili/> (09.11.2019)
- Krzysztań B. (2014). Świat gdzieś obok. O „Mandarynkach” Zazy Urushadzego [A world somewhere next door. About "Tengerines" by Zaza Urushadze]. Kultura liberalna, nr 283. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2014/06/10/swiat-gdzies-mandarynkach-zazy-urushadzego/> (08.11.2019)
- Massaka, I. (2019). „Nie tyle reportaż, ile wyzwanie miłości” – o tendencji do idealizowania kultury gruzińskiej we współczesnym polskim reportażu podróżniczym [“Not so much reportage as confession of love” – about the tendency to idealize Georgian culture in contemporary Polish travel reportage]. Acta Polono-Ruthenica 39, 141-153.
- Medzveliya, E. G. (2015). Gruzinskoe kino kak esteticheskaya tsennost' [Georgian cinema as an aesthetic value]. Vestnik MGU/ Teoriya i istoriya kul'tury. 85-89.
- Sayenkova-Melnitskaya, L. (2019) Cinema and film critic: mediapractices in discovering of the mean dominant // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/1 N1 (October, 2019). pp. 70-74. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-70-74>
- Wieczorek, B. (2015a). Oblicza kina gruzińskiego [Faces of Georgian Cinema]. Kultura-media teologia, 22, 9-22.
- Wieczorek B. (2015b). Kino gruzińskie. Retrospektywa 1955-2014 [Georgian cinema. Retrospective 1955-2014]. URL: <https://naszemiasto.pl/kino-gruzinskie-retrospektywa-1955-2014/ar/c13-4526492> (05.10.2019)
- <http://georgianapl.blogspot.com/2014/09/kino-gruzinskie-i-abchazja.html> (12.03.2020)
- <https://studium.uw.edu.pl/3-przeglad-kina-gruzinskiego-gamardzoba-kino> (16.03.2020)

<https://mediakrytyk.pl/film/2304/wyspa-kukurydzy> (18.03.2020)

<http://wff.pl/plfilm> (12.03.2020)

For citation:

Mocarz-Kleindienst, M. (2021) Georgian cinema in Polish media discourse

// International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 82-90. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-82-90>

Для цитирования:

Моцаж-Клейндиенст, М. (2021) Грузинский кинематограф в польском медиадискурсе //

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol.5, N1 (March, 2021). с. 82-90. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-82-90>

Information about the author:

Maria Mocarz-Kleindienst - Associate Professor, PhD, Head of the Department of Translation Studies and Slavonic Languages, Faculty of Humanities, The John Paul II Catholic University of Lublin, Poland. Editor-in-Chief of Scientific Journal "Roczniki Humanistyczne KUL. Glottodydaktyka". Lublin, Poland.

e-mail: momar@kul.pl

Сведения об авторе:

Мария Моцаж-Клейндиенст – Профессор Люблинского католического университета Иоанна Павла II (Польша), доктор хабилитированный филологических наук, заведующая кафедрой переводоведения и славянских языков на факультете гуманитарных наук, главный редактор научного журнала "Roczniki Humanistyczne KUL. Glottodydaktyka". Люблин, Польша.

e-mail: momar@kul.pl

Manuscript received: 10/01/2021
Accepted for publication: 12/02/2021
Рукопись получена: 10/01/2021
Принята к печати: 12/02/2021

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-91-101>

SECTORAL LINGUOCOUNTRY STUDIES (on the example of medical linguo-Ukrainian studies)

Anna Onkovych
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Kyiv Medical University
(Kyiv, Ukraine)
email: onkan@ukr.net

Abstract. The problems of linguocountry study have been intensively studied in Ukraine - in the methods of teaching Russian and then Ukrainian to foreign citizens. The achievements of Ukrainian researchers and practitioners have aroused considerable interest among scholars of linguodidactic processes. The term linguo-Ukrainian studies were to some extent a borrowing, a travesty, but by introducing it, Ukrainian linguodidacticists successfully developed this direction in the methodology of teaching Ukrainian as a foreign language and sought to expand the search of researchers in this promising and relevant direction. Certain successes have been achieved. Since then, both linguo-country study and linguo-Ukrainian issues have been developed in parallel in Ukraine.

In recent years, the Ukrainian language of professional communication has been compulsory for higher education institutions. The Ukrainian language for non-philologists has attracted the attention of many professionals. Study guides, methodological developments and new teaching technologies have appeared. The need to develop a country study direction in this course has arisen, which is demonstrated in this article using the example of teaching the Ukrainian language at a medical institute.

The author has developed a special course "Medical linguo- Ukrainian studies", the purpose of which is to enable students to assimilate not only terminological, but also Ukrainian- studies material systematically. Such course will contribute to national education of students by means of language, culture and Ukrainian studies, will guarantee high intellectual development of future specialists, as well as improvement of their professional, linguistic, culturological, media, socio-cultural and communicative competences.

Key words: language and culture, linguo-cultural studies, linguo-Ukrainian studies, terminological system, medical terminology, branch (profile) linguo-cultural studies, branch (profile) linguo-Ukrainian studies, medical (pharmaceutical) linguo-Ukrainian studies.

ОТРАСЛЕВОЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ (на примере медицинского лингвоукраиноведения)

А. В. Онкович
доктор педагогических наук
профессор кафедры украинского и латинского языков
Киевский медицинский университет
(Киев, Украина)
email: onkan@ukr.net

Памяти научного руководителя академика Виталия Григорьевича Костомарова

Аннотация. Лингвострановедческая проблематика интенсивно и заинтересованно разрабатывалась в Украине - в методике преподавания русского, а потом и украинского языка иностранным гражданам. Достижения украинских исследователей и практиков вызвали значительный интерес у исследователей лингводидактических процессов. Термин лингвоукраиноведение был в определенной степени заимствован, калькой, однако, внедряя его, украинские лингводидакты успешно разрабатывали это направление в методике преподавания украинского языка как иностранного и стремились расширить поиск исследователей в этом перспективном и актуальном направлении. Определенные успехи были достигнуты. С тех пор в Украине параллельно разрабатывались и лингвострановедческая, и лингвоукраиноведческая проблематики.

Ключевые слова: язык и культура, лингвострановедение, лингвоукраиноведение, терминосистема, медицинская терминология, отраслевое (профильное) лингвострановедение, отраслевое (профильное) лингвоукраиноведение, медицинское (фармацевтическое) лингвоукраиноведение.

ВВЕДЕНИЕ. В последние годы украинский язык профессионального общения обязателен для изучения в высших учебных заведениях. Украинский язык для нефилологов привлек внимание многих профессионалов. Появились учебные пособия, методические разработки, новые технологии преподавания. Возникла необходимость разработки в этом курсе и страноведческой направленности, что и продемонстрировано в данной статье на примере преподавании украинского языка в медицинском вузе.

Автором разработан специальный курс «Медицинское лингвоукраиноведение», задача которого состоит в том, чтобы дать студентам возможность системно усвоить не только терминологический, но и украиноведческий материал. Такой курс будет способствовать национальному воспитанию студентов средствами языка, культуры и украиноведения, обеспечит высокое интеллектуальное развитие будущих специалистов, а также повышение их профессиональной, языковой, культурологической, медиаобразовательной, социокультурной и коммуникативной компетенций.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Когда несколько лет назад мы впервые ввели в учебно-методическое обращение термин лингвоукраиноведение (лінгвоукраїнознавство) (Oncovich 1993; 1999; 2003), то, прежде всего, хотели привлечь внимание украинских лингводидактов к тем новым поискам, которые велись в мире и находили отражение в ряде публикаций - по культурной грамотности в США, по культуре и цивилизации во Франции, по лингвострановедению на территории бывшего СССР (Vereshagin, Kostomarov 1999; Vereshagin, Kostomarov 1973; Донець 2002). Лингвоукраиноведение ныне - отрасль, которая исследует язык как составляющую часть украинской культуры, анализирует явления культуры через украинский язык.

Вдохновлял пример международной конференции «Язык и культура», которая ежегодно проходит в Киеве в конце июня. (Отметим, что в этом году это будет в тридцатый раз). Программа конференции предусматривает пленарные заседания, работу секций, круглые столы, широкую культурную программу. Работа секций традиционно проходит по направлениям, которые воспроизводят «развитие» понятия «Язык и культура»: Философия языка и культуры. Психология языка и культуры. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. Лингвокультурологическая интерпретация текста. Межкультурная коммуникация. Язык современного искусства. Язык и средства массовой

коммуникации. Художественная литература в контексте культуры. Теория и практика перевода. Культурологический подход к преподаванию языка и литературы. Киевская конференция заслуживает отдельного анализа и по форме проведения, и по содержанию докладов. Ныне она имеет свой сайт, в открытом доступе - публикации материалов конференции. А начиналось все с выпуска тезисов к первой конференции (Onkovic A.D. & Onkovic G.V. 2018). Сейчас доклады публикуются в периодическом научном издании по филологическим дисциплинам (языкознание, литературоведение) «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА». Вышло уже более 200 томов. Традиции, заложенные в дни проведения первых конференций, продолжают по сей день.

Сегодня же мы говорим о необходимости актуализации в этом русле «национального» понятия, соприкасающегося с отраслевой терминосистемой. Отраслевое лингвострановедение (в нашем случае - лингвоукраиноведение) можно представить в виде пирамиды: ЯЗЫК - КУЛЬТУРА - ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ. Верхушка пирамиды, как и ее фундамент, меняется в зависимости от цели занятия. Этого частично касаются специалисты, обращающиеся к истории профессионального общения в курсе «Українська мова за професійним спрямуванням» (Shevchuk 2011). Исследователи отмечают, что профессиональная научная терминология «не является постоянной системой, она живет, меняется, приспособливается к потребностям современности. История развития данной науки, изменение научных взглядов, интеграция и дифференциаций научных дисциплин, культурные связи, влияние лексико-семантической системы языка - все это отражается на состоянии как терминологической системы, так и отдельных терминов» (Ganitkevich Yaroslav).

С целью привлечь внимание к «треугольнику», где «на верху» - профессиональная терминология, а фундаментом являются язык и культура, и таким образом активизировать образовательные поиски в актуализации профессиональных знаний студентов, мы в данной статье в качестве примера обращаемся к исследованиям по медицинской терминологии. Украинские исследователи, работающие в этом направлении, историки медицины отмечают, что медицинская лексика является одной из древнейших профессиональных терминосистем. Она формировалась на собственной языковой основе, усваивая все то, что уже было выработано мировой цивилизацией (Ganitkevich 2002; Misnik 2002; Pavlovskiy 2005; Petrova 1998; Petruh 2014).

Из истории. Лингвострановедческая проблематика интенсивно и заинтересованно разрабатывалась в Украине - в методике преподавания русского, а потом и украинского языка иностранным гражданам. Достижения украинских исследователей и практиков вызвали значительный интерес у исследователей лингводидактических процессов. Термин *лингвоукраиноведение* был в определенной степени заимствованием, калькой, однако, внедряя его, мы хотели направить поиск украинских лингводидактов в этом перспективном и, как нам казалось, актуальном направлении. Со временем пришло понимание, что речь идет, собственно, о двух методических явлениях лингводидактики – лингвоукраиноведении и украинолингвоведении (Onkovich 1997; 2001; 1999).

Потребность в обоих терминах, по нашему мнению, определялась развитием методической науки. Практика показала, что эти ответвления могут быть отдельными дидактическими направлениями.

На первый взгляд может показаться полное тождественность этих понятий (Oncovich 2003; 1999).

Однако они, несмотря на общие терминосоставляющие, отличаются. Мы считали, что термин *лингвоукраиноведение* должен обслуживать в первую очередь, дидактические потребности украинского языка. Он включает ряд понятий, языковых явлений, факты из истории языка, происхождения слов, интересных явлений вокруг слова - все, что имеет отношение к украинскому языку как к мировому феномену. Но в лексическом запасе языков мира немало таких слов, которые становятся языковыми знаками определенной национальной культуры: в одном языке - образы, отражающие наличие ив, прудов, тополей, реки или моря: в другой - эвкалиптов, верблюдов, оазисов или пустынь: в третьей господствуют образы бесконечно высокого неба, бескрайней степи, таинственно-возвышенных гор, а в четвертой – сжатость джунглями или ущельями, безмолвие ледников или тундры (Koponenko 1996, 121), ведь речь о природе и является не только формой бытия каждого этноса (народа, нации), но и самим бытием.

На языке зафиксировано явления различных культурных стратов, разных миров. Однако каждый язык содержит явления национальной культуры, сконденсированные в слове. Они по-разному воспринимаются в том или ином возрасте, носителем той или иной культуры. В любом случае за этим словом стоит определенный текст - вербальный или невербальный, знания по тому или иному виду человеческой деятельности. И это - область *украинолингвоведения*. Поэтому, на наш взгляд, возникла необходимость еще в одном лингвокультурологическом термине - «*слово-тема*», которому принадлежит видное место в расширении культурной памяти учащихся. Мы проиллюстрировали это в пособии «Хата: слово-тема и культурознак» (Onkovich 2001; 1994; 2010).

Мы привели только один пример того, как идеи, изложенные Е. Верещагиным и В. Костомаровым в начале 70-х годов в книге «Язык и культура» (Vereshagin, Kostomarov 1973), приобретали развития, распространения. Впоследствии, по мнению авторов, суть идей этой работы не устарела, однако форма требовала модификации (Vereshagin, Kostomarov 1999; Donets 2002).

Активизировалось понятие «лингвокультурология» с термином «*лингвокультурема*» (Vorobyev 1997). Упрощая и схематизируя ситуацию, исследователи различали: а) слово (выражение, фразу, фразеологизм) - единицу, значение которой является обобщение примеров ее применения; б) термин - единицу, значение которой задано более или менее произвольной дефиницией; в) лингвокультурему - единицу, значение которой является репрезентация какого-то значимого текста (Vorobyev 1997, 76).

Со временем В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвикова (1999, 252-260) пришли к выводу считать целесообразным каждой из единиц семиотической системы языка, за которой стоит определенный когнитивный смысл, определенное знание, определенная информация (иногда даже оформлена в текст), дать общее имя, назвав их *логоепистемами* (с греческого: логос - слово, эпистема - знание), то есть знание, которое хранится в единице языка. Логоепистемы функционируют в текстах как голос прошлого и часто используются при объяснении современных проблем. Источником логоепистемы может быть: 1) народное поэтическое творчество; 2) памятники истории и общественной мысли, а также специальные исследования по различным отраслям знания; 3) высказывания выдающихся деятелей науки, искусства и литературы, 4) литературные произведения как вторичные смоделированные

системы; 5) выдающиеся личности как модель национальной личности; 6) мысли и суждения иностранцев о нации и культуре как сопоставимый фон. В это время мы и выделили новые лингводидактические понятия *слово-тема* и *культуроснак*, развивая мысли исследователей лингвистов, культурологов. Они отличаются от «просто слова» тем, что, как результат компрессии определенных знаний, требуют приемов по развертыванию этих знаний в методическом поле - прежде культурологического, профессионально ценностного плана. Понятие «слово-тема» - единица, значение которой предполагает презентацию какого-то значимого знания, а «культуроснак» - единица, которая это значимое знание вобрала в себя (Oncovich 1994; 2010; 2011).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Мы считаем, что тема отраслевого лингвострановедения должна развиваться. В разработанном нами спецкурсе «Отраслевое лингвоукраиноведение» для студентов медицинского профиля впервые делается попытка включить в образовательное пространство это новое профессионально ориентированное явление - отраслевое лингвоукраиноведение (на примере приобретения медицинской / фармацевтической специальности). Цель изучения курса - научить студентов владеть профессиональными украиноведческими знаниями, развивать их речь и мышление с опорой на эти знания, развивать и обогащать образно-эмоциональную память, активизировать понятие «отраслевое \ медицинское лингвоукраиноведение». В программе учитываются межпредметные связи новой дисциплины с курсами социально-гуманитарных и профильных дисциплин. Курс условно делится на два блока: 1) общее лингвоукраиноведение и 2) отраслевое лингвоукраиноведение.

Исследователи считают, что медицинскую терминологию следует развивать и нормализовать с учетом ее национальных и международных функций и специфических черт - наличием подавляющего числа терминов иноязычного происхождения. Н.Мисник и Л.Симоненко отмечают, что в решении проблемы взаимодействия национальных и международных компонентов выделяют такие три аспекта: 1- учет традиций терминопотребления, которые в медицине складывались на протяжении веков; 2 - целесообразность использования имеющихся в родном языке эквивалентных иностранных терминов; 3 - создание новых терминов по словообразовательным моделям украинского языка (Місник 2002).

Среди собственно лингвистических проблем, связанных с развитием украинских терминов, содержащих специфические национально языковые черты, сегодня Я. Ганиткевич выделяет шесть: 1) разработка критериев антирусификации современных терминосистем, в связи с чем требует проработки проблема русификации в украинской терминологии ; 2) выявление англицизмов (американизмов) в разных терминосистемах и научное обоснование целесообразности их употребления; 3) выяснение роли и места интернационализмов и их национальных соответствий в разных терминосистемах; 4) способы отбора названий предметных действий; 5) способы отбора наименований предметных признаков; 6) орфоэпические и орфографические проблемы. Названные вопросы означают только первое приближение к комплексу проблем, связанных с национальным своеобразием современного украинского термина. Я.Ганиткевич считает исследование путей формирования украинской медицинской терминологии, которая является основой украинского научного медицинского языка и литературы, важной проблемой украинской истории медицины, а затем - должен занимать почетное место в нашем «треугольнике» в «углу» КУЛЬТУРА.

Медицинскую лексику исследователи справедливо считают одной из древнейших профессиональных терминологий и отмечают, что она формировалась на собственной

языковой основе, усваивая все то, что в момент его создания выработала мировая цивилизация. Основные украинские медицинские названия-термины возникли еще в праславянскую эпоху, отражая жизнь и потребности человека. Первые слова-термины для обозначения частей тела, недугов и их лечение появились в устном народном праукраинском языке, в преданиях, легендах, устном народном творчестве и в народном лекарстве того времени. Некоторые названия болезней, пожалуй, сохранились еще с дохристианских времен (Ganitkevich 2002; Petruh 2014). Народные анатомические, физиологические и патологические названия-термины появились в процессе развития народной и традиционной медицины, закрепились в народно-разговорной речи, среди прочего эмпирическим опытом стали передаваться от поколения к поколению.

Высокий уровень культуры и знаний был в Киевской Руси-Украине. Народные лекари, которые действовали в X-XII вв., развивали и уточняли народные медицинские названия. Однако письменных памятников того времени, связанных с народной медициной, почти нет.

Историю развития медицинской терминологии украинские исследователи прослеживают через появление медицинских словарей. Первые словари медицинской терминологии начали появляться еще в XVI-XVII веках. Не будем развивать эту тему, отметим только, что она может быть отдельным разделом при введении нового курса по профессиональному (отраслевому) лингвоукраиноведению.

В 70-х гг. XIX в., почти одновременно на Приднепровской Украине и в Галичине, появляются украинские научно-популярные издания на медицинские темы, первые научные медицинские публикации на украинском языке, возникла необходимость в современной научной медицинской терминологии. Научная обработка украинской терминологии происходила наиболее активно в начале XX века. Одновременно с использованием слов - медицинских терминов украинского устного народного языка и литературного языка началось становление украинской медицинской профессиональной терминологии, составление первых профессиональных медицинских словарей. На страницах основанного Е.Озаркевичем «Врачебного сборника НТШ» (1898) впервые в украинской истории начали систематически публиковать научные медицинские труды на украинском языке, в конце каждого выпуска подавался немецко- и латино-украинский словарь терминов. Е.Озаркевич отмечал, что при образовании украинских терминов нужно учитывать опыт других народов, в частности немцев, чехов, поляков, а также использовать народный язык. В его словаре преобладала тенденция замены латинских и немецких терминов оригинальными названиями, случались некоторые заново созданные слова-термины. В то же время, в словаре нет таких простонародных выражений, например *баба-пупоризка*, которые представлены в некоторых современных медицинских словарях и стали предметом злобной критики недоброжелателей. Исследователи отмечают, что с позиций сегодняшнего дня можно многое критиковать в словаре Е.Озаркевича, но он приводит 39 терминов для обозначения различных абсцессов, 24 термина различных шелестов (шумов), в частности *«спіжовий, кляскаючий, тріскання, скриплення, віддиховий, булькотячий, пильниковий, спадаючого дощу, дмухаючий, муркотання»* и т.п.

Немало терминов из словаря Е.Озаркевича выдержали испытание временем и используются до сих пор: *безвладність, протиотрути, яєчник, місячка, недокровність, знечулення, збочення, корч, протизапальний, вилив крові, кровоток, кровоносні судини, обіг крові, корткзорість* и др.

В Восточной Украине работа над научной медицинской терминологией началась в медицинской секции Украинского научного общества (УНО) в Киеве, которую возглавлял М.Галин. Вопрос украинской медицинской терминологии возник одновременно с первыми публикациями на украинском языке научно-медицинских работ в изданиях УНО. Украинские врачи-ученые - члены секции, впервые на Приднепровье стали одновременно пионерами - создателями современной украинской научной медицинской терминологии. М.Галин большое внимание уделял вопросам терминологии, подготовки словарей. Он ставит вопрос украинской медицинской терминологии на обсуждение секции, призывает членов секции работать над составлением словаря и сам ведет такую работу: до 1917 года он проработал термины на буквы А-М.

Публикуя на украинском языке первые научно-медицинские труды, члены секции употребляли термины, которые применялись в литературной и разговорной речи, в быту и сохранились до сих пор, например: *більмо, блювота, вивих, вилив крові, запалення, запаморочення, зіниця, знесилення, кашель, корчі, кровотеча, ліки, набряк, недуга, нудота, операція, параліч, пацієнт, пульс, синьці, харкотиння, шпиталь* и т.п. Большинство специальных медицинских терминов авторы создавали на основе латинской терминологии, используя их в форме, которая сохраняется до настоящего времени (иногда с незначительными изменениями орфографии): *анальгезія, анестезія, аневризма, антагоністи, антитіла, артерія* и т.п.

Часто названия болезней писали на латинском или немецком языках. Вместе с тем, в тексте этих первых работ встречается немного названий болезней и терминов, перенесенных непосредственно из народной речи. Из-за недостаточной ясности изложения такие термины чаще представляли параллельно с латинскими или немецкими. Например: *боляк, гнойовик (абсцес), б'ючка (артерія), водниця (водянка), гніт (тиск), жили (судини), заникливість (атрофія), збур (запалення), зизооче (зизоокість), злучниця (кон'юнктива), кила або гила (грижа), мізківка (сітківка), новорости (новоутвори), очна банька (очне яблуко), плин (рідина), прозорка (рогівка), полуда (катаракта), сечепуст (сечовипускання), слизниця (слизова оболонка), сочка (кришталік), ураз (матка), ятрити (подразнювати)* и др.

Киевский хирург Мартирий Галин был одним из активнейших создателей украинской медицинской терминологии, подобно, как и львовский врач Евгений Озаркевич, стремился развивать украинскую научную медицинскую терминологию на основе украинского языка и народных терминов, и делать это на примере традиций формирования терминология в латинском и греческом языках. Как большую заслугу перед украинской наукой исследователя О.Корчака-Чепурковского отмечают тот факт, что большая часть чисто украинских и заимствованных из латинского языка терминов, впервые внедренных им в номенклатуру болезней, осталась в ней на все последующие десятилетия, стала основой современной украинской медицинской терминосистеме.

С анализом потребности упорядочения научной речи медицинских текстов выступил академик НАМН Украины М.П.Павловский, автор, научный редактор многих научных трудов на украинском языке, составитель словарей (Kononenko 1996). Он отмечал, что частым нарушением норм украинского языка является злоупотребление чужой лексикой, применение неукраинских словообразований, слов-перевертышей, двусмысленность высказываний, копирование российских речевых оборотов. Некоторые термины переносятся в украинский язык без перевода, например: *озноб* (вместо *лихоманка*), *спайки* (*зрощення, злуки*), *бинтування* (*бандажування*). Неправильно используются суффиксы в терминах,

например: *регуляторні (замість регуляційні), овуляторні (овуляційні), компенсаторні (компенсаційні), пальпаторно (пальпаційно), медикаментозне (медикаментне)*. Неправильное употребление таких слов, как *непереносимість (замість несприйнятливість), оперативне втручання (операційне), паренхіматозний (паренхімний), медико-хірургічна (має бути медично-хірургічна), згортання крові (зсідання)* и др.

За годы независимости Украины проведена большая работа по разработке украинской научной терминологии, в т.ч. медицинской. Проходят конференции по проблемам украинской терминологии, в т.ч. всеукраинские и международные. В некоторых словарях нашли отражение и новые попытки формирования украинской медицинской терминологии: Мусий А., Нечаев С., Соколик А., Гаврилюк С., «Російсько-український медичний словник», Киев, 1991; Умань, 1992; Нечай, С. «Словник чужослів мови медика», Киев, 2000; Нечай, С. «Російсько-український медичний словник з іншомовними назвами» (Київ: «Третьє тисячоліття», 2000) насчитывает 15000 слов, указана основная медицинская иноязычная терминология, слово-источник. Авторы предлагают несколько украинских соответствий, на последнем месте то, который считался до сих пор приемлемым или даже единственным.

Широкое признание специалистов-медиков и лингвистов получил изданный под редакцией М.П.Павловского и др. двухтомный «Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник» (Львов, 1995), который охватывает 33 тыс. терминов. Ценным изданием для тех, кто впервые начал писать медицинские труды на украинском языке, стал «Російсько-український словник медичної термінології» (Наукова думка, Киев, 1996). В нем переведены 30000 медицинских терминов, которые широко используются современной наукой. К одному русскому термину подан один украинский эквивалент, но если в украинском языке встречаются синонимы, то они подаются в последовательности от нормативного, эквивалентного и наиболее употребляемого в языке. (Ganitkevich 2002; Petruh 2014 и др.)

Мы пересказали некоторые примеры из исследований украинский специалистов, которые разрабатывают медицинскую терминологию. Эти материалы используются в высшей школе Украины в лекциях по терминоведению. Задача нового курса, предлагаемого нами, состоит в том, чтобы системно усвоить не только терминологический, но и украиноведческий материал, который будет способствовать национальному воспитанию студентов средствами языка, культуры и украиноведения, обеспечит высокое интеллектуальное развитие, будет способствовать повышению профессиональной, языковой, культурологической, медиаобразовательной, социокультурной и коммуникативной компетенций.

По учебному плану предусмотрено лекционный курс, практические занятия, самостоятельная работа и индивидуальные задания. Кроме ярко выраженной познавательной направленности, предлагаемая дисциплина имеет важное воспитательное значение, содержит два блока: «Общее лингвоукраиноведение» и «Медицинское / фармацевтическое лингвоукраиноведение». Отраслевой (второй) блок состоит из нескольких комплексных тем-занятий. Представим некоторые из их:

1. Растительные слова-символы. Символы - названия существ. Символика предметных названий. Лечебные растения и их свойства. Народные названия лекарственных растений: украиноведческий аспект. Символика названий явлений природы.
2. Украинские названия болезней, происхождение, признаки, способы лечения. Украинские названия болезней в лингвистических исследованиях.

3. Украиноведение: народные методы лечения: от древности до современности. Термины украинского происхождения.

На практических занятиях студентам предлагается ознакомиться и представить с позиций лингвоукраиноведения профессиональные издания, сайты, блоги, обратить внимание на украиноязычные названия соответствий. Предлагаются: 1) «Фармацевтична енциклопедія» - украинское справочное издание, которое содержит статьи по фармацевтической науке и практике: конструирования лекарственных систем, представляет методы контроля и реализации, сертификации, стандартизации лекарственных средств, изучения лекарственных растений лабораторная диагностика и тому подобное. Энциклопедия предназначена для работников фармацевтической отрасли, врачей, студентов. 2) «Лікарські рослини: енциклопедичний довідник» - украиноязычное справочное издание, рассчитанное на врачей и широкий круг всех, кто интересуется лекарственными растениями. Справочник содержит 1297 статей и 754 иллюстрации. В книге кратко описаны лекарственные растения, рассмотрены их морфологические и ботанические сведения, способы заготовок, хранения и использования, представлены их химический состав. Приведены распространенные рецепты приготовления лекарств с применением целебных растений.

Еще одно практическое занятие посвящено новейшим медиаисточниками, способствует развитию медиакомпетентности будущих специалистов. Обращение, например, к представлению фармацевтической отрасли в Украинской Википедии ориентирует студентов на поиск профессиональных статей, на их наличие в латинском и англоязычном разделах Википедии, что улучшает знания профессиональных понятий на этих языках: Самостоятельная работа по профессионально ориентированной дисциплине «Отраслевое лингвоукраиноведение» включает в себя проработку лекционного материала, подготовку к практическим занятиям, а также обработку материала, который не излагается на лекциях. Поэтому целью самостоятельной работы по курсу является развитие социокультурной, коммуникативной и медиаобразовательной компетенций соискателей высшего медицинского образования, приобретения ими знаний социально-культурной маркованности.

ВЫВОДЫ. Функционирование и совершенствование медицинской терминологии под углом профессионально ориентированного лингвоукраиноведения поможет расширить профессиональную, языковую, культурологическую компетентности будущих специалистов. Считаем целесообразным предложить подобный курс в высшие учебные заведения разных направлений подготовки.

LIST OF REFERENCES

- Vereschagin, E.M., Kostomarov V.G. (1999). V poiskah novyih putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya reche-povedencheskih taktik. – M.
- Vereschagin, E.M., Kostomarov V.G. (1973). Yazyk i kultura. – M.
- Vorobev, V.V. (1997). Lingvokulturologiya (teoriya i metody): Monografiya. –M.: Izd-vo RUDN.
- GanItkevich, Ya. (2002). UkraYinskI IlkarI-vchenI pershoYi polovini HH stolIttya ta YihnI naukovI shkoli: blogr. narisi ta bIblIogr. / Yaroslav GanItkevich. – LvIv, 540 s. – ZI zmlstu: [M. Panchishin]. – S. 7, 173, 265, 266, 338-370, 373, 430.

- GanItkevich Yaroslav / Yaroslav Hanitkevych. Rozvitok ukraYinskoYi medichnoYi termInologI
Opublikovano 2021-01-24 // <https://ntsh.org/node/1018>. Data pereglyadu 15.03.21.
- Donets, Z.F. (2002). Pro zasobi vihovannya novoYi lyudini – kulturoznavstvo sontra kulturologIYi// Vischa osvIta UkraYini, – # 4. – S. 104 – 107.
- Kononenko, P.P. (1996). UkraYinoznavstvo: pIdruchnik. – K.: LibId.
- Kostomarov, V.G., Burvikova N.D. (1999). Edinitsyi semioticheskoy sistemyi russkogo yazyika kak predmet opisaniya i usvoeniya// Materialyi IH Kongressa MAPRYaL: Bratislava, 1999. – M. – S. 252-260.
- MIsnik, NatalIya, Simonenko, Lyudmila (2002). Pro "stan zdorov'ya" movi meditsini (termInologIchniy aspekt) // Problemi ukraYinskoYi termInologIYi. VIIsnik Nats. un-tu "LvIv.polIt.". – # 453, – S. 262–269.
- Onkovich, A.D. Onkovich, G.V. (2018). KonferentsIya «Mova I kultura» yak Interaktivna mediaosvItiyna tehnologIya // MOVA I KULbTURA. (Naukoviy zhurnal), K.: Vidavnichiy dIm Dmitra Burago, - T. 191. – S. 486 – 491
- Onkovich, G. (1999). LIngvoukraYinoznavstvo na urokah rozvitku movlennya // Divoslovo, # 3. S.7-14.
- Onkovich, G.V. (1997). UkraYinoznavstvo I IIngvodidaktika. – K., - 105 s.
- Onkovich, G.V. (2001). «UkraYinoznavstvo I IIngvodidaktika» – serIya navchalnih knig z IIngvoukraYinoznavstva // Problemi pIdruchnika dlya vischoYi shkoli : zb. materIalIv nauk -metod. konf., VIInnitsya, 29–30 trav. 2001 – VIInnitsya: UnIversum, – T. 2. – S. 51–55.
- Onkovich, G.V. (2003). KulturologIchna aura yak pedagogIchna spadschina M.P.Dragomanova: MaterIali pershih MIzhnarodnih dragomanovskih chitan: 30 veresnya–2 zhovtnya 2003 r. / Ukl. G.I.Volinka, V.P.SergIEnko, L.L.Makarenko. – K.: NPU ImenI M.P.Dragomanova, Vipusk 2. – 274 s. – S.109-114.
- Onkovich, G.V. (1993). LIngvoukraYinoznavstvo na zanyattayah z rozvitku movlennya// Ukr. mova ta IIt-ra v shkoll. – # 2. – S. 7-16.
- Onkovich, G.V. (1999). UkraYinolIngvoznavstvo ta IIngvoukraYinoznavstvo – chi totozhnI tsl ponyattya? // Nauka I suchasnIst: zb. nauk. pr. / Nats. ped. un-t Im. M. P. Dragomanova ; redkol.: M. I. ShkII (golova) [ta In.]. – KiYiv: Logos, – Ch. III. – S. 141–149.
- Onkovich, G.V. (1994). Slovo-tema yak zgornutiy natsIonalno-kulturniy tekst I metodika yogo aktualIzatsIYi v auditorIYi studentIv-InozemtsIv // Tekst i metodika ego analiza: materialyi VII Mezhdunar. nauch. konf. –Harkov: [b. i.]. – S.98-102.
- Onkovich G.V. (2010). Hata: slovo-tema I kulturoznak. MovnI stilI : navch. posIb. / G. V. Onkovich ; NAPN UkraYini, In-t visch. osvIti. – KiYiv : [In-t visch. OsvIti NAPN UkraYini], – 71 s.
- Onkovich, Ganna (2011). «DIalog kultur» yak suchasna pedagogIchna tehnologIya // Vischa osvIta UkraYini : teoret. ta nauk.-metod. chasop. / In-t visch. osvIti NAPN UkraYini. – KiYiv, – # 4. – S. 42–48.
- Pavlovskiy, M.P. (2005). Sche raz pro potrebu uporyadkuvannya naukovoyi movi medichnih tekstIv. Shpitalna hIrgIya. - # 2. – S. 6-15

- Petrova, Olga. (1998). Dzherelna baza lingvistichnogo doslidzhennya narodnoyi medichnoyi terminologiyi v ukraïnskyi movi. Problemi ukr. terminologiyi. Visnik derzhavnogo universitetu «Lvivska politehnika» # 336. Lviv, – 289-291)
- Petruh, L. (2014). IstorIya rozvitku medichnogo slovníkarstva / L. Petruh // PratsI naukovoġo tovaristva Im. Shevchenka. Likarskiy zbirnik. Meditsina i biologiya. - 2014. - T. 38, T. 24. - S. 22-33. - Rezhim dostupu: http://nbuv.gov.ua/UJRN/pntsh_lik_2014_38_24_6.
- Shevchuk, S.V., Klimenko I.V. (2011). Ukraïnska mova za profeslynim spryamuvanniam : Pidruchnik. - 2-ge vid., viprav I dopovnen -K Alerta, - 696 s.

For citation:

Onkovych, A. (2021) Sectoral linguo-country studies (on the example of medical linguo-Ukrainian studies) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 91-101. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-91-101>

Для цитирования:

Онкович, А. В. (2021) Отраслевое лингвострановедение (на примере медицинского лингвоукраиноведения) // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). с. 91-101. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-91-101>

Information about the author:

Anna Onkovych - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Ukrainian and Latin Languages, Kyiv Medical University, full member of the T. Shevchenko Scientific Society, member of the editorial boards of scientific professional publications (“Обрії друкарства” – Editor-in-chief, “Вища освіта України” – from the day the publication was founded to 2015, deputy editor-in-chief, “Мова і культура”, “Дивослово”, “Наукові студії”, “Креативна педагогіка”, “WEST-EAST”). For many years, she headed the bureau of the journal "Рідна школа" (USA) in Ukraine. Moderator of 15 pages of professionally-oriented pages on the social network Facebook. Kyiv, Ukraine.
email: onkan@ukr.net

Сведения об авторе:

Онкович Анна Владимировна - доктор педагогических наук, профессор кафедры украинского и латинского языков, Киевский медицинский университет, член Научного общества имени Т. Г. Шевченко, член редакционных коллегий научных профессиональных изданий ("Обрії друкарства" – главный редактор, "Вища освіта України" - со дня основания издания до 2015 года, заместитель главного редактора, "Мова і культура", "Дивослово", "Наукові студії", "Креативна педагогіка", "WEST-EAST"). В течение многих лет возглавляла бюро журнала "Рідна школа". (США) в Украине. Модератор 15 страниц профессионально ориентированных страниц в социальной сети Facebook. Киев, Украина
email: onkan@ukr.net

Manuscript received: 15/01/2021
Accepted for publication: 14/02/2021
Рукопись получена: 15/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

PEDAGOGICS

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-102-107>

SOCIAL MEDIA IN LANGUAGE LEARNING PROCESS

Rusudan Gogokhia
Doctor of Philosophy in Education
Associate Professor of European University
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: rusudangogokhia@yahoo.com

Abstract. The article discusses the need for the use and development of modern information and communication technologies in education. Technology is everywhere and therefore it is intertwined with our daily lives. That is why the purposeful use of technology in the classroom offers more opportunities for learning and makes the educational process more accessible and flexible. We want to turn our students' classroom into a diverse space where the learning process for students will be not only interesting but also enjoyable. The study shares our case of using social media in English language teaching and secondly, explores students' use of social media. Questions were set up in the survey. Online questionnaire was designed to capture the situation of students' use of social media for English learning. Students were found to be using social media for English language learning. According to the scores students' most popular tool for English learning is YouTube. They also used Facebook, Wikis and WhatsApp to learn English. No great difference of the mean scores between genders. The high frequencies of students using social media to share and obtain materials with each other to complete assignments.

Key words: social media, online resources, learning platforms, media didactics, internet didactics, blog didactics, webinarodidactics

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Русудан Гогохия
Доктор педагогики, ассоциированный профессор
Европейский университет
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: rusudangogokhia@yahoo.com

Аннотация. В статье обсуждается необходимость использования и развития современных информационных и коммуникационных технологий в образовании. Технологии повсюду, поэтому они неразрывно связаны с нашей повседневной жизнью. Поэтому целенаправленное использование технологий в классе открывает больше возможностей для обучения и делает учебный процесс более доступным и гибким. Мы хотим превратить класс наших студентов в разнообразное пространство, где процесс обучения для студентов будет не только интересным, но и увлекательным. В этом исследовании, во-первых, рассматривается наш случай использования социальных сетей при обучении английскому языку, а во-вторых, исследуется использование учащимися социальных сетей

для изучения английского языка. В опросе было задано пять наборов вопросов. Онлайн-анкета была разработана для выявления ситуации, в которой учащиеся используют социальные сети для изучения английского языка. Было установлено, что студенты используют социальные сети для изучения английского языка. Согласно оценкам, самым популярным инструментом студентов для изучения английского языка является YouTube. Они также использовали Facebook, Wikis и WhatsApp для изучения английского языка. Нет большой разницы в средних баллах между полами. Студенты часто используют социальные сети для обмена и получения материалов друг с другом для выполнения заданий.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-ресурсы, обучающие платформы, медиадидактика, интернет-дидактика, викидидактика, блогодидактика, вебинародидактика

INTRODUCTION. The use of social networks in foreign language teaching is an important innovation of recent years. The pedagogical practice has clearly shown me the benefits that come with integrating e-learning into a foreign language. Language learning and communication take place naturally and simultaneously. The best way to learn a foreign language is to interact with people who speak the language and natural texts. These sites offer the language learner the opportunity to communicate in one common language, to find topics and information of interest to him/her. According to studies, language learning is both social and interactive, so this method facilitates foreign language learning. The language learner can create an interesting and comfortable environment for him/her to learn the language, provide comfortable, convenient conditions for mastering the material (Akram & Albalawi 2016).

Mastering social media language is not just about browsing websites and videos or sharing interesting links, although some forms are a logical component of the method, attitude is important. Social media contains an element of language interactive fun for the development of language learning. The social aspect allows for communication with native speakers. It should be noted that this can be done without leaving home. Social media can ensure self-accountability. It is possible to check progress to achieve the goal. It becomes self-encouraging. Learning a language is facilitated by videos, newscasts, and conversations about the cultural aspects of the country where the target language is spoken. Language teaching is a social and interactive process. Technology is not a method and technology itself does not improve teaching and learning; Moreover, this is how technology is used that can lead to learning (Hadjerrouit 2014).

Electronic devices have significant potential in terms of learning / teaching. Language groups are a starting point for many people. They helped a lot in mastering the language. This is one of the good ways to learn through communication. Use social media platforms that we have at our disposal all the time.

LITERATURE REVIEW. In his book, *Global Achievement*, Tony Wagner argues that there are several essential skills that learners need in the 21st century and how technology can help them acquire those skills.

- Thinking and problem solving is critical
- Speed and adaptability
- Initiative
- Effective oral and written communication
- Access and analyze information
- Curiosity and imagination

Popular social networks are: Facebook - This is a good platform for communication. There are different language groups and some groups are the only target language speakers. All students use Facebook to communicate with each other, it is a simple and intuitive way of communication. Students can evaluate progress and receive feedback. View comments, re-upload files. Ask each other questions and answer accordingly. The teacher can provide additional material through Facebook. Students exchange information and useful materials with each other, using critical thinking. Try to find the necessary and necessary courses for learning through social media. Can explain why they are looking for the necessary materials, sharing assignments with each other. Acquire the necessary skills and share different materials and knowledge with each other (Derakshan & Hasanbassi 2015).

YouTube - Social Media for Gold Learners, created in 2011, uploaded 237 videos with over 300K views and 900 subscribers as early as 2016. YouTube is the best English language learning platform, endorsed by the world's leading educational organizations, and YouTube-based Teacher Tube (<http://www.Teachertube.com/>), designed specifically for educational purposes, combines video, audio, documents, photos, groups, and groups. And blogs. YouTube channel created video tutorials. Students can use YouTube to access a variety of materials. It is the most famous website.

Twitter - helps users to integrate language work into their daily social life so that the process is not directly focused on language learning, but on language learning through interaction and collaboration with a language carrier.

Blogs and wikis - used to share information, discussions and collaboration. Forums, blogs have been used since 2006 as a form of extracurricular online learning. There are many entertaining and exciting language learning blogs. Blogs are geared towards promoting learning and thinking. Blogs are true repositories of information. They provide invaluable advice and resources. Examples of wiki usage include: group writing, gathering information on a learning topic. Wikipedia's, forums, and blogs are mostly used for group writing. As a facilitator of the writing process, for online discussion. The e-learning platform, originally created by Moodle constantly updates new elements of teaching and learning, Moodle is integrated with the Wiki, which facilitates more writing (Warschauer & Blake 2016).

Moodle - is especially popular because of its ease of use and convenience, on which, on the one hand, the training material can be placed in all operations (visualization, testing, linking to the required links, auditing, and integration of video links or recordings) that facilitate the acquisition of material. Helps learners develop language skills by creating a variety of exercise and testing systems. Integrated for course management and pedagogical tasks. In foreign language courses it is possible to use these platforms for giving and evaluating assignments, it is possible to conduct the whole course on the platform, as well as to use only certain components in cases where the existing teaching materials do not cover learning needs or are insufficient, monotonous, etc. Sh.

WhatsApp - a messaging app that spans the globe. More than a billion people use this social device in 180 countries. It is easy to communicate and learn from those who post in the target language (Balakrishnan & Lay 2016).

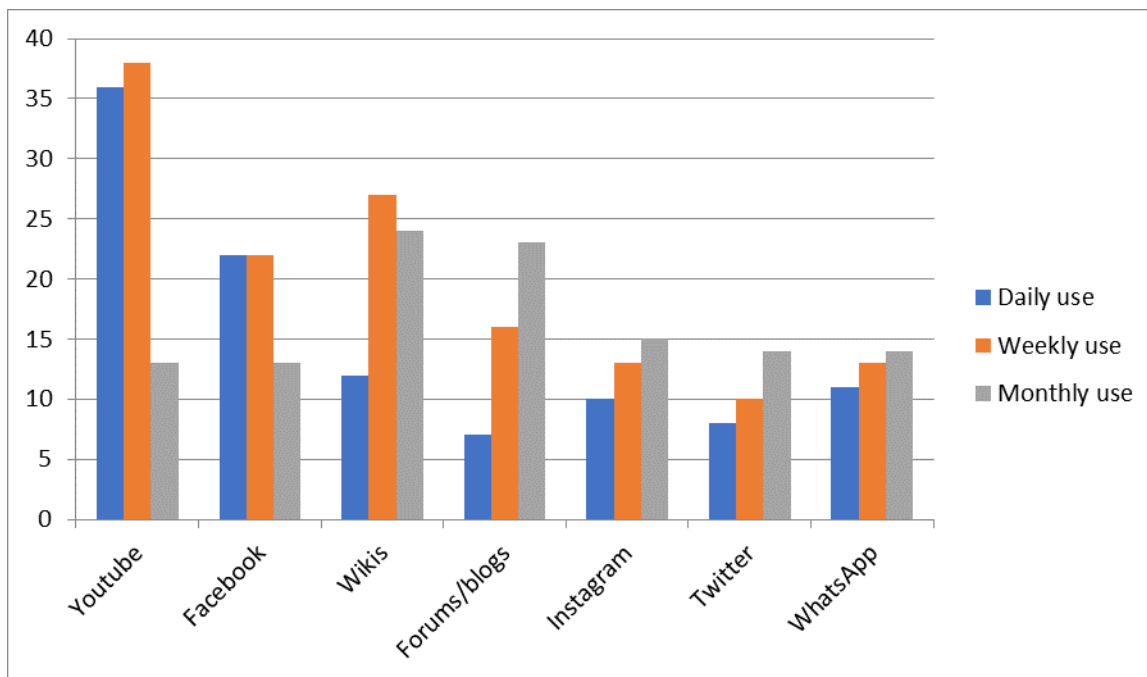
Idiomplus was one of the first social media programs to learn the language. It focuses on the integration of social media channels to stimulate conversation among learners, which in turn allows for the creation of a more natural method.

In teaching English, the use of social media has evolved over the years. The integration of formal and non-formal learning is proposed as an improvement on formal language learning. It has also been found to be a promising approach to support students' self-regulatory learning. In addition, social media facilitates communication and sharing of materials between users. According to studies, the average person spends more than 5 years on social media.

RESEARCH METHOD. The study used questions focused on students' learning of social media in English (Voyce Li.2017). The sets of questions below were created and seven social media tools (YouTube, Facebook, wiki, blog/forum, Instagram, Twitter, WhatsApp and) were included in the study. An online questionnaire was created to capture students' use of English for learning social media. Students were invited to the survey by email. Only respondents who used social media were surveyed for the study. Survey questions are:

1. How often do you use social media to learn English?
2. Do you use social media daily, weekly, monthly if you do not use it to learn English?
3. How often do you use social media to get relevant course materials?
4. How often do you use social media for unnecessary course materials?
5. How often do you use social media to study with your classmates?
6. How often do you use social media to study with your teacher?
7. How often do you use social media to share materials, including information, links, files, etc., with homework?
8. How often do you use social media to get information from your classmates, including, but not limited to, your homework?

RESULTS AND DISCUSSIONS

It was found that the majority of students use social media to learn English. Students most often use YouTube, Facebook, Wikis. Use social media to explore necessary and essential materials. They often share the obtained materials with each other. There was an obvious tendency of students to interact with each other rather than with the teacher. Not surprisingly, YouTube is the most commonly used English language learning tool by students. YouTube has been identified as the best way for students to learn English. Based on the high percentage of both daily and weekly users, Facebook was also used daily and weekly. Female students are more actively using social media for learning activities than male students. Female students are more likely to use WhatsApp,

Instagram, while male students are more likely to use Wikis, forums or blogs. Three-quarters of students use YouTube to learn English, followed by Facebook and WhatsApp. Wikipedias are used weekly or monthly. An equal percentage of students used blogs both weekly and monthly.

CONCLUSION. Using social media to support students self-regulatory learning has proven to be a promising approach. Students use social media not only to discuss informal issues. Integrating formal and non-formal learning is a way to enhance formal language learning. A learning strategy should be set first to determine what social media resources are needed to master the language. Social media promotes:

- Communication and quick sharing of information between users.
- Technology increases motivation and allows them to become more independent.
- Students use social media to communicate with each other, share different materials.
- Students effectively use their preferable media outlets to deepen their knowledge to help increase the value of learning.
- The use of technology increases the abilities of learners.
- It can be used at different times.
- Technology plays an important role in everyday life.
- Learners need knowledge of digital and electronic literacy For communication at the international level,

Teachers should facilitate the sharing of knowledge in terms of collaborative learning, increase student awareness, and ensure appropriate training. The impact of social media on foreign language learning/teaching should no longer be neglected. This new era of learning is welcome.

The inclusion of electronic means in the learning process should ensure the development of all the necessary skills and competencies and the ability to assimilate the knowledge needed to achieve the learner's goal, and he should fill gaps that accompany only traditional, face-to-face language teaching. By integrating electronic language tools into the course, it is possible to diversify the complex and long process of language learning. E-learning platforms are an important resource for foreign language learners, representing an important and growing segment in the modern educational space.

LIST OF REFERENCES

- Akram, M. S., & Albalawi, W. (2016). Youths' social media adoption: Theoretical model and empirical evidence. *International Journal of Business and Management*, 11(2), 22-30. <http://dx.doi.org/10.5539/ijbm.v11n2p22>
- Balakrishnan, V., & Lay, G. (2016). Student's learning style and their effects on the use of social media technology for learning. *Telematics and Informatics*, 33, 808-821.
- Biletsky, V., Onkovych, A. & Yanyshyn O. (2019) Media education technologies in developing students' professional competence // *International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST "* (ISPOP). *Scientific Journal "WEST-EAST"* Vol. 2\2, N1 (October, 2019), p.p. 110-114. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-110-114>
- Derakshan, A., & Hasanbassi, S. (2015). Social networks for language learning. *Theories and Practices in Language Studies*, 5(5), 1090-195. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0505.25>.

- Gogokhia, R. (2020) Memory Types in Foreign Language Learning // International Scientific Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”, Vol. 3, N1 (March, 2020). pp. 71-77. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-1-71-77>
- Hadjerrout, S. (2014). “Using wikis to evaluate student’ contributions to collaborative writing in teacher education,” in Computer Supported Education Anonymous Springer, pp. 3-18.
- Kamnoetsin, T. (2014). Social Media Use: A Critical Analysis of Facebook’s Impact on Collegiate EFL Students’ English Writing in Thailand. Seton Hall University Dissertations and Theses (ETDs)
- Onkovich G.V. Mediaosvita yak pedagogichna tehnologiya // Innovaciyi ta tradiciyi u movnii pidgotovci inozemnih studentiv: tezi dopovidei mizhnarodnogo naukovopraktichnogo seminaru. – H. : Vidavnictvo Ivanchenka I. S.264 – 270. - 2019. – 438 s. ISBN 978-617-7675-00-7
- Voyce Li. (2017). Social Media in English Language Teaching and Learning. www.researchgate.net/publication/317380048_Social_teaching_and_Learning.
- Warschauer, M., & Blake, R. (2016). Language learning through social networks. Language Learning and Technology, 20(1), 124-147. Retrieved 18 June 2017 from https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/44449/1/20_01_linwarschauerblake.
- Sim, M., & Pop, A. (2014). The impact of social media on vocabulary learning: Case study Facebook, in Annals of the University of Oradea. Economic Science Series, 23(2), 120-130. Retrieved 18 June 2017 from <http://anale.steconomiceuoradea.ro/volume/2014/n2/013.pdf>.

For citation:

Gogokhia, R. (2021) Memory Types in Foreign Language Learning // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 102-107. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-102-107>

Для цитирования:

Гогохия, Р. (2021) Типы памяти в обучении иностранному языку // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol. 5, N1 (March, 2021). С. 102-107. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-102-107>

Information about the author:

Rusudan Gogokhia - Doctor of Philosophy in Education, Associated Professor of European University (Georgia).
e-mail: rusudangogokhia@yahoo.com

Сведения об авторе:

Русудан Гогохия - доктор педагогики, ассоциированный профессор, Европейский университет (Грузия)
e-mail: rusudangogokhia@yahoo.com

Manuscript received: 13/01/2021
Accepted for publication: 14 /02/2021
Рукопись получена: 13/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” - ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-107-112>

USING LEARNING PORTAL IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Leila Diasamidze
Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor
Batumi Shota Rustaveli State University
(Batumi, Georgia)
e-mail: leila.diasamidze@bsu.edu.ge

Abstract. Textbooks with the topics presented in the teaching materials do not always correspond to the needs and a wide variety of students' interests. A personality-oriented approach and the creation of a relaxed situation of immersion in linguistic realities are required. It is possible to increase students' motivation for a more in-depth study of a foreign language with the help of a pre-developed program and events and uploaded onto a special portal with open access for students of various faculties and specialties. The concept of creating a portal and a language laboratory, proposed by us in the article, contributes to helping students overcome the difficulties associated with mastering a foreign language. An independent choice of cognitive material, personalization of training, taking into account the interests of students, are possible when using a significant number of cognitive educational sites on the proposed portal.

Keywords: motivation, special portal, foreign language, study sites, media education, internet didactics, blog(site)didactics

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБУЧАЮЩЕГО ПОРТАЛА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Лейла Диасамидзе
PhD, ассистент профессора
Батумский государственный университет
имени Шота Руставели
(Батуми, Грузия)
leila.diasamidze@bsu.edu.ge

Аннотация. Пособия с тематикой, представленной в учебных материалах, далеко не всегда соответствуют запросам и разнообразию интересов студентов. Необходим лично – ориентированный подход и создание непринужденной ситуации погружения в языковые реалии. Повысить мотивацию студентов к более углубленному изучению иностранного языка, возможно с помощью заранее разработанной программы и мероприятий, рассчитанных на год и опубликованных в специальном портале, в открытом доступе для студентов различных факультетов и специальностей. Предложенная нами в статье концепция создания портала и языковой лаборатории, вносит свою лепту в помощь студентам в преодолении трудностей, связанных с освоением иностранного языка. Самостоятельный выбор познавательного материала, персонализация обучения с учетом интересов студентов, возможны при использовании значительного количества познавательных учебных сайтов на предлагаемом портале.

Ключевые слова: мотивация, специальный портал, иностранный язык, учебные сайты, медиаграмотность, медиаобразование, интернет-дидактика, блог(сайто)дидактика

INTRODUCTION. In today’s media-saturated world, learning and teaching foreign languages is impossible without the use of information technologies. Younger generation grew up in front of computer screens, with smartphones, communicating through social networks; chats, blogs. Contemporary generation is used to receiving information, first of all, not through the sign writing system, but through visual images, perceptually. Their cognitive system has also changed, thus, the attractiveness of educational materials primarily depends on the usual format of obtaining knowledge via digitally rich learning environment, i.e. screen displays; in the form of bright and colourful pictures with sound.

In terms of rendering foreign language study material to the so-called ‘digital native’ generation of students, recent course books meet most of digitally - modern requirements, namely, they usually comprise:

- digital interactive board, which helps significantly save time and memorize the material with the help of more efficient visual presentation of information;
- interactive version of the course book;
- online workbooks with tasks designed to develop students’ receptive and productive skills in their customary format of information perception;
- supplementary real world relevant video content /footages in terms of language and cultural context which maximize the authenticity of the situation, for instance, in the context of interviews, as well as magazine and documentary styles and other components.

RESULTS AND DISCUSSIONS. It should be noted that course books with topics presented by educational materials do not always correspond to the variety of students’ interests. In view of this, it is necessary to elaborate a person-oriented approach and create a relaxed situation of immersion into language realities. In this regard, the creation of a special university learning portal would meet these objectives by providing the students with: 1. selection of learning material at students’ choice; 2. self – directed learning online tasks with immediate feedback of problematic aspects which have arisen during learning process; 3. event information (film screenings, conversational/writing club, world news discussion clubs, etc.). Consider each item separately.

Selection of learning material at students’ choice, and therefore, personalized learning taking into account the interests of students is possible due to a significant number of educational sites on the Internet, such are some of them:

BBC learning English with fascinating sections such as: The English we Speak, BBC news and 6 Minute English with topics such as Ethical coffee, Bitcoin - digital crypto-currency, what makes a video go viral? The bitter taste of sugar, How much is your spouse worth? etc. (<https://www.bbc.co.uk/learningenglish/>) The material provided on the site can be easily combined, or supplemented, if necessary, to the main ready-made course book material according to the topics studied at that time. For instance, when we studied the ‘Question of Taste’ Unit on food and taste habits, we complimented it with "Street Food: Why is it becoming so popular? " material taken from BBC learning English website, 6 Minute English section. When integrating this material, we used the "flipped lesson" approach, which implies the so-called "inverted" lesson, in which, part of the material is given as a link for self-study (audio material, audio script, a list of new words and an interactive vocabulary and text comprehension exercises). Thus, according to Bloom's taxonomy, based on the principle of a six-step diagram, in the flipped lesson, the first lower levels of cognitive

perception and processing of information, namely, memorization and understanding occur outside the class, however, the highest levels, such as application, analysis, assessment and creation, take place at the lesson. During the lesson, the students were divided into groups and on the basis of combination of studied course book text 'Health Alert' and the audio listening from the BBC learning English website section 6 of Minute English "Street Food: Why is it becoming so popular?" were assigned to extract basic information relating to fast food, distribute it into "positive" and "negative" handout information diagram, express their opinion, analyze the relationship between "harmful" and "popular" and also offer a possible alternative to fast food eating.

British Council Learning English with videos and English-speaking participants showing the realities and familiarizing the learners with the target language culture (<https://learnenglish.britishcouncil.org/>). One of the many notable sections of the site is "Grammar Snack", which provides a large range of grammatical material in the form of authentic dialogues with easily memorable grammatical constructions in various contexts. In this case, at our classes, in addition to role-playing games with a direct repetition of phrases from the dialogue describing everyday actions (for example: "On Mondays, I have swimming practice"), students were divided into two main groups. One of them prepared and asked questions (for example: "What do you do on Mondays?") - the second answered, slightly modeling the content (for example, "On Mondays, I have dance/art classes...").

TED talks site (<https://www.ted.com/>) features talks and conferences - lectures on various topics such as global problems, science, new ideas (for instance: what can we do about culture of hate? ; how can we design timeless cities for our collective future? etc.). Since 2009, TED video podcasts have been available.

No less noteworthy is The English Channel, which combines art and language learning. The site presents interactive videos and exercises for developing English language skills. With these materials, students can expand their vocabulary, practice grammar and language listening skills, as well as get acquainted with modern UK art. The materials of the site are perfectly suitable for country-specific studies presentations, as well as student group projects.

News in levels site provides news from different parts of the world on a vast range of topics (Illegal immigrant is boy's guardian angel; train at your door, tarantula snack) with accompanying audio and the three levels of one and the same text (elementary, pre-intermediate/intermediate, advanced) with authentic video reporting (<https://www.newsinlevels.com/>). This news resource can be personalized according to students' interests. In our case, students chose any news at their choice and in pairs, discussed the event in English.

Considering the specific characteristics of digital-native generation, we assume, that English teaching and learning process would be much facilitated and enhanced if the students were given the opportunity to choose the learning material independently in accordance with their interests. In the course of our work, we constantly use the above additional material combined with the topic of the lesson and at the students' request; this significantly increases their interest, ultimately contributing to a better mastery of the material.

Self – directed learning online exercises with the immediate feedback of problematic aspects. A separate aspect of the learning portal could be devoted to a section which would include:

a) level-by-level (beginner- C1) lexical vocabulary and grammar point video explanations of the main points covered in the course. Thus, students would have the opportunity to pause and rewind the video explanation of the grammatical/lexical point at their own speed at which they are more susceptible to process the information;

b) each video explanation would have attached grammar/vocabulary online exercises with instant answer verification. This will enable students to verify their comprehension of the question and give them motivating confidence on their academic performance.

c) level-by-level (beginner- C1) tests which would help students to verify and identify their problematic points and thus would give them the possibility to them to improve before doing the final test.

To monitor this section, it would be desirable to engage a group of teachers and volunteers who, could be contacted by any student for additional consultation concerning problematic issue.

In addition, a pre-developed event program calculated for a year and published on the portal in the public domain for students of various faculties and specialties would enhance students' motivation for a more in-depth study of English. Students would have to register in advance so that it would be possible to maintain statistical reporting of student activity as well. The program will include:

- screening foreign films with subtitles (before viewing, students will be given a pre-prepared synopsis of the film and a small word list and phrases most often found in the films with explanation;
- screening BBC and Discovery Channel documentaries, History Channel, etc.
- conversational club events on different topics (or according to the subject of the course book), which would help students both at final exam and improve their conversational skills in general.
- events for the club to improve writing skills;
- an intercultural communication club with a native speaker to help students overcome the complex of communication with foreigners and directly immerse them in a situation of real communication.

It would be helpful to provide special language laboratories for students, which are a prerequisite in Europe for helping students to learn a foreign language. During master's and doctoral studies in France, we had the opportunity of regular classes in these laboratories. They used various modern software not only to improve pronunciation with a graphic image of the voice (for example: Tell Me More), but also different versions of programs for preparing for testing exams, such as TOIEC (Test of English for international communication), IELTS (International English language testing system), TOEFL (Test of English as a Foreign Language)

CONCLUSION. We assume that our proposed concept of creating the learning portal and a language laboratory would contribute to overcome students' difficulties associated with mastering a foreign language, increase their motivation, self-assessment and self-discipline skills, deepen not only linguistic, but also intercultural competence, all this in combination with a personal-oriented approach to study.

LIST OF REFERENCES

- BBC learning English, <https://www.google.com/search?q=bbc+learning+english...> Last contact date: 9.01.2021.
- British Council Learning English,
<https://www.google.com/search?q=british+council+learning+english&rlz> Last contact date: 9.02.2021.
- The English Channel, https://www.google.com/search?rlz=1C1SQJL_ruGE843GE843&sxsrf Last contact date: 9.02.2021.
- News in levels, <https://www.google.com/search?q=News+in+levels&rlz> Last contact date: 9.02.2021.
- TED talks, https://www.google.com/search?q=tet+talks&rlz=1C1SQJL_ruGE843GE843&oq Last contact date: 9.02.2021.
- Talk English, https://www.google.com/search?rlz=1C1SQJL_ru Last contact date: 9.02.2021.
- Biletsky Volodymyr, Onkovych Anna & Yanyshyn Olha (2019) Media education technologies in developing students' professional competence // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST” Vol. 2\2, N1 (October, 2019), p.p. 110-114. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-110-114>
- Onkovich G.V., Adamia Z.K., Onkovich A.D., Bogolyubova M.M., Lyalina O.O. (2020). Nove v mediaosviti: vebinarodidaktika // Suchasni aspekti nauki: II-ii tom kolektivnoyi monografiyi / za red. YE.O. Romanenka, I.V. ZHukovoyi. Kiyiv; Bratislava: FOP KANDIBA T.P., 2020. 223 s.- S.172-189.

For citation:

Diasamidze, L. (2021) Using learning portal in English language teaching // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 108-112. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-107-112>

Для цитирования:

Диасамидзе, Л. Я. (2021) Использование обучающего портала в преподавании английского языка // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (October, 2021). С. 108-112. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-107-112>

Information about the author:

Diasamidze Leila – PhD in Philology, Assistant professor, Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia.
e-mail: leila.diasamidze@bsu.edu.ge

Сведения об авторе:

Диасамидзе Лейла Яковлевна – доктор филологии, ассистент профессора, Батумский государственный университет имени Шота Руставели, Батуми, Грузия.
e-mail: leila.diasamidze@bsu.edu.ge

Manuscript received: 12/01/2021
Accepted for publication: 14 /02/2021
Рукопись получена: 12/01/2021
Принята к печати: 14/02/2021

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-113-119>

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF TEXTS ABOUT THE ARCHITECTURE OF ANCIENT EGYPT

Olena Mospan

PhD in Philology, Associate Professor

**Kharkiv National University of Civil Engineering
and Architecture (KNUCEA)**

(Kharkiv, Ukraine)

e-mail: elena.mospan@gmail.com

Annotation. The article deals with the analysis of lexical and grammatical features of texts on the history of architecture – one of the basic academic disciplines that future architects are taught. The aim of the research is to increase the level of readiness of foreign students to perceive professional information. The subject of research is typical for the scientific and technical style of speech and linguistic features specific to the historical and architectural discourse. The typical structures of texts on the architecture of Ancient Egypt are described. The most frequent lexical thematic groups of nominal and verbal vocabulary are highlighted in this discourse; the compatibility of frequency substantive units is analyzed. The main syntactic features of the historical and architectural discourse describing the ancient Egyptian era are listed. Recommendations on the selection of educational texts for foreign students of basic faculties and the system of pre- and post-text assignments for them are given.

Key words: architectural discourse, linguistic features of discourse, lexical-grammatical group, subject-predicate relations, determinative relations.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Е.П. Мосьпан

**кандидат филологических наук, доцент
Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры (ХНУСА)**

(Харьков, Украина)

e-mail: elena.mospan@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических и грамматических особенностей текстов по истории архитектуры – одной из базовых учебных дисциплин, которую преподают будущим архитекторам. Целью исследования является повышение уровня готовности иностранных учащихся к восприятию профессиональной информации. Предмет изучения общие для научно-технического стиля речи и специфические для историко-архитектурного дискурса языковые особенности. Описана типичная структура текстов по архитектуре Древнего Египта. Выделены наиболее частотные в данном дискурсе лексико-тематические группы именной и глагольной лексики; проанализирована сочетаемость частотных субстантивных единиц. Отмечены основные синтаксические особенности историко-архитектурного дискурса, описывающего древнеегипетскую эпоху. Даны рекомендации по

отбору учебных текстов для иностранных студентов базовых факультетов и системе до- и послетекстовых заданий к ним.

Ключевые слова: архитектурный дискурс, языковые особенности дискурса, лексико-грамматическая группа, субъектно-предикатные отношения, определительные отношения.

ВВЕДЕНИЕ. Одной из основных задач преподавателей языковой подготовки, работающих на базовых факультетах, является облегчение процесса восприятия иностранными студентами специальной информации с выведением их в профессионально ориентированную подготовленную и неподготовленную научную речь. С целью ее выполнения для иностранных студентов разрабатываются разнообразные учебные материалы по обучению языку специальности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Традиции создания пособий по научному стилю речи были заложены в 70-80-ых годах прошлого века. Данное направление активно разрабатывается и сейчас. Время показало, что одним из путей совершенствования учебных материалов по научному стилю речи является их максимальное приближение к учебно-профессиональным потребностям студента. Так, сначала создавались пособия общинженерного профиля, а позднее появились отдельные учебники для инженеров-техников, инженеров-экономистов и т.п., затем и более специализированные издания – для будущих строителей, архитекторов, программистов и т.п. При том, что уже накоплен большой опыт создания такого рода пособий, существуют резервы их улучшения. Один из них – применение в процессе их создания результатов лингвистического анализа текстов учебников по базовым дисциплинам. Так, харьковский русист В.В. Левитский еще в 1966 году первым в отечественной методике РКИ составил частотный словарь лексики учебников для первокурсников медицинских вузов (Levitskiy 1966, 184) и изложил в диссертации принципы ее лингвостатистического описания (Levitskiy 1971, 267). Его идеи были развиты в работах Э.В. Левитской (Витковской), чья диссертация была посвящена функциональной значимости и сочетаемостной активности именной лексики в газетном дискурсе (Levitskaya 1985, 237). Научные выводы этих специалистов составляют теоретическую базу данной работы. Она выполнена в лингвометодическом ключе, при том, что архитектурный дискурс в большинстве становится объектом лингвистического или текстологического описания (Van Li 2011, 107 – 116; Kositskaya, Zaytseva 2015, 142 –146; Loginova 2013; Petrova 2015).

ЦЕЛЬ. Целью исследования является приближение занятий по языковой подготовке к реальным ситуациям учебного общения студентов и преподавателей профильных дисциплин, повышение уровня готовности иностранных учащихся к восприятию профессиональной информации. Для этого была поставлена задача проанализировать тексты – описания архитектурных памятников Древнего Египта в рамках курса истории архитектуры (Birjukova 2005, 366; Vseobschay 1970, 512; Loginova 2013) на предмет выявления общих для научно-технического стиля речи и специфических для историко-архитектурного дискурса содержательных и лексико-грамматических особенностей. Данная работа является частью комплексного изучения языковых особенностей базовых для будущих архитекторов специальных дисциплин.

МЕТОДЫ. В процессе исследования применялись метод сплошной частотной выборки, аналитический метод изучения семантики отобранных единиц, а также описательно-интерпретационный метод.

ОБЪЕКТ. Тексты по истории архитектуры были выбраны в качестве объекта изучения в связи с тем, что этот предмет является одним из важнейших в процессе подготовки будущих архитекторов. Как правило, именно из учебных пособий по этой дисциплине преподаватели языковой подготовки отбирают на начальном этапе работы тексты для обучения будущих архитекторов научному стилю речи, дорабатывая их с учетом уровня речевой компетенции иностранных студентов. Учебный материал этого курса традиционно подается в соответствии с историко-географическим принципом: архитектура Древнего мира, Средних веков, европейская архитектура эпох барокко, классицизма, модерна и т.д. Первым подробно рассматривается Древний Египет, что и обусловило выбор объекта данного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Анализ учебных материалов показал, что тексты о Древнем Египте состоят из двух содержательных частей: 1) вводной, которая включает указание места и времени возникновения и развития данной культуры, ее периодизацию, краткую социально-политическую и экономическую характеристики эпохи и 2) собственно историко-архитектурной, содержащей детальное описание отдельных архитектурных памятников. Подобным образом представлены почти все периоды, т.е. такая структура является характерной чертой текстов данной тематики. Именно семантическая структура текста объясняет активное использование географических и исторических номинаций, таких, как *Средний, Поздний Египет, Верхний и Нижний Египет, Нил, Суэцкий канал, Асуанское море (водохранилище), Нубийские скалы, Мемфис, Фивы, Луксор, Гиза, Абу-Симбел, Саккара, Дашур, Дейр-эль-Бахри*, включая имена правителей, богов и т.п.: *Джоссер, Снофру, Хеопс, Хефрен, Рамзес, Тутанхотон, Амон, Озирис, Ра, Исиды*, преимущественно в сочетании с названиями строений: *пирамида Джоссера, храм Амона, усыпальница Рамзеса II, гробница Тутанхамона*. Подобная лексика, которая усваивается еще на школьных уроках истории, в иностранной аудитории требует отдельной отработки, во-первых, ввиду того, что подобные номинации, как правило, отличаются по звуковой форме в разных языках, а во-вторых, в связи с тем, что необходимым минимумом исторических знаний по разным причинам обладают далеко не все иностранные учащиеся. Следует также вводить и русскоязычные наименования представителей разных классов, государственных должностей, постов и т.п., такие, как *фараон, царь, царица, жрец, аристократия, придворные, приближенные* и др. Специфические для данного дискурса лексические группы составляют: 1) названия животных и птиц, включая мифических: *сфинкс, бык, овца, ибис, скарабей* и др., считавшихся священными, что объясняет создание их скульптурных и живописных изображений в древние времена, а также 2) наименования растений и их частей, которые в Древнем Египте использовались в качестве стройматериалов или служили образцами при создании отдельных архитектурных объектов: *камыш, лотос, тростник, пальма, ствол, стебель, цветок, бутон*. Некоторые из этих ботанических терминов стали структурными элементами названий типов колонн египетского ордера: *пальмовидная, папирусовидная и лотосовидная*. (Названия еще двух типов колонн образованы имен богов: *гиторическая* – от богини красоты Гатор (или Затор) и осирическая – от бога Осириса.) Основной же массив специальной лексики в анализируемом дискурсе предсказуемо составляют строительные и архитектурные термины. В анализируемых текстах широко используются названия строений, строительных объектов и изделий: *дворец, усадьба, хижина, квартал, лабиринт, храм, молельня, сокровищница, обелиск* и т.п. и их конструктивных частей: *колонна, полуколонна, колоннада, галерея* и др. В этой

тематической группе выделяются номинации специфических религиозных и погребальных сооружений и помещений: *некрополь, пирамида, гробница, саркофаг* и под. Студенту с начальной языковой подготовкой, скорее всего, знакомы слова *окно, пол, потолок, стена, комната, коридор, лестница, этаж, двор, бассейн, дорога*, как, возможно, и номинации *крыша, ступеньки, площадка, квартал* и т.п., но лексемы *столб, балка, плита перекрытия, терраса, цоколь, вестибюль, ярус, насыпь, вал, пандус, портик, пилон, башня, цоколь*, представляющие частотную профессиональную лексику, необходимо будет постепенно, с учетом их частотности, особенностей синтагматики и др., вводить в активный профессиональный лексикон иностранного учащегося.

Все тексты, описывающие какой-либо архитектурный памятник, содержат названия стройматериалов и строительных изделий из них, которые использовались на описываемом этапе развития строительства и архитектуры. В данном случае это номинации *песок, глина, раствор, кирпич, кирпич-сырец, фаянс и фаянсовая плитка, известь, дерево, бревно, известняк* и *блоки известняка, алебастр* и *алебастровые плиты, гранит, диорит* и т.п. Они функционируют, как правило, в конструкциях с родительным падежом и в сочетании со специальной глагольной лексикой. Такие глаголы, как правило, называют способы создания и отделки архитектурных объектов или их отдельных конструктивных элементов: *использовать / применять песок, тростник, возводить из камня, класть кирпич, делать из известняка, обмазывать глиной, облицовывать / отделять плитами, камнем, выкладывать плиткой, вытесать из камня, подогнуть каменные блоки* и пр. Сюда же следует отнести и такие предикаты, как *сформировать (комплекс), украсить (полуколоннами), возвести (obelisk), ориентировать (пирамиду)* и т.п. Эта глагольно-именная лексика, имеющая высокую частотность, является базовой для будущих архитекторов и используется при описании следующих периодов в истории архитектуры. Поэтому работу над перечисленными тематическими группами следует сделать регулярной, постепенно подключая названия строений, материалов и технологий, характерных для последующих эпох, и уделяя особое внимание их парадигматике и синтагматике.

Особенностью архитектурного дискурса, как научного изложения, посвященного творческой деятельности, является функционирование эмоциональных и экспрессивных элементов, что отличает этот тип дискурса от естественнонаучного и сближает его с искусствоведческим. Эта характерная черта объясняется тем, что воздействие архитектурного объекта на человека является одной из основных целей его создателей. Способы выражения эмоциональной и экспрессивной оценки требуют отдельного описания, а системно обучать им следует, вероятно, не ранее второго курса, так как необходимо сначала изучить то, что оценивается. К оценочным средствам следует отнести такие номинации и выражения, как *возвышается, доминирует, подавляет, шедевр строительного искусства, грандиозный проект, роскошный дворец, «мать всех пирамид», «отец трепета»* и многие другие.

Как известно, дошедшие до нашего времени архитектурные памятники данной эпохи включают пирамиды, скальные храмы, подземные гробницы и развалины жилых построек – храмов, дворцов, усадеб аристократов. Пирамиды на разных исторических этапах отличались ориентацией в пространстве, использованным для их строительства материалом, конструкцией надземной части, в частности, формой крыши и стен, количеством ярусов, облицовкой, а также организацией внутреннего пространства и его отделкой, несущими конструктивными и декоративными элементами, наличием сопутствующих построек – храмов, молелен и т.п. Как правило, в учебных текстах, посвященных этому периоду, описывается одна из пирамид – чаще всего пирамида Хеопса – самая известная в наше время. Если дополнить учебный материал заданиями на описание других пирамид с акцентом на их сходство и отличия, то можно существенно расширить словарный запас учащихся и повысить их речевую активность, так как при этом будет происходить перенос сформированных речевых навыков. Например, можно предложить студентам в устной или

письменной форме рассказать (с опорой на справочную информацию и базовые лексико-грамматические конструкции) о времени их создания, размерах, материале, из которого они сложены, о том, как соединяются между собой конструктивные элементы, чем пирамиды отделаны снаружи, какие подземные помещения и системы они имеют, где в них расположен саркофаг, есть ли внутри и вблизи скульптурные изображения и т.п. Для развития устной и письменной речи также целесообразно включать в учебные пособия дополнительные учебные тексты более высокого уровня сложности. Их можно будет использовать как в аудитории, так и для самостоятельной работы в сильных группах. Именно лингвистический анализ учебных пособий по соответствующей дисциплине предмету позволяет установить тематику и лексико-грамматическое наполнение подобных текстов.

Освоение лексики подразумевает работу со словообразовательными рядами. С этой точки зрения, методический интерес в текстах по архитектуре Древнего Египта представляют следующие ряды производных простых и сложных прилагательных: *додинастический (период), подопорная (стена), подземная / наземная (часть); гипостильный / перистильный (зал), протодорические (колонны); пилонообразный (откос), тоннелеобразная (камера); папирусовидная, лотосовидная, пальмовидная (колонна); прямоугольный (столб), полускальная (усыпальница), овцеголовый (сфинкс), многоколонный (зал), трехступенчатая, семиступенчатая (пирамида), четырехгранный (столб), двадцатиметровая (скульптура)* и др. В текстах также встречается ряд сложных существительных, образованных словосложением: *кирпич-сырец, женщина-фараон, город-крепость, город-некрополь, лучи-руки, рисунок-текст*, структурные элементы которых, за исключением последней номинации, склоняются по разным морфологическим моделям, на что необходимо обратить внимание иностранных учащихся.

С точки зрения синтаксиса, специфика анализируемого дискурса заключается, в первую очередь, в особенностях выражения субъектно-предикатных отношений. В исследуемых текстах широко представлены характерные для научного дискурса неопределенно-личные активные конструкции, такие, как: *При входе размещали статуи быков; Во внутренней отделке использовали камень; В наземной части размещают заупокойные храмы; Через Нил камень переправляли на плотах*, и пассивные конструкции несовершенного и совершенного вида: *Храм строился на протяжении почти тысячи лет; Камень доставлялся из каменоломен; Дороги обсаживаются пальмами; Пирамида Джоссера построена на месте другой пирамиды; Впервые в архитектуре был сформирован архитектурный комплекс; Пирамиды правильно ориентированы, Вход был оформлен башнями* и т.п.

При этом было отмечено наличие значительного количества двусоставных активных конструкций, используемых в основном в следующих ситуациях: 1) в вводной части текста, где дается характеристика эпохи: *Египетская культура возникла на узкой полосе плодородной земли долины Нила; Народные восстания и борьба за власть отделяют Древнее и Среднее царства; Формирование египетского государства значительно отличалось от Междуречья*; 2) в конструкциях, характеризующих отдельные строения и их элементы: *колонны имели высоту ..., зал имел ширину ... и высоту ...; Наиболее роскошным был дворец Аменхотепа III*; 3) в предложениях, где указывается автор проектов или инициатор строительства описываемых объектов: *Каждый фараон строил новую резиденцию; Вокруг главной постройки Имхотеп разместил дворы; В храме женщины-фараона архитектор Сененмут применил гаторические колонны с головками богини Хатор* и т.п. Распространенность таких структур специфична для исследуемого типа дискурса и сближает его с историческими и искусствоведческими текстами, в которых важен автор анализируемого произведения, чья личность оказывает определяющее влияние на результат деятельности.

Определительные отношения в текстах по архитектуре Древнего Египта представлены на уровне субстантивных словосочетаний типа *шалаш из прутьев, здания из кирпича-сырца*,

раствор из глины, извести и песка, облицовка из известняка, статуя фараона, молельня со статуей, адъективно-субстантивными конструкциями, в том числе и с оценочным значением: династический период, пирамидальная форма, ступенчатая пирамида, египетский ордер, папирусообразные колонны, погребальный комплекс, а также причастными конструкциями, в которых преобладают пассивные формы: некрополи, облицованные каменными плитами; гробницы, называемые «мастаба»; блоки, держащиеся за счет силы тяжести; глиняные модели, сохранившиеся в захоронениях; фараон, оставивший описание своего дворца и т.п.

Определительные причастные конструкции – одна из особенностей научно-технического текста; в нашем случае в процессе их активизации необходимо обратить внимание на наполнение их частотной профессиональной лексикой. Обилие причастных оборотов и предикатов, выраженных краткой формой пассивного причастия, делают актуальной повторительную работу по их дифференциации. Этот материал, который обычно осваивается в рамках подготовительного языкового курса, на базовых факультетах следует регулярно активизировать с привлечением специальных лексических единиц. В процессе этой работы следует проанализировать, например, такие парные конструкции: *В доисторический период строились хижинки, обмазанные глиной. – Стены хижинки были обмазаны глиной; Позже появились здания, сложенные из кирпича. – Этот дом был сложен из кирпича; Статуи фараона были выполнены из черно-зеленого диорита. – Вдоль стен пирамиды стояли выполненные из черно-зеленого диорита статуи фараона; Храмовая дорожка обсажена пальмами. – К храму вела дорожка, обсаженная пальмами и т.п.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Работу с выделенными группами номинаций и специфическими типами синтаксических конструкций следует проводить на этапах пред- и послетекстовых заданий, делая ее системной. Исследование предполагается продолжить, и по его результатам составить учебный словарь лексики, обслуживающей разделы пособий, посвященные архитектуре Древнего мира.

LIST OF REFERENCES

- Biryukova, N.V. (2005). *Istoriya arhitekturyi : uchebnoe posobie [dlya srednih spetsialnyih uchebnyih zavedeniy po spetsialnosti 2901 "Arhitektura"] / Biryukova N.V. – Moskva : INFRA-M, 366 s.*
- Chepelik V.V. *Zodchie Srednevekovyia i novogo vremeni (UI-IIHvv.): Uchebnoe posobie. - K.: UMK VO, 1991. – 124 s. – Na ukr. yazike.*
- Van Li. (2011). *Grammaticheskaya spetsifika nauchnyih tekstov russkogo / Van Li. – Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – #. 17. – Ch. I. – S. 107 – 116.*
- Vseobschaya istoriya arhitekturyi v 12 tomah. Tom 1 : Arhitektura drevnego mira / Pod redaktsiey O. N. Halpachyana (otvetstvennyiy redaktor), E. D. Kvitnitskoy, V. V. Pavlova, A. M. Pribytkovoy. – Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – (1970), 512 s., il.*
- Kositskaya, F.L., Zaytseva, I.E. (2015). *Arhitekturnyy diskurs i ego zhanryi v sfere professionalnoy kommunikatsii (na materiale frantsuzskogo yazyika) / F.L. Kositskaya F.L., I.E. Zaytseva I.E. – Vestnik TGPU 2015 #4 (157).– S. 142 –146.*
- Levitskaya, E. V. (1985). *Funktsionalnaya znachimost i sochetaemostnaya aktivnost imennoy leksiki v russkom yazyike : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / E. V. Levitskaya. – H., 237 s.*

- Levitskiy, V. V. (1966). Chastotnyiy slovar yazyika uchebnyih posobiy meditsinskogo instituta : (Pervyy semester) / [sost. V. V. Levitskiy]. – Moskva : Izd. Mosk. un-ta, 184 s.
- Levitskiy, V. V. (1971). Lingvostatisticheskoe opisanie leksiki nauchnoy rechi (na materiale uchebnikov medinstituta) : dis. ... kand. filol. nauk / nauch. ruk. G. I. Makarova ; HGU / V. V. Levitskiy. – Harkov, 267 s.
- Loginova, D. V. (2013). Istoriya arhitekturyi [Elektronnyiy resurs] : uchebnoe posobie : samost. ucheb. elektron. izd. / D. V. Loginova ; Syikt. lesn. in-t. – Elektron. dan. – Syiktyivkar : SLI, Rezhim dostupa: <http://lib.sfi.komi.com>. – Zagl. s ekrana. [posl. obraschenie 14.03.2021].
- Mospan, E., Bessonova, N. & Greul, O (2020). Teaching the scientific style of the rivers of the future architects and builders in KNUCA: achievements, problems, perspectives // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WESTEAST”. Vol. 4, N1 (October, 2020). pp. 70-77. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2020-3-70-77>
- Petrova, L.A. (2015). Arhitekturno-stroitelnyiy diskurs kak samostoyatelnyiy ob'ekt lingvisticheskogo rassmotreniya [Elektronnyiy resurs] / L.A. Petrova . – Evraziyskiy soyuz uchenyih. – Filologicheskie nauki. Rezhim dostupa: <https://euroasia-science.ru/filologicheskie-nauki/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81-%D0%BA/>
- Onkovich, G. V., Chepelik, V. V. (2011). Ukrayinska mova dlya arhitektoriv. I ne tilki : navch. posib. /; NAPN Ukrayini, In-t vish'. osviti. – Kiyiv : Logos, 220 s.
- Onkovich, A.V. (1980). Metodicheskie ukazaniya po razvitiyu rechi dlya studentov-inostrancev stroitelnih i arhitekturnih specialnostei. Professiya? – Stroitel! / Kiev. inzh.-stroit. in-t ; sost. A. V. Onkovich. – Kiev : KISI, 52 s.
- Onkovich, A. V. Starinskaya, N. N. (1985). Metodicheskie rekomendacii k zanyatiyam po spekleksike dlya studentov-inostrancev podgotovitel'nogo fakulteta arhitekturnoi specialnosti /; Kiev. inzh.-stroit. in-t. – Kiev : KISI, 36 s.
- Simonenko, M.A. (2008). Arhitekturnyy diskurs vs diskurs arhitekturyi / E.M. Simonenko Obschestvennyie i gumanitarnyye nauki. T. 1. – # 38 (82) , 315 – 319 s.

For citation:

Mospan, E. (2021) lexical and grammatical features of texts about the architecture of ancient Egypt // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). pp. 113-119. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-113-119>

Для цитирования:

Моспан, Е.П. (2021) Лексико-грамматические особенности текстов об архитектуре Древнего Египта // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal “WEST-EAST”. Vol. 5, N1 (March, 2021). С. 113-119. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-113-119>

Information about the author:

Elena Mospan - PhD, Associate Professor of the Department of Ukrainian Language and Language Training of Foreign Citizens, Kharkiv National University of Construction and Architecture (KNUCEA), Kharkiv, Ukraine.

e-mail: elena.mospan@gmail.com

Сведения об авторе:

Елена Павловна Моспан – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка и языковой подготовки иностранных граждан, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры (ХНУБА), Харьков, Украина.

электронная почта: elena.mospan@gmail.com

Manuscript received: 12/01/2021
Accepted for publication: 15/02/2021
Рукопись получена: 12/01/2021
Принята к печати: 15/02/2021

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “West-East” - ISPOP
SCIENTIFIC JOURNAL “WEST-EAST”
ISSN (print) - 2587-5434 ISSN (online) – 2587-5523

Passed for printing 15.02.2021- 15.03.2021, Paper size 60×84/16. Offset printing. Print
run of 100 copies, Order N 127

Подписано в печать 15.02.2021 - 15.03.2021 Формат 60×84/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,6. Тираж 100 экз. Заказ №127

Publishing House “UNIVERSAL”

თბილისი, 0186, ა. პოლიბოვსკაიას №4. ☎: 5(99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30
E-mail: universal505@ymail.com; gamomcemlobauniversali@gmail.com